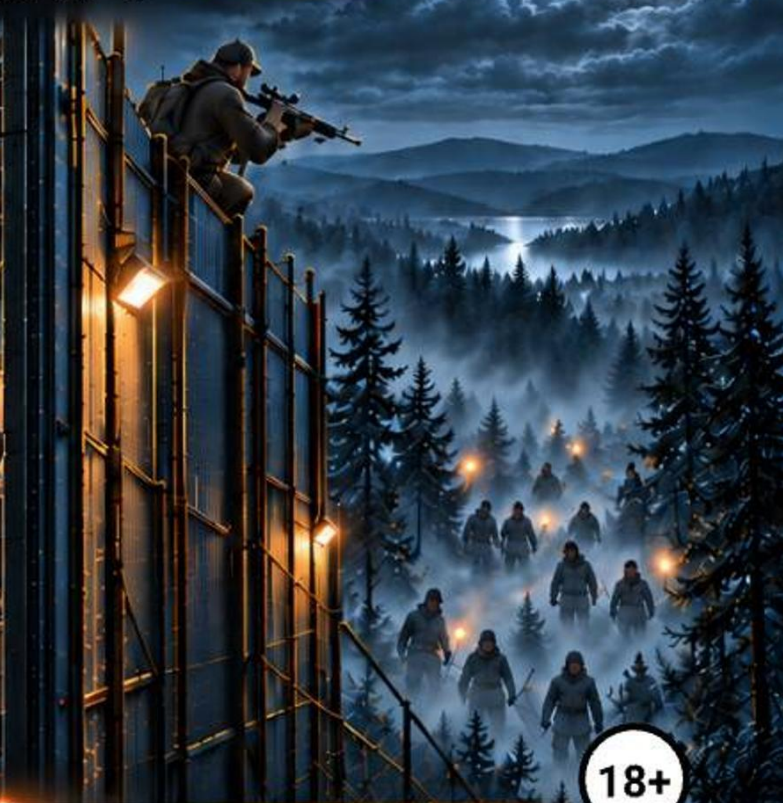

САЛАВАТ САЛАХОВ

ЛЮДИ ОСТАЮТСЯ
ЛЮДЬМИ
ДАЖЕ В НОВОМ МИРЕ

КОГДА МИР ОСТАНОВИЛСЯ

КНИГА 1

18+

НОВЫЙ МИР • НОВЫЕ ПРАВИЛА • ТЕ ЖЕ ЛЮДИ

Салават Салахов

Когда мир остановился. Книга 1

«Автор»

2026

Салахов С.

Когда мир остановился. Книга 1 / С. Салахов — «Автор», 2026

Земля замедляет вращение. Дни становятся всё длиннее, а учёные не могут объяснить причину. Мир ещё живёт по привычным правилам: люди работают, любят, спорят, строят планы. Но время, на которое они рассчитывают, уже меняется. Шон Деккер создал успешную компанию и привык находить решения сложных проблем. С собственным прошлым всё оказалось труднее. Теперь ему предстоит столкнуться с бедой, для которой не существует готового плана. Катастрофа не уничтожит привычный мир за один день. Она будет годами лишать людей безопасности, дома и уверенности в завтрашнем дне. Чтобы сохранить тех, кто рядом, придётся не только выживать, но и заново учиться доверять, принимать решения и строить общее будущее. Когда старый мир остановится, смогут ли люди создать новый — и остаться в нём людьми?

© Салахов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1	18
Глава 2	28
Глава 3	37
Глава 4	52
Глава 5	62
Глава 6	68
Глава 7	74
Глава 8	85
Глава 9	105
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Салават Салахов

Когда мир остановился. Книга 1

Когда мир остановился
Книга 1

Пролог

— Внуково-Вышка, Север четыреста семнадцать, посадочная прямая, полоса двадцать четыре.

Голос лёг в правый наушник поверх ровного шороха эфира. Левый наушник сдвинут на висок, и в щель между дужкой и ухом входит зал с его вентиляторами, телефонами и негромким разговором у дальнего пульта. Диспетчер вытянул из планки стрип «Севера» и держит его на весу, над ячейкой, пока отвечает.

— Север четыреста семнадцать, Внуково-Вышка, продолжайте заход, впереди вас взлёт с ноль первой.

— Продолжаю, Север четыреста семнадцать.

Стрип вернулся в ячейку. Край мягкий, захватанный, и карандашная пометка на углу смазалась от пальцев.

За стеклом небо опустилось до самых ангаров и лежит на их крышах серым брюхом. Мокрый бетон темнее неба. Вдоль рулёжек тянутся осевшие валы мартовского снега с чёрной коркой, ветер бьёт в стекло толчками, и в раме каждый раз отзывается тонкий звон.

У начала ноль первой стоит борт с включёнными огнями. Морось размывает их в мутные шары.

— Волга шестьсот два, исполнительный ноль один, к взлёту готов.

Отметка «Севера» ползёт по продолжению двадцать четвёртой, и до торца ей ещё далеко. Диспетчер поднял над планкой другой стрип.

— Волга шестьсот два, ноль один, взлёт разрешаю.

— Разрешили, взлетаем, Волга шестьсот два.

Стрип опустился на место.

Огни у начала полосы тронулись. Сначала они плывут медленно, потом за ними встаёт длинный белый веер брызг, и звук приходит к стеклу с опозданием, глухой и ровный. Нос поднялся. Самолёт оторвался, повисел над бетоном и вошёл в облако так низко, что хвост ещё виден, когда кабины уже нет.

На экране под отметкой «Волги» ожил формуляр. Цифра высоты прибавляет с каждым обновлением, по одной ровной ступеньке.

Справа, на втором мониторе, всплыло окно в жёлтой рамке.

«РУЧНАЯ СВЕРКА ОПОРНЫХ ДАННЫХ. ТРЕБУЕТСЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ».

Рамка мигает. С утра окно выскакивает уже в четвёртый раз, и в его нижнем углу растёт счётчик неподтверждённых запросов.

— Илья, сверку не трогай, — сказал старший смены. Он перегнулся через спинку кресла, забрал мышь у правого монитора и подтянул к себе вместе с ковриком. — Твои полосы.

За спиной зашуршал принтер.

Илья поднял стрип «Севера».

— Север четыреста семнадцать, двадцать четыре, посадку разрешаю.

— Посадку разрешили, Север четыреста семнадцать.

Он смотрит в серое над огнями подхода, туда, откуда сейчас должен выйти нос. Серое стусилось, и из него вылепился самолёт с горящими фарами, сначала нос, потом крылья. Порыв положил его на правое крыло. Лётчики выровняли, второй порыв качнул снова, и самолёт заскользил по глиссаде неровно, рывками, то проседая, то вспухая над ней.

— Внуково-Вышка, Север четыреста семнадцать, ухожу на второй.

Двигатели взревели раньше, чем Илья успел ответить. Рёв ударил в стекло сплошной стеной, и в стакане на пульте тонко задребезжали карандаши. Нос «Севера» задрался. Талая

вода на бетоне под ним взметнулась белой пылью и легла обратно, а самолёт уже уходил в облако.

Илья надвинул левый наушник на ухо. Зал за спиной исчез, остались эфир и собственное дыхание в микрофоне.

— Север четыреста семнадцать, понял, второй круг по схеме.

— По схеме, Север четыреста семнадцать.

Теперь в воздухе две отметки. От каждой тянется короткая черта вектора, и обе черты смотрят в одно место. В формуляре «Севера» цифра растёт. В формуляре «Волги» она выше, больше чем на тысячу, и тоже растёт. Илья перевёл глаза с одной цифры на другую и обратно. По горизонтали метки сходятся. По вертикали разница держится.

Возле клавиатуры легла распечатка, ещё тёплая. Две колонки цифр, и последние знаки в них разные.

— Опять разъехалось, — сказал старший смены. — Распишись, что видел.

Илья расписался, не опуская глаз от экрана. Подпись уехала за край графы.

— Север четыреста семнадцать, информация о движении. Справа впереди взлетевший борт, выше вас на тысячу двести, набирает.

— Наблюдаю по системе, выше. Север четыреста семнадцать.

— Волга шестьсот два, слева ниже вас борт на уходе, ниже на тысячу двести. Продолжайте набор.

— Продолжаю, Волга шестьсот два.

Окно сверки мигнуло снова, жёлтое на краю зрения. Илья не повернул головы. Цифра «Волги» прибавила ещё ступеньку, ровную, как все прежние, и цифра «Севера» прибавила тоже.

Концы двух векторов почти касаются.

Тяга вдавила салон «Севера» в спинки кресел.

Нос пошёл вверх, и под креслами покатила к хвосту пустая пластиковая бутылка. Она стучается о ножки, ряд за рядом, всё дальше и глуше.

Мальчик у правого окна держал рюкзак на коленях, хотя его дважды просили убрать. Рюкзак красный, на молнии болтается резиновый динозавр. Тяга стащила рюкзак с колен, и он повис на лямке, зацепившейся за подлокотник, а динозавр бьётся о пластик в такт тряске.

Бабушка держит мальчика за капюшон куртки, как держат на переходе. Вязаный бордовый берет ещё мокрый от снега, на ворсе дрожат капли.

— Мы опять взлетаем?

— Опять. Сиди.

Впереди, у перегородки, лицом к салону, на откидном кресле сидит бортпроводница, плечевые ремни крест-накрест прижимают синий жилет. Голос ровный и одинаковый, слово в слово, сколько бы раз она ни повторяла.

— Оставаться на местах. Ремни застёгнуты. Оставаться на местах.

На жилете бейдж. Мальчик шевелит губами и читает по слогам, как читают вывески из окна автобуса.

— О-ль-га.

— Ольга, у него ремень болтается! — крикнула бабушка.

Ремень и правда висит свободно, мальчик распустил его, когда тянулся за рюкзаком. Она подалась вперёд, насколько дали плечевые ремни, и смотрит прямо на мальчика.

— Сам. Хвостик ремня видишь? Тяни на себя. Сильнее.

Он рванул ленту двумя руками. Пряжка куснула его через куртку.

— Вот так. Рюкзак ногой под переднее кресло.

Мальчик запихнул рюкзак ботинком. Тот упёрся, перекосясь и ушёл под кресло, а динозавр остался снаружи, на полу, мордой к потолку.

Окна разом залило белым. По стеклу поползли к хвосту тонкие струйки, дрожат, рвутся на капли. Свет стал плоским, без теней, и без мира за окнами салон кажется вдвое уже. Под полом что-то коротко загудело, и самолёт чуть просел, как лифт перед остановкой.

В кабине оба основных высотомера показывают одно и то же. Механизацию второй пилот убирает по ступеням и докладывает каждую одним словом. На индикаторе движения, справа вверху, светится ромб чужого борта. Рядом с ним плюс двенадцать и стрелка вверх.

— Север четыреста семнадцать, борт справа, выше вас на тысячу двести.

— Видим по системе, — ответил второй пилот и показал на ромб пальцем, не касаясь стекла. — Выше.

Командир смотрит вправо и вверх. Белое лежит на лобовом стекле вплотную, без глубины, и капли ползут по нему вверх и в стороны.

Там, куда показывает ромб, только облако.

«Волга» идёт вверх сквозь сплошное серое.

У левого окна женщина держит на коленях горшок в прозрачном пакете, ручки пакета намотаны на запястье. Гиацинт синий, тугой, только раскрылся, и в салоне, полном мокрых пальто, от него идёт сладкий тяжёлый запах. При наборе горшок тянет к животу, и один лист прилип к стеклу.

Парень у прохода, в зелёной толстовке, вытащил один наушник.

— Давайте поддержку.

— Сама, — сказала она. — Он и так весь помятый.

В кабине высотомер перед вторым пилотом показывает ровный набор. Командир сверил его со своим, потом с резервным. Все три говорят одно.

На индикаторе слева внизу светится ромб. Рядом минус двенадцать и стрелка вверх.

— Волга шестьсот два, борт слева ниже вас, на тысячу двести, набирает.

— Наблюдаем, Волга шестьсот два. — Второй пилот отпустил кнопку. — Ниже нас, командир. Лезет вверх.

— Пусть лезет. Держи набор.

Ромб на индикаторе ползёт к центру. По обшивке ровно шумит облако, и в этом шуме командир слышит, как справа от него второй пилот переводит дыхание через нос.

Серое за стеклом посветлело и разошлось клочьями. Слева, не снизу, а на их высоте, из ключев выдвинулось крыло, огромное, белое, с огнём на кромке, а за ним фюзеляж, повёрнутый к ним брюхом.

— Слева!

Командир толкнул штурвал от себя и вправо. Тело оторвалось от кресла и повисло на ремнях, желудок подкатил к горлу. За дверью кабины в салоне вскрикнули сразу несколько голосов.

У левого окна горшок поднялся над коленями женщины на ладонь и завис вместе с пакетом, синие цветы качнулись к потолку.

Удар пришёл сзади и сверху. Короткий, плоский, железный. Следом через весь самолёт, от хвоста к кабине, прошёл второй звук, длинный, рвущийся, и пол под ногами задрожал мелко, по-чужому.

Командир потянул штурвал на себя. Штурвал пошёл, а нос не пошёл. Самолёт продолжает валиться вперёд и вправо, и правая педаль ничего не меняет.

— Не слушается!

Второй пилот лёг на штурвал обеими руками. Авиагоризонт заваливается дальше, медленно, неостановимо.

Горшок ударился в потолок салона, пакет лопнул, и земля сыпанула над рядами чёрным веером. Запах мокрой земли и гиацинта смешался с горелым. Парень в зелёной толстовке схватил женщину за рукав. Пальцы проехали по ткани и вцепились в намотанные ручки пакета у неё на запястье.

Облако кончилось сразу. Внизу, слишком близко и не там, где должен быть горизонт, лежит бурое мокрое поле с полосой забора и чёрной лентой дороги.

«Север» ударило в правое крыло.

Командир ещё держит штурвал на себя и влево, как рванул его мгновение назад, когда в разрыве облака справа, ниже и ближе, чем стоял ромб на индикаторе, выплыл чужой хвост. Толчок прошёл через фюзеляж от правого борта к левому, словно по обшивке снаружи хватили шпалой.

В салоне раскрылись две верхние полки. Пуховик выпал мужчине у прохода на голову, и тот сдирает его с лица обеими руками. Чья-то бутылка с водой лопнула под ногами.

У мальчика за окном крыло. Конец стал короче, рваный, и из рваного края бьёт назад белая струя, плотная и ровная, как пар из носика чайника. Струя блестит. Потом в белое вpleлось рыжее, и по салону от окна к окну пошёл запах керосина.

Бабушка оторвала мальчика от стекла за капюшон и прижала лицом к груди.

В кабине самолёт тянет на правое крыло, и командир держит штурвал влево до упора. Горизонт на мгновение встал на место и снова пополз к краю стекла. Второй пилот работает рычагами тяги порознь, один подал вперёд, другой придержал, и горизонт ползёт медленнее. Медленнее, но ползёт.

На панели по правой стороне зажглось красное.

— Топливо справа уходит, — сказал второй пилот.

Облако под ними рвётся, и в разрывах проступает аэродром. Мокрый бетон, жёлтая прошлогодняя трава, чёрные ленты рулёжек. Полоса уходит вбок.

— На полосу не довернём.

— На грунт, — сказал командир. — Между полосами. Держим до земли.

Второй пилот нажал кнопку передачи.

— Внуково-Вышка, Север четырёста семнадцать, терплю бедствие, сажусь на грунт перед собой.

У перегородки звякнул вызов интерфона. Ольга, не отстёгиваясь, взяла трубку, услышала несколько слов и вдавила трубку обратно в держатель. Когда она заговорила снова, голос был другой, громкий, и заполнил салон до хвоста.

— Приготовиться к аварийной посадке! Пригнуться! Голову вниз!

Мужчина у прохода, всё ещё с пуховиком на коленях, потянулся вверх, к раскрытой полке.

— Сидеть! Багаж оставить!

Он сел. Бабушка пригнула мальчика к коленям и легла ему на спину рукой и грудью. Берет соскользнул с головы и упал в проход. Мальчик смотрит вниз, под переднее кресло, где в темноте краснеет рюкзак.

— Голову вниз! Голову вниз!

В окнах осталась одна земля.

Первым ударило снизу, через пятки в позвоночник. Самолёт подбросило, и второй удар, тяжелее первого, развернул фюзеляж боком. Ольгу швырнуло на перегородку, правую ступню подвернуло под откидное кресло. Из полки вылетел чемодан, врезался в кресло и исчез между рядами.

Слева за окнами понеслись трава и бурая вода. Справа мелькнуло рыжее. Скрежет под полом стал сплошным, и каждый шов обшивки отдаётся в креслах.

Самолёт остановился не сразу. Салон ещё качнуло вперёд, назад, и он замер с креном на правый борт. Над проходом раскачивается оторванная панель. Сзади кашляют. Где-то в хвосте заплакал ребёнок, поздно, уже когда всё перестало двигаться.

Ольга отщёлкнула ремни и встала.

Правая нога под ней сложилась. Ольга поймала поручень у двери и повисла на нём, перенеся весь вес на левую. Ступня в туфле горячая и чужая, и вставать на неё нельзя.

За правыми окнами горит. Слева трава, мокрая, пустая, без огня.

— Отстегнуть ремни! Выходы слева! Всё оставить! Выходы слева!

Она глянула в окошко двери. Внизу трава, вода в колесах, никакого огня. Ольга рванула рукоятку и навалилась на дверь плечом, держась за поручень. Дверь пошла. Холод хлынул в салон, сырой, пахнувший оттаявшей землёй и травой, и трап под дверью развернулся с тяжёлым хлопком.

— Прыгать! Внизу отбегать! У трапа не стоять!

Люди пошли. В середине прохода молодой человек поднял телефон над головами и снимает горящее крыло через правые окна, и за его спиной встала очередь.

— Телефон убрал! Пошёл!

Он сунул телефон в карман и пошёл.

Мальчик нагнулся под кресло, к динозавру. Бабушка поймала его за капюшон и развернула к двери.

— Брось. Брось, я сказала.

У двери он встал на самом краю. Трап уходит вниз длинной серой горкой, под ним мокрая трава, и от травы поднимается пар. Ольга положила ладонь ему между лопаток.

— Прыгай.

Он прыгнул. Внизу его поймал за куртку мужчина с пуховиком и оттащил в сторону. Бабушка села на край без берега, поджала колени и съехала следом.

Под креслом в третьем ряду остался красный рюкзак. Динозавр лежит у ножки кресла мордой к потолку, и салон над ним пустеет.

Пожарная машина вылетела на развилку рулёжек, и пожарный в шлеме с треснувшим забралом увидел оба дыма сразу.

Ближний поднимается от самолёта на траве между полосами. По правому крылу стелется низкий рыжий огонь, с левого борта свисает серый трап, и от трапа по траве разбегаются люди. Дальний стоит за полосой, у самого забора, чёрным столбом, и ветер гнёт его к земле.

— На дальний, — сказал командир расчёта.

— Там люди бегут, — ответил водитель.

— Туда идут третья и пятая. На дальний.

Машина взяла вправо и пошла мимо. У подножия трапа на траве сидит бортпроводница в синем жилете, одна нога вытянута перед ней, и она машет руками тем, кто съезжает сверху, отгоняя их от трапа. Сквозь стекло кабины её не слышно, видно только, как открывается рот, раз за разом одинаково.

Потом самолёт на траве остался позади.

У забора трава кончается полосой обломков. Пожарный идёт боком, подставив жару плечо. Под ботинком хрустнул пластик. Метрах в пяти медик уже стоит на коленях над человеком в грязи.

У перевёрнутого ряда кресел лежит лопнувший прозрачный пакет, в нём черепки и земля. Синие цветы торчат из грязи целые, ни один не сломан. Запах гиацинта на один вдох пробился сквозь керосин и пропал.

Женщина пристёгнута к креслу, как сидела, и ручки пакета всё ещё намотаны на запястье. Пожарный опустился рядом на колено, поднял треснувшее забрало и прижал два пальца к её щеке. Подождал. Сдвинул пальцы. Подождал ещё.

Он поднялся и пошёл к следующему.

Из-под перевёрнутого ряда донёсся кашель. Пожарный развернулся. Кашель раздался снова, сорвался на хрип, и под рамой шевельнулся рукав, зелёный, мокрый от грязи.

— Тут живой! Лом сюда!

Напарник примчался с ломом. Вдвоём они загнали его под раму. Рама прогнулась и осталась на месте.

— Под самое крепление. Давай вместе, раз, два.

Крепление треснуло. Рама приподнялась на ладонь, и пожарный подставил под неё плечо.

— Не шевелись. Не тянись к нам. Сами вытащим.

Напарник сунул под раму распорку. Позади кто-то ударил пеной по горящему обломку, и огонь под белым сугробом сник.

В зале вышки эфир не замолкает.

Голос Ильи идёт по частотам короткими командами. Полосы закрыты, борты на рулёжках стоят, машины аэродромных служб расходятся по полю, и каждой нужно сказать, куда. Под правым наушником ухо горит. Старший смены забрал на себя половину эфира и говорит ровно, с одинаковыми промежутками, как читает список.

Стрип «Волги» у Ильи в пальцах, поднятый над ячейкой. Илья поднял его, когда вызвал «Волгу» в первый раз, и так и не опустил. Ответа не было ни на первый вызов, ни на третий. На третьем вызове метка «Волги» пропала с экрана.

Команд становится меньше. Старший смены встал у кресла Ильи.

— Илья. Запись, сырые данные, стрипы. Всё как есть. Ничего не трогаем.

Илья опустил стрип в ячейку, ровно туда, откуда вынимал. Потом открыл повтор.

Метки снова поползли по экрану. «Волга» отрывается и набирает. «Север» уходит с полосы вверх. Векторы тянутся друг к другу, короче, ещё короче. Илья остановил повтор там, где отметки сошлись в одну. Формуляры напозли друг на друга, буквы перемешались, но обе цифры высоты видны, и между ними тысяча триста.

Он запустил участок ещё раз, медленнее. Метки сходятся. Цифры не сходятся.

В углу правого монитора мигает окно сверки. Его никто не закрывает.

За стеклом над полем стоят два дыма, ближний и дальний.

На экране между двумя самолётами остаётся тысяча триста футов.

У двери стоит пластиковый ящик с телефонами. Каждый сданный аппарат лежит в конверте с фамилией владельца, и время от времени в ящике коротко жужжит то один, то другой. Никто к нему не обращается.

Перед каждым местом за длинным столом лежит лист повестки.

«Закрытое заседание межведомственной рабочей группы по чрезвычайным ситуациям. Вопрос единственный. Целостность опорных систем времени и навигации в связи с происшествием во Внуково».

Окна закрыты жалюзи. Сквозь щель между планками видна мокрая улица, по стеклу ползут капли, серые от последнего света. На торцевой стене светится экран, и на нём стоит стоп-кадр с диспетчерского монитора. Две отметки слились в одну, формуляры напозли друг на друга, буквы в них перемешались, и только две цифры высоты читаются отдельно.

— Это запись за несколько секунд до столкновения, — сказал человек от комиссии по расследованию. Он стоит у экрана в куртке, которую так и не снял, и с рукава у него ещё не сошёл тёмный след сажи. — По записи между бортами больше тысячи футов. Экипаж уцелел-

шего борта говорит, что увидел второй самолёт на своей высоте. Кто-то ошибается, и я ставлю не на экипаж.

— Причина? — спросил председатель.

— Рабочая версия есть, неисправность на одном из бортов в цепочке, которая отдаёт высоту наружу. Самописцы подняли, расшифровка займёт время. Причину сегодня я не назову и завтра не назову.

Председатель сидит во главе стола, перед ним закрытая папка и стакан воды, к которому он за вечер не притронулся. Галстук ослаблен на один палец, не больше.

— Ещё что-нибудь, что мне нужно знать?

— Диспетчеры две недели пишут рапорты о ручных сверках опорного времени. Сверок стало больше. Расхождения мелкие, в пределах допусков. Сегодня утром на той смене было несколько запросов подряд. — Он помолчал. — Связи со столкновением я не утверждаю. Я говорю, что у людей на смене было меньше свободного внимания, чем обычно.

Председатель повернулся к дальнему концу стола.

— Господин Лазборг. Вы пишете мне вторую неделю. Это оно?

Лазборг сидит не за столом, а на стуле у стены, рядом с ящиком телефонов, с папкой на коленях. Круглые очки сползли к самому кончику носа, и смотрит он вверх них, на экран.

— Если вы про столкновение, то не знаю, — сказал он. — И скорее всего нет. Неисправный борт, перегруженная смена, облачность. Для катастрофы этого хватает без всякой Земли. Если я сегодня скажу, что самолёты столкнулись из-за вращения, у меня не будет ничего, кроме совпадения дат. И вы перестанете меня слушать раньше, чем я дойду до того, что действительно измерено.

— Тогда зачем мне Внуково?

— Затем, что сегодня вы все видели, как цифра на экране разошлась с тем, что было в воздухе. Время, высота, координаты где-то сверяются с Землёй, и обычно никто не смотрит, как именно. Внуково ничего не доказывает. Оно только не даёт больше считать эти сверки скучными.

Председатель показал человеку от комиссии на дверь, коротко, одним подбородком.

— Спасибо. Расследование ваше. Здесь мы его не ведём.

Тот собрал со стола папку и вышел. Дверь закрылась за ним мягко, доводчиком, и стоп-кадр Внуково ещё секунду висел на стене один. Потом молодой человек за ноутбуком у стены нажал клавишу, и кадр погас.

Вместо него на стене развернулись две кривые на клетчатом поле, синяя и серая.

— Синяя показывает, насколько Земля отстаёт от атомных часов, — сказал Лазборг. Он так и не встал со стула. — Серая показывает, сколько длятся сутки. Обычно обе ходят вверх и вниз вокруг привычного, по сезону, по погоде, по океану. С четвёртого марта сутки длиннее, чем должны быть. Ненамного. И каждый день ещё чуть длиннее вчерашнего.

— Это ваши данные, — сказала женщина в вязаной кофте из службы времени, сидящая напротив председателя. Рукава у неё подвёрнуты до локтей, на шее на шнурке висит флешка. — Вы их обработали, вы их привезли. Я пока вижу одну кривую, нарисованную одним человеком.

— Поэтому вас и позвали.

— Меня позвали, чтобы я это сломала. — Она сняла шнурок через голову и протянула флешку молодому человеку у ноутбука. — Здесь наша быстрая выгрузка. Мы её считаем сами и никому не отдаём до утра. Господин Лазборг её не видел.

Молодой человек вставил флешку. На стене рядом с первыми двумя кривыми встали ещё две, бледнее.

Она смотрела на них долго, дольше, чем хотелось председателю. Он постучал ногтем по закрытой папке, один раз, и перестал.

— Что вы видите?

— Наклон в ту же сторону. Это ещё ничего не значит. Есть три способа получить одну и ту же картинку из двух мест и ни одного настоящего изменения.

— Назовите.

— Первый. У нас общая таблица поправок, и она кривая. Тогда обе кривые врут одинаково. Если я её заменю, спутниковые ряды поедут, а радиотелескопы не шелохнутся, потому что этой таблицей они не пользуются. — Она повернулась к ноутбуку. — Подвиньтесь.

Молодой человек уступил ей стул. Она печатает быстро, двумя пальцами каждой руки, и шепчет себе под нос номера строк. На стене спутниковые кривые дрогнули и чуть сместились, как сдвигается отражение в воде, когда тронешь таз. Наклон остался.

— Радио, — сказала она.

Ещё одна кривая встала поверх остальных, короче, с редкими точками.

— Это считается по далёким квазарам, сетью антенн на нескольких континентах. Спутники тут ни при чём, наши поправки ни при чём. — Она замолчала и смотрит, наклонив голову. — Идёт туда же.

— Второй способ? — спросил председатель.

— Второй. Один центр тихо кормит другой, и мы смотрим на одни и те же числа под двумя названиями. Это видно по шуму. — Она увеличила участок, и кривые раздулись на всю стену, зубчатые, неровные. — Если бы они переписывали друг у друга, зубцы совпадали бы день в день. Смотрите. Здесь у нас вверх, у них вниз. Здесь наоборот. Шум у всех свой. А наклон один.

Лазборг снял очки и протёр их краем галстука, всё так же глядя на стену.

— Третий, — сказала она уже тише. — Короткий выброс. Земля иногда дёргается и возвращается.

— Возвращается, — согласился Лазборг. — У выброса есть форма, туда и обратно. Здесь две недели и ни одного дня обратно.

Отвечать ему она не стала. Вытащила флешку из ноутбука, повесила шнурок обратно на шею и только после этого повернулась к председателю.

— Локальной ошибкой я это закрыть не могу. Ни нашей, ни чужой.

— Это значит, что он прав?

— Это значит, что изменение есть. Прав ли он дальше этого, вы у него ещё не спрашивали.

Лазборг встал. В руке карандаш, обычный, жёлтый, с изгрызенным концом.

— Распечатайте мне скорость вращения. Не поправки, саму скорость. На весь лист, от сегодняшней до нуля, и по времени на несколько лет вперёд.

Принтер у стены долго грелся и наконец вытолкнул лист. Лазборг положил его на стол перед председателем, придавил углы стаканами и наклонился над ним.

— Вот здесь сегодня.

Слева, у самого края листа, лежит короткий плотный пучок точек, две недели измерений, и пучок едва заметно клонится вниз. Всё остальное поле пустое. Лазборг провёл сразу за пучком вертикальную черту.

— Всё, что слева, измерено. Отклонение есть, оно держится, его видят разные методы. Началось оно до Внуково, а не во Внуково.

Он перешёл на правую сторону черты и повёл карандаш дальше, уже пунктиром. Первая линия загнулась и легла обратно к норме. Вторая пошла вниз и выровнялась. Третью он вёл

дольше. Она опускается к самой нижней отметке шкалы, к нулю, ложится на него и тянется по нему до края листа. Там грифель сорвался с бумаги на шпон.

— Справа модель. Если наклон сохранится или станет круче, в части расчётов вращение доходит до нуля. Не за века. За несколько лет.

Председатель смотрит на нижний пунктир, на то место, где он уходит за край.

— Значит, через несколько лет Земля встанет.

— Я этого не говорил.

— Это нарисовано у меня перед носом.

— Нарисованы три линии. — Лазборг постучал карандашом по каждой по очереди. —

Верхняя тоже не выдумка. Про нижнюю я могу честно сказать одно. Вычеркнуть её я не могу.

Женщина в кофте потянула лист к себе за угол.

— На чём она стоит?

— На том, что наклон не сломается.

— Две недели данных и линейка на годы.

— Да. Поэтому их три, а не одна.

Она приложила к нижнему пунктиру ребро ладони, как линейку, и подержала.

— Верхняя мне нравится больше.

— Мне тоже, — сказал Лазборг. — Данные пока не выбирают.

Он отступил на шаг и показал карандашом на пустое поле над пунктирами.

— А здесь всё, чего мы не знаем. Отчего. Ровно ли пойдёт дальше. Есть ли предел и где.

Что станет с погодой, с морем, со всем остальным. Сюда я ничего не пишу.

— Что-то же её тормозит, — сказал председатель.

— Что-то тормозит.

— Что?

Лазборг положил карандаш поперёк листа.

— Не знаю. Всё, что я знаю о торможении Земли, работает за тысячелетия, а не за недели.

Любую причину, которую вам назовут сегодня, возьмут не из данных.

В ящике у двери зажужжал телефон, длинно, настойчиво. Председатель повернул голову к ящику и держит её так, пока жужжание не оборвалось.

— Хорошо. Теперь моя часть. — Он положил ладонь на лист, прямо на пунктиры. — Завтра утром я докладываю наверх. Что я несу? Что Земля, может быть, остановится, а может быть, нет, и никто не знает почему? С этим я выйду из кабинета, а через час это будет в каждом телефоне в этом ящике.

— Через час это будет в телефонах при любом вашем решении, — сказала женщина из информационной службы, до сих пор молчавшая справа от него. Перед ней блокнот, и страница исписана короткими строчками, каждая отдельно, как столбик заголовков. — Вопрос только, чьими словами.

— Ваши предложения.

Она повернула блокнот к столу и заговорила ровным, чужим голосом, каким читают новости.

— Я пробую каждую строку на заголовок. «Учёные. Земля может остановиться». Это не переживёт утра. «Зафиксировано отклонение в скорости вращения Земли. Идёт проверка. Обновления ежедневно». Это переживёт.

— А если промолчать?

— Тогда через неделю это найдёт кто-нибудь с телескопом в Новой Зеландии, и первым заголовком будет слово «скрывали». После этого ни одной нашей цифре не поверят. Даже правильной.

Лазборг поднял голову от листа.

— Измеренное вы скажете целиком?

— Измеренное целиком. Пунктиров не будет. Это не ваша наука, это моя. Если пунктир в первой строке, люди услышат только его.

— Тогда в той же строке должно стоять, что идёт проверка, — сказал Лазборг. — Без этого измеренное звучит как приговор.

— Стоит.

Она провела карандашом черту под второй строкой и больше к блокноту не притрагивалась.

Председатель открыл папку впервые за вечер. Сверху лежит скреплённый документ с гербовой шапкой и списком на нескольких страницах, фамилии в левой колонке, должности в правой.

— Это мне положили вчера, когда записки господина Лазборга ещё считались записками. Предварительный перечень критических специалистов и предложение готовить их перемещение в защищённые районы. — Он перевернул страницу. — Здесь всё выглядит готовым.

Плановик из штаба, мужчина в сером свитере, сидевший у торца рядом с принтером, протянул руку.

— Можно мне?

Он взял перечень, пробежал первую страницу и вернулся к её началу. Палец остановился на первой строке.

— Первая строка. Лазборг Д. Научное сопровождение.

Лазборг не повернулся. Шнурок флешки, который женщина в кофте крутила на пальце, замер.

— А теперь скажите мне, кто сегодня считал радиоряд, — сказал плановик.

— Я, — ответила она. — Двое моих. Ночная смена на приёме. Человек, который чинит у нас приёмник, когда он сыплется, а он сыплется каждую неделю.

— В перечне вас нет. Ни одного. Господин Лазборг есть, первой строкой. А то, на основании чего он сегодня говорит, в перечень не вошло.

— Без её ряда я сегодня говорил бы гипотезу, — сказал Лазборг.

Плановик перелистнул на середину.

— Ещё одна строка. Главный технолог городского водоканала. Одно место. — Он поднял лицо к председателю. — Технолог без смены воду не держит. Смена без него держит неделю, может две. А дома у технолога жена, мать жены, которая с ними живёт, и сын. У сына инсулин, а инсулин надо держать в холоде. Если вписать сюда одного технолога, он прочтёт эту бумагу, поймёт, зачем его вписали, и не придёт. Или придёт и в первую же ночь уйдёт обратно за ними. Мы потеряем его раньше, чем начнём сохранять.

— Семьи потом, — сказал председатель. — Сначала функции.

— Семьи и есть функция. Без них функция уходит ногами.

Он перевернул перечень чистой стороной вверх, взял с листа карандаш Лазборга, не спросив, и написал посреди пустого оборота одно слово, «Вода», и обвёл его. Вокруг обводки появились клетки поменьше. Смена. Вторая смена. Насосы и запчасти. Химия. Электричество. Связь. Транспорт. Врач. Холодильник. Семьи. От каждой клетки к слову посередине потянулись стрелки, и к низу листа клетки уже не помещаются, лезут на поля.

— Это одна функция из сорока строк, — сказал плановик. — Когда я досчитаю все сорок, вы получите число, которое вам не понравится.

— Мест не хватит, — сказал председатель.

— Мест не хватает уже сейчас. Мы просто пока не написали это числом.

Председатель смотрит на клетки, наползающие на поля. Женщина с блокнотом отложила карандаш.

— А кто впишет в клетку одну мать и не впишет другую? — спросила она.

Никто не ответил. Плановик подровнял лист по краю стола, медленно, двумя руками.

— Не сегодня, — сказал председатель. — Но я хочу, чтобы это стояло в документе. Чтобы потом никто не сказал, что мы этого не видели.

Он повернулся к Лазборгу и заговорил быстрее, чем весь вечер до этого.

— Последний вопрос, и мне нужен короткий ответ. Что из того, что мы сейчас можем решить, останется правильным, если через месяц ваша кривая выпрямится?

Лазборг ответил не сразу. Он смотрит не на председателя, а на лист плановика с одной обведённой клеткой.

— Знать, какие функции не восстановишь за неделю, если их потерять. Знать, что им нужно, людьми, железом, данными, питанием. Иметь для них маршруты и площадки, хотя бы на бумаге. Иметь постоянную группу, которая каждый день сверяет вращение по нескольким независимым источникам. Всё это не стыдно иметь, даже если кривая выпрямится.

— А эвакуация?

— Это не мой вопрос.

Председатель подался к нему через стол.

— Я знаю, что не ваш. Я спрашиваю, нужна ли она вам завтра.

— Нет. Мне нужно, чтобы она не начиналась с пустого листа, если послезавтра станет нужна.

Председатель коротко хлопнул ладонью по столу, рядом с листом, и повернулся к молодому человеку за ноутбуком.

— Пишите. Первое. Постоянная группа по вращению Земли. Несколько независимых источников, сверка ежедневно и внепланово при выходе значений за пороги.

— Порогов два, — сказала женщина в кофте. — Отдельно сбой измерений, отдельно устойчивая тенденция. Иначе вы будете поднимать людей из-за моего приёмника.

— Два порога. Второе. Планирование по критическим функциям, а не по фамилиям. В каждую функцию сразу входят смены, железо, исходные данные, электричество, связь, дорога и медицина. И семьи. Не приложением, а в той же таблице.

Клавиши стучат за ним, не отставая.

— Третье. Варианты перемещения для этих функций. Маршруты, требования к площадкам, резервные места. Распоряжения о массовой эвакуации нет и не будет без отдельного решения. Списков «кого спасаем» в документе нет.

— Четвёртое, — сказала женщина с блокнотом.

— Четвёртое. Сообщение. Отклонение вращения подтверждено, проверка идёт, обновления регулярно. Никаких сроков и никаких слов об остановке. Готовите вы.

— К утру.

Она уже пишет, не поднимая головы.

— Пятое. Всё это пересматривается по новым данным. Изменяются данные, изменится поручение.

Молодой человек поднял руки над клавиатурой.

— Отправлять?

— Отправляйте.

Клавиша щёлкнула. На краю экрана одно за другим поползли вверх короткие уведомления о доставке, по адресу на строку, и через полминуты строк набралось больше, чем помещается на стене.

Плановик снял трубку внутреннего телефона и набрал короткий номер.

— Дежурный? Мне нужна комната до утра. И кто-нибудь из водоканала, кто знает станцию ногами, а не по бумаге. — Он слушает, прижав трубку плечом, и рисует у клетки «Вода» ещё одну стрелку. — Да. Сегодня.

Женщина в кофте вывела на обороте повестки час следующей выгрузки и подчеркнула дважды. Женщина с блокнотом вырвала исписанный лист, сложила его вчетверо и убрала во внутренний карман жакета. В ящике у двери снова зажужжали телефоны, сразу несколько.

Председатель встал, взял папку и задержался у стола над листом с пунктирами.

— Господин Лазборг. Если завтра нижняя линия пойдёт круче?

— Изменим план.

— А если выпрямится?

— Тоже изменим. Только спокойнее.

Председатель вышел первым, не попрощавшись. Остальные потянулись за ним, каждый к ящику у двери, за своим конвертом.

Лазборг остался у стола и забрал карандаш с перевернутого перечня. Лист лежит, как лежал, придавленный двумя стаканами с нетронутой водой. Слева пучок точек, черта сегодняшнего дня, три пунктира. Нижний ложится на ноль и уходит за край листа, и на шпоне за краем остался короткий серый след грифеля.

Рядом лежит перевернутый перечень с обведённым словом «Вода», и клетки вокруг него вылезли на поля.

Сквозь щель в жалюзи видно, как внизу, на мокрой улице, машины стоят в пробке и мигают стоп-сигналами. Фонари зажглись, как зажигаются каждый вечер.

Глава 1

Изнутри переговорной белые буквы на стекле читаются задом наперёд, и «БЕСТ СОЛЮШЕН» смотрит в открытый зал, а не на тех, кто сидит за столом. Ниже, в той же стене, светится панель проекта «Люк Консолидейтед». Слева идёт плотная колонна карточек основного контура, зелёная, с редкими серыми просветами. Справа от неё отрастает вторая ветка, длинная и разлапистая, карточки там налезают друг на друга краями, словно им не хватает места. Поперёк, прямо по стеклу, кто-то провёл маркером красную черту. Она упирается в единственный незакрытый этап приёмки.

За стеклом идёт понедельник. Кто-то несёт две кружки сразу и открывает дверь локтем, у окна спорят о парковке, принтер выталкивает лист за листом. На экране в конце зала без звука идут новости. Бегущая строка про очередное уточнение параметров вращения Земли проползла между погодой и пробками, и никто в зале не поднял головы.

У торца стола стоит очень крупный мужчина в светлой рубашке с закатанными до локтей рукавами. Он чуть подался вперёд, и ткань натянулась на плечах. Среди стекла и экранов только у него в руках бумага, распечатка протокола приёмки с логотипом клиента в углу. Три строки в ней подчёркнуты ручкой.

Женщина с планшетом, с карандашом, воткнутом в узел волос, стоит у панели, на груди бейдж «Оливия».

— Шон, приёмка встала на основном сценарии. Если вернуть на основу тестирование, закроем быстро. Всё остальное держит интеграция.

— Что мы обещали на сегодня?

Он спросил негромко. Низкий голос дошёл до дальней стены и вернулся от стекла.

Оливия дважды коснулась планшета. Правая ветка свернулась в серую полосу у края панели, на её месте остался короткий список, большей частью зелёный. Карточки уехали, а красная черта осталась на стекле и теперь перечёркивала пустое место.

— Вот это. Без правой ветки.

— А готово из этого что?

Она вывела результаты прогона. Палец споткнулся о две красные строки и поехал дальше.

— Почти всё.

— Почти.

— Два сценария не проходят.

Шон перевёл взгляд через стол.

Напротив, развернувшись боком, сидит мужчина лет тридцати пяти. Густые чёрные волосы, коротко стриженные, длинное лицо, длинный нос и тяжёлый квадратный подбородок. Под карими глазами тёмные круги, у локтя высится башня из вставленных друг в друга картонных стаканчиков из-под кофе, и на верхнем засохло коричневое кольцо. Смотрит он не на панель, а в ноутбук, где вместо списка ошибок раскинулась схема, связанные стрелками блоки, и стрелок на ней больше, чем блоков.

— Эванс. Кто перевёл людей на интеграцию?

— Я.

Голос у Эванса мягкий. Пальцы на тачпаде остановились на полпути.

— Сколько людей? — спросил Шон у Оливии.

— Разработка почти вся. Тестирование целиком. Адам, наш архитектор наполовину.

У стены стоит Адам в серой рубашке, руки скрещены, наушники висят на шее. Он оттолкнулся плечом и выпрямился.

— Не наполовину. Последние две недели я тоже сидел там.

Шон опустил распечатку на стол.

— Что именно не проходит?

— Повторная отправка, — сказала Оливия. — С первого раза данные доходят, а на повторе часть записей застревает на полпути, ни туда ни сюда. Где копать, мы знаем. Нужны тестировщики и пара разработчиков.

— Второй?

— Второй уже сцеплен с новой интеграцией. Если его отцепить, основной контур можно сдать отдельно.

Эванс подался вперёд.

— Отцепить можно. Только через месяц придётся вскрывать те же места заново. А сейчас у нас почти всё есть, чтобы не делать одну работу дважды.

— Сколько это, почти всё?

Эванс развёл пальцы на тачпаде, блоки на схеме разрослись на пол-экрана, и речь пошла быстрее.

— Интерфейсы собраны. Обмен на стенде уже ходит. Остались обработка ошибок и нагрузка. Если сейчас заморозить, тесты придётся поднимать заново, стенд разъедется, а когда мы вернёмся...

— Я спросил, сколько осталось. Не что будет потом.

Эванс убрал руку. Блоки так и остались увеличенными.

— Не один проход. Разработка и тестирование.

— Те же самые люди, — сказала Оливия.

— Да.

— А основа? — спросил Шон.

Эванс посмотрел на красную черту.

— Сдвинется.

— Насколько?

— Настолько, что приёмка уедет ещё дальше.

— Она уже уехала. — Оливия выдернула карандаш из волос, и он тут же вернулся в узел, глубже прежнего. — Клиент в пятницу спрашивал, на какой день переносить подписание.

Эванс крутанулся к ней на стуле.

— Не поднимем общий слой сейчас, через полгода будем держать две реализации одного обмена и чинить каждую отдельно.

— Может быть. А сегодня у меня два сценария, которые клиент не подпишет.

Адам в три неслышных шага оказался у Эванса за плечом, и тень его упала на клавиатуру.

— Он прав. Бросим как есть, потом будем дублировать. Я бы эту ветку не выкидывал.

Эванс обернулся к нему. Рука Адама уже тянулась через его плечо к тачпаду, без спроса. Стрелка между интеграцией и блоком приёмки зацепилась за курсор, вытянулась резинкой и отщёлкнулась в сторону. Схема дрогнула и перестроилась. Основной контур отъехал влево и остался один, без единой стрелки к правой ветке.

— Но приёмка от неё не зависит. Это мы их связали. Развяжем, и основа поедет сама. А ветка никуда не денется.

Эванс смотрит, как его карта раскладывается заново под чужой рукой.

— Не денется. Подорожает.

Адам отошёл обратно к стене.

— Насколько? — спросил Шон.

— Не знаю. Смотря что успеет поменяться.

Шон коснулся ручкой подчёркнутой строки в протоколе.

— Вот здесь цена известна. А там нет.

— Зато там известна польза.

— Известна?

Эванс задержал взгляд на правой ветке.

— Достаточно, чтобы не выбрасывать.

— Выбрасывать никто не будет. — Шон положил ладонь на распечатку. — Сначала другое. Кто отвечал за объём этой поставки?

— Я.

Теперь Эванс смотрит не в схему, а на Шона.

— Кто решил, что интеграция в неё входит?

— Я.

— Кто снял людей с основы?

— Я.

Оливия опустила планшет.

— Мы согласились.

Шон повернулся к ней.

— Вы согласились делать. Решали не вы.

— Не надо их отделять, — сказал Эванс. — Мы там вместе ночами сидели.

— Я не отделяю их от работы. Я отделяю работу от решения.

Эванс прижал ладонь к крышке ноутбука, будто собирался его закрыть, и не закрыл.

— Решение моё.

— Хорошо.

Стул, на который Шон опёрся по пути вокруг стола, откатился на колёсиках и ткнулся в соседний. У стекла отражение Шона легло поверх панели, и широкие плечи закрыли половину правой ветки.

— Минимум. Что нужно, чтобы вернуться к обещанному?

Оливия вытянула две карточки в центр.

— Тестирование и двоих разработчиков на основной контур. На интеграции оставить только то, без чего мы потеряем её нынешнее состояние.

— Если снять разработку с интеграции целиком, стенд рассыплется, — сказал Адам. — Собирать потом с нуля.

— Что нужно, чтобы не развалился?

— Один короткий проход. Зафиксировать конфигурацию, сохранить сборку, тестовый набор и список известных проблем. Дальше можно не трогать.

Эванс повернул ноутбук так, чтобы схему видели все.

— И карту зависимостей. Иначе через месяц никто не вспомнит, почему там всё устроено именно так.

Под пальцем Оливии выросла ещё одна карточка. Четыре встали в столбик, и Шон прочёл их сверху вниз, на каждой строке постукивая ногтем по краю стекла.

— Это всё, чтобы основа поехала?

— Да, — сказала Оливия.

— И чтобы ветка не умерла?

— Да, — сказал Адам. — Не продолжать, а законсервировать.

Эванс смотрит на столбик, где его ветке досталась одна строка.

— Темп потеряем, — сказал он. — И вернуться в неё будет стоять больше, чем доделать сейчас.

— Может.

— И тебя это устраивает?

— Нет.

Эванс вскинул голову.

— Устраивало бы, если бы мы сдали обещанное и не потеряли следующее, — сказал Шон. — Мы уже не там.

— Тогда почему все здесь смотрят на интеграцию как на ошибку?

Шон положил ладонь плашмя на левую колонну, накрыв сразу несколько зелёных карточек.

— Это обещали.

Ладонь проехала по стеклу через красную черту вправо.

— Это нашли по дороге.

— Не нашли. Это дыра, которая всё равно вылезет.

— Сам класс проблемы вылезет, — сказал Адам. — А решение у него не одно. Я не говорю, что твоё плохое. Я говорю, что их больше одного.

Эванс помолчал.

— Хорошо. Их больше одного.

— А здесь выбора уже нет. — Палец Шона остановился на красной черте. — Интеграция нужна, чтобы сдать сегодняшнее?

Пальцы Эванса нашли тачпад и увеличи курсор с правой ветки.

— Нет.

— Значит, спор не о том, хороша ли идея.

— О том, когда её делать.

— Да.

Снаружи кто-то с кружкой взялся было за ручку двери. Лица внутри остановили его на полдороге, и кофе плеснул через край, когда он разворачивался обратно в зал. Эванс опустил глаза на схему, на правую ветку, где карточки по-прежнему налезают одна на другую.

— Я видел, что команда не вытягивает.

— Когда стало ясно, что за это платит основа? — спросил Шон.

— До того, как встала приёмка.

Оливия положила планшет на стол экраном вниз.

— И людей ты не вернул.

— Нет.

— Почему? — спросил Шон.

Курсор на экране Эванса медленно обвёл правую ветку по кругу.

— Каждый раз оставалось чуть-чуть. Ещё один интерфейс, ещё один прогон. Мне казалось, я верну людей раньше, чем приёмка это почувствует.

— Вот это решение мы сейчас и исправляем.

— Это вежливый способ сказать, что я провалил приёмку.

— Это точный. Вежливый был бы длиннее.

Шон сел рядом с Эвансом, не напротив, и стул осел под ним на газлифте. Теперь оба сидят лицом к панели. Шон и сидя выше на голову, но смотрят они в одну сторону.

— Интеграцию я не закрываю.

Эванс повернул голову.

— Но работа по ней сегодня останавливается.

— Надолго?

— Пока не пройдёт основной контур.

Эванс коротко хмыкнул.

— То есть неизвестно насколько.

— Нет.

Протокол лёг на стол чистой стороной вверх. Ручка Шона вывела на обороте две строки, крупно, с таким нажимом, что бумага под ней похрустывала.

— На ближайшем контрольном проходе садимся тут же. Покажешь три вещи. Где основа. Что её ещё держит. И что лежит в консервации по интеграции. Основа в графике, тогда решаем, когда размораживать ветку.

Эванс читает.

— А если не в графике?

— Тогда ветка стоит.

— Даже если там полдня работы?

— Даже если десять минут.

Эванс отодвинул от себя лист.

— Так системы не строят.

— Так не строят две системы сразу одними и теми же людьми.

Эванс набрал воздуха, но Адам заговорил раньше, не отрываясь от панели.

— Он не говорит выкинуть архитектуру.

— Я слышал, — резко сказал Эванс.

— Тогда не спорь с тем, чего он не говорил.

Эванс подтянул лист обратно.

— Ладно.

— Не «ладно», — сказал Шон. — Скажи, что берёшь.

Эванс заговорил медленно, и палец его спускался по двум строкам, останавливаясь после каждого условия.

— Люди сегодня же возвращаются на основу. Интеграцию консервирую так, чтобы поднять её можно было без археологии. С основы никого и ни одного часа не трогаю, пока нет отдельного решения. На проходе показываю факт. Не прогноз.

— Восстановление на ком?

— На мне.

На этот раз глаза его не ушли к правой ветке.

— Команда?

— Каждый на своём участке.

— Договорились.

Салфетка из кармана Оливии прошлась по стеклу в два взмаха, и красная черта поплыла, размазалась и сошла. В подсветке панели на её месте осталась бледная розоватая дымка.

— Людей с интеграции снимаю прямо сейчас. Новый план сверю с тобой после обеда.

— Не со мной, — сказал Шон.

Салфетка в её руке замерла.

— С ним.

— Ты отдаёшь восстановление тому, кто его сломал, — сказал Эванс.

— Тому, кто лучше всех знает, где сломано.

Эванс не ответил. Челюсть затвердела, и квадратный подбородок обозначился резче.

— Покажешь на контрольном проходе, — сказал Шон.

Снаружи у двери уже собирается следующая команда, трое с ноутбуками под мышкой. Кто-то из них постучал пальцем по часам на запястье. Шон глянул на них и поднялся.

Адам диктует Оливии, что сохранить по стенду, а она делит одну карточку на три и вписывает в каждую фамилию владельца.

У двери Шон обернулся.

— Эванс.

Тот поднял голову.

— Идею не защищай. Убери её туда, где она не мешает доделать обещанное. Но так, чтобы можно было достать.

— Всё равно выйдет дороже.

Шон держится за ручку двери. За его спиной в проёме переминается следующая команда.

— Посчитай, насколько. И запиши.

— Чтобы потом сказать, что я предупреждал?

— Чтобы потом решать по цифрам. Окажешься прав, это тоже будет в цифрах.

Уголок рта у Эванса дрогнул.

— Почти комплимент.

— Не привыкай.

Дверь за Шоном закрылась, и открытый зал опять отодвинулся за стекло.

Протокол, сложенный пополам двумя строками внутрь, ушёл под ноутбук, и корпус при-
давил его, как пресс-папье. Над правой веткой всплыло меню, удалить или отправить в архив.
Эванс не тронул ни того, ни другого. Рядом выросла пустая колонка, курсор помигал в её заго-
ловке, и там встало слово «Позже». Ветка поползла туда целиком, карточка за карточкой, всё
так же тесно, но теперь в собственной колонке.

Потом Эванс открыл первый блокер основного контура.

К вечеру открытый зал опустел наполовину. Над погасшими мониторами горит только
верхний свет, уборщик ведёт тележку вдоль рядов, у окна кто-то договаривает по телефону,
прижав трубку плечом и собирая сумку свободной рукой.

У стеклянной двери кабинета Шона ждёт невысокая светловолосая женщина. Планшет
она держит экраном наружу, подняв повыше, почти к его груди.

— Сюзан. Что у тебя?

— Завтрашний показ. — Голос у неё мягкий, и цифры в нём звучат так же спокойно, как
всё остальное. — Готово всё, кроме доступа к их тестовому контуру. Окно они подтвердили
на девять. Если в девять пятнадцать доступа нет, переносим на четверг, запасной слот я уже
взяла. Сборку не трогаем.

— Кто решает в девять пятнадцать?

— С их стороны администратор. С нашей я.

На экране под её пальцем стоят две строки, у каждой фамилия и время.

— А если доступ откроют наполовину?

— Показываем то, что открыто, и сразу пишем, что осталось. Клиент об этом знает.

Третий вопрос у Шона наготове. Он его не задал.

— Хорошо. Тогда это твоё.

— Оно с утра моё, — сказала Сюзан, и в карих глазах мелькнуло что-то похожее на
улыбку. Планшет погас у неё в руке. По дороге к своему столу она пожелала уборщику спо-
койной ночи, и тот приподнял ладонь над ручкой тележки.

Лифт опустил Шона на парковку. Длинный седан с трёхлучевой звездой на капоте миг-
нул фарами, когда он был ещё в десяти шагах. Тяжёлая дверь закрылась мягко, и гул парковки
остался снаружи. Телефон сам нашёл машину, и центральный экран тут же заполнился рабо-
чими чатами, красными кружками поверх карты. На первом светофоре Шон смахнул их все
одним движением. Остались карта и вечерняя улица, по которой медленно ползут стоп-сиг-
налы.

За городом стемнело. Ворота начали расходиться, едва машина свернула с дороги, и
вдоль подъездной дорожки один за другим зажглись низкие фонари, словно кто-то торопливо
расставлял их перед ним. За деревьями поднялся двухэтажный дом с длинным светлым фаса-
дом и большими тёмными окнами.

Замок открылся, когда до двери оставалось два шага. Панель у входа засветилась и пока-
зала ему температуру, завтрашнюю погоду и встречу в восемь.

Пиджак остался на крючке в прихожей. Пока Шон идёт на кухню, свет загорается впереди
него и гаснет за спиной. Весь первый этаж остаётся тёмным, гостиная, лестница, широкие окна

в сад, и светло только вокруг него. Дверца холодильника отошла с мягким чмоком. Контейнеры из доставки стоят там ровным рядом, и на каждой крышке написано, какой это день недели.

Холодильник закрылся, и ни один день недели не покинул полку. Ноутбук из сумки лёг на кухонный остров, и стоило поднять крышку, как экран ожил непрочитанным.

У входа коротко прозвенело. На стеновой панели появилось имя.

«Пауль Чарльз. Доверенный профиль».

Шон не пошёл открывать. Дверь открылась сама, и на другом конце тёмного этажа, в прихожей, зажёгся второй свет.

— Ты мог бы позвонить, — сказал Шон, не повышая голоса. Дом тихий, и этого хватило.

— Мог. — Тяжёлые шаги приближаются. — Тогда ты сказал бы, что занят.

— Я занят.

— Вот видишь.

В круг кухонного света вошёл крупный старик. Седины в волосах больше, чем тёмного, но в бороде ещё держатся почти чёрные пряди. Лицо прорезали глубокие морщины, и от носа ко рту они идут так резко, будто их когда-то вырубili. Руки широкие, с тяжёлыми предплечьями. На левом запястье сидят старые часы на вытертом кожаном ремешке. В другой руке он держит бумажный пакет, и от пакета пахнет жареным луком и чесноком.

Пакет опустился на остров рядом с ноутбуком, бумага шуршнула и осела. Холодильник Пауль открыл, как свой. Ряд подписанных крышек встретил его понедельником, вторником, средой. Пауль закрыл холодильник и ничего не сказал. Шкафчики отвечали ему с первого раза, тарелки нашлись за той дверцей, которую он открыл, и стакан наполнился водой из-под крана.

— Я не голодный, — сказал Шон.

— Это ты потом расскажешь.

Ноутбук на острове пискнул. В углу экрана выросло ещё одно уведомление, потом второе.

— Что у тебя горит? — спросил Пауль, раскладывая еду.

Палец Шона нашёл край крышки. Экран светит ему в лицо красными кружками, Пауль ждёт над тарелками, и крышка осталась открытой.

— Эванс сегодня сорвал приёмку.

Ложка в руке Пауля остановилась.

— Сильно?

— Достаточно. Увидел интеграцию, которая нам действительно нужна. Только не сейчас. Снял на неё почти всех, основа встала, приёмку пришлось двигать. — Вилка, которую Пауль положил ему у тарелки, повернулась в пальцах Шона раз и другой. — Я её заморозил. Не выбросил, законсервировали. Людей вернул на основу. Восстановление на нём, через контрольный проход покажет.

— Звучит как решение.

— Это и есть решение.

Пауль подвинул к нему хлеб.

— Тогда что не так?

Шон помолчал. С людьми из офиса он сейчас сказал бы, что всё под контролем, и это было бы правдой.

— Не знаю, сколько ему оставил. Дал мало воздуха, он научится ждать, пока я скажу «стоп». Дал много, он опять съест основу. Утром мне казалось, что я попал. Сейчас не уверен.

Пауль сел напротив, на высокий табурет, который под ним показался детским.

— А кто в следующий раз заметит, что пора остановиться? Ты или он?

— Он должен.

— Должен. А заметит?

Шон не ответил. Пауль отломил хлеб и долго его не ел.

— У меня как-то завод три недели стоял, пока я лежал в больнице, — сказал он. — Не сломалось ничего. Люди были, станки были. Просто все ждали, когда я скажу, можно или нельзя.

— Я помню эту историю.

— Ты её помнишь. А вот проверял ли я тогда, видят они сами, где «нельзя»? Нет. Я проверял, слушаются ли.

Шон положил вилку поперёк тарелки.

— Значит, на проходе проверять надо не только основу. А видит ли он сам границу. Без меня в комнате.

— Это ты сказал.

— Ты подвёл.

— Я спросил.

Шон хмыкнул и наконец взялся за еду. Пауль ест медленно и обстоятельно. С минуту в кухне слышны только вилки и то, как в саду за стеклом стрекочет что-то последнее летнее.

— Вкусно, — признал Шон.

— А говорил, занят.

— Одно другому не мешает.

— Мешает. Когда ты по-настоящему занят, тебя не накормишь.

Ноутбук ещё раз пискнул. Шон, не глядя, опустил крышку.

Бумажная салфетка, которой Пауль вытер руки, сложилась у него пополам, потом ещё раз и ещё, пока не стала маленьким плотным квадратом. Толстые пальцы разглаживают сгиб за сгибом, и Шон почему-то не может отвести от них глаз.

— Я не из-за Эванса приехал, — сказал Пауль.

— Я догадался. Ты не возишь еду просто так.

— Вожу. Но сегодня не просто.

Он положил квадратик салфетки на остров, рядом с тарелкой.

— Чарли выходит замуж.

Шон знает, кто такая Чарли. Дочь Пауля. Рыжая, быстрая на язык. Они виделись у Пауля дома, давно, и потом ещё по работе, в самом начале. Дальше эта линия никуда не ведёт. Она просто кончается, как дорога у края карты.

— Когда? — спросил он.

— Скоро.

— Она просила тебя сказать?

— Нет.

Вопросы выстраиваются у Шона в столбик, как днём на планшете у Сьюзан, строка под строкой, и следующий уже наготове.

— Тогда зачем ты мне говоришь?

— Чтобы ты не узнал от кого-нибудь другого.

Ответ встал в голове на нужную полку и тут же с неё соскользнул. От кого другого? Кому, кроме Пауля, вообще пришло бы в голову сообщать ему такое?

— Мне нужно что-то сделать? — спросил он.

— Нет.

— Поздравить?

— Если захочешь. Она не просила.

Рука Шона сама легла на крышку ноутбука.

— Я могу узнать о ней всё минут за десять, — сказал он. — Где живёт, где работает, за кого выходит.

— Можешь. И что узнаешь?

— Факты.

— Главный ты уже знаешь.

Шон убрал руку с ноутбука.

— Тогда что мне с этим делать?

— Ничего. — Пауль сказал это без нажима. — Это не задача, Шон. Это новость.

Шон заметил, что держит вилку так, будто собирался ею что-то записать. Он положил её на стол.

Ему показалось, что он знает, как она смеётся. Он был в этом почти уверен и потянулся за этим, как тянутся за словом, которое вертится на языке. Лица не пришло. Пришло другое, без картинки, будто он входит в комнату, из которой только что вышли, и у двери ещё тёплый воздух.

— Я её почти не знаю, — сказал он. Голос, которым он утром собирал переговорную, куда-то делся, осталось что-то низкое и плоское. — Почему мне...

Он не договорил. стакан в руке Пауля оказался пустым и вернулся на остров, так и не долитый.

— Что ты сейчас хочешь? — спросил Пауль. — Знать или сделать?

— Сделать.

Ответ вышел быстрее, чем он успел подумать.

— Делать нечего.

— Тогда знать.

— Что именно?

Шон перевёл взгляд на салфетку, на маленький плотный квадрат, словно ответ был сложен внутри. Вопросы не было. Было ощущение, что вопрос где-то есть и он стоит к нему спиной.

— Не знаю, — сказал он. — Вот это и плохо.

— Тогда сегодня ни то, ни другое.

Шон отодвинул тарелку на ладонь от себя.

— Я не собираюсь ей мешать.

— Я знаю. Ты бы и не смог. Она уже всё решила, и решила хорошо.

— Он нормальный?

— Нормальный.

Лампы над островом светят ровно, за их кругом дом стоит тёмный и тихий, и в чёрном окне отражаются двое над недоеденным ужином.

— Ты знаешь больше, чем говоришь, — сказал Шон.

Пауль не отвёл глаз и не потянулся ни к стакану, ни к салфетке, ни к хлебу, за которые можно было бы спрятаться.

— Да.

Шон ждал.

— Не сегодня, Шон.

Он сказал это тихо, глядя прямо. Большие плечи опустились, и под лампой над островом вдруг стало видно, сколько ему лет. Раньше Шон этого за ним не замечал, или замечал, но не давал этому названия.

Табурет облежённо качнулся, когда Пауль встал. Тарелки звякнули одна о другую и съехали в раковину. Шон смотрит ему в спину.

— Гостевая застелена? — спросил Пауль, не оборачиваясь.

— Дом знает.

— Тогда я остаюсь.

Шон не стал спорить. Ладонь Пауля, ещё влажная после крана, хлопнула его по плечу, тяжело и коротко, и шаги ушли к лестнице. Свет потянулся следом, по ступеням, на второй этаж, и наверху погас вместе со звуком закрывшейся двери.

Шон остался на табурете у острова. Перед ним лежат закрытый ноутбук и сложенная Паулем салфетка, маленький плотный квадрат. Он не двигается. Дом подождал, не нашёл движения и начал гасить свет. Сначала над раковиной, потом над островом. Потом в прихожей.

Шон не поднял руки, чтобы вернуть его.

Глава 2

После совещания экран на столе Эванса так и остался тёмным. В стекле монитора отражается его рука, а рядом с ней, у подставки, стоит красная машинка, длинная и низкая, на колёсах шире, чем полагается такой маленькой вещи.

Пальцы нашли её раньше, чем он о ней подумал. Большой палец лёг на левое крыло и сам отыскал под краской неровность, тонкий рубец, которого не видно, если держать машинку прямо. Эванс наклонил её к окну. Свет сполз по красному боку и задержался на шве светлой нитью.

Двадцать лет назад этого шва не было. В марте двухтысячного левое крыло было гладким, а сама машина существовала только на обороте инструкции.

На полу его комнаты стоят три вскрытые коробки. С первой крышки смотрит красная машина, длинная и стремительная, только стоит она на узких колёсах высоко, будто на цыпочках, и вся её скорость остаётся нарисованной. На второй крышке чёрная, приплюснутая, на широких колёсах, которые выпирают из арок. Такую, кажется, и ладонью не сдвинешь.

Третью коробку Эванс купил ради одной детали. На крышке машина стоит с распахнутой дверцей, и внутри, перед рулём, блестит серебряная приборная панель с крошечными выпуклыми циферблатами. Остальную машину на этой крышке он толком и не разглядел.

Он хочет красную. Длинную, как первая, но посаженную низко, на чёрные широкие колёса второй, чтобы она не стояла на столе, а упиралась в него. И чтобы тот, кто заглянет в боковое окно, увидел внутри серебро.

Такую машину он нарисовал простым карандашом на обороте инструкции от чёрной коробки. Заднюю часть стирал трижды, и у багажника бумага стала серой и мохнатой от ластика, зато линия крыши стекает теперь к нему одним движением. Рисунок лежит у лампы, ближе всего к свету.

Два дня ушло на то, чтобы она появилась ещё и на столе.

К субботнему вечеру красная машина стоит на чёрных колёсах второй коробки, низко, почти касаясь стола. Кузов держится на клею, который ещё не схватился, и на двух полосках скотча, но держится. Колёса вылезают из-под арок ровно как на рисунке. Эванс толкнул машину пальцем. Она прокатилась через весь стол, не вильнув, и ткнулась носом в банку с клеем.

Он подкатил её обратно и ещё долго не снимал с крыши палец.

Остаётся последнее. Серебряная панель лежит под лампой на сложенной салфетке, отдельно от всего остального. Он бережёт её с первого вечера. Панель встанет, когда всё прочее будет держаться само, и в ту же минуту машина будет готова.

Дверь открылась без стука. На пороге стоит брат, в растянутом свитере, с куском хлеба в руке.

— Оливер, я занят.

— Вижу. — Оливер жуёт и оглядывает пол. — Ужинать не пойдёшь?

— Потом.

Через пустую рамку от деталей Оливер перешагнул не глядя и присел над коробками. В одной руке красная крышка, в другой чёрная, и он держит их рядом, как две карты, из которых надо выбрать одну.

— Это всё на одну?

— На одну.

— Из трёх коробок у тебя было бы три машины. — Он постучал крышкой о колено. — А будет одна. Если будет.

Эванс не обернулся. Он отодвинул банку с клеем подальше от края, и красной машине стало просторнее.

Лист со стола оказался у Оливера, когда тот поднялся, и перевернулся в пальцах раз, другой. Рисунок, схемы с цифрами, снова рисунок.

— Ты на инструкции рисуешь. Тут написано, как собрать. А тут ты нарисовал, как не надо.

— Тут нарисовано, что я делаю.

— Машину, которой нет.

Эванс толкнул машину. Она прошла через стол и остановилась у самых пальцев брата.

— Есть.

Оливер посмотрел на неё сверху и взял. Эванс встал так резко, что стул отъехал к кровати.

— Не бери. Клей не схватился.

— Клей. — Оливер перевернул машину колёсами вверх и хмыкнул. — На скотче. Три коробки, два дня, и всё на скотче. Собрал бы одну по картинке, за вечер. Стояла бы на полке, и любой бы понял, что это.

— Любой и так поймёт.

— Что ты умнее коробки?

Эванс протянул руку ладонью вверх.

— Отдай.

Оливер не отдал. Он держит машину двумя руками, кузов в одной, днище в другой, и смотрит не на неё, а на Эванса. Потом коротко повернул руки в разные стороны.

Пластик треснул сухо, и звук вышел гораздо громче, чем может выйти у такой маленькой вещи.

Кузов упал на стол и перевернулся на крышу. Колесо подпрыгнуло на полу, покатилося и пропало под кроватью. У Оливера в руке осталось днище на чёрных колёсах, с белым свежим изломом там, где крепился кузов. Он положил его на стол, аккуратно, рядом с остальным.

— Чёрная целая, — сказал он. — Её и собери. Как нарисовано.

Крышку с чёрной машиной он бросил на кровать картинкой вверх и вышел, дожёвывая хлеб. Дверь осталась открытой. Из коридора в комнату лёг жёлтый клин света, и снизу стал слышен телевизор.

Эванс стоит с протянутой рукой, и пальцы ещё держат форму машины, которой в них нет. Рука опустилась сама. Дверь он закрыл не сразу, и клин света на полу сужался, пока не остался ниткой под дверью.

Колесо забилося под кровать, к самой стене, и дотянуться до него получилось только линейкой. Оно выкатилось наружу в клоке серой пыли и заняло место на столе, рядом с остальным. Кузов лежит на крыше, и по левому крылу от арки почти до двери идёт трещина. Днище переломлено как раз там, где на нём всё держалось.

Чёрная машина лежит в рамке почти нетронутой, не хватает только колёс, а их можно снять со сломанного днища. Если начать сейчас, к утру она будет стоять на полке, приземистая, широкая, точь-в-точь как на крышке. Оливер пройдёт мимо и ничего не скажет. Никто ничего не скажет.

Эванс вытряхнул на стол чёрную коробку. Рамка стукнула о столешницу сухо, по-пластмассовому, и детали дрогнули на перемычках. Инструкцию он развернул на первом шаге. Бумага тонкая, и сквозь первый шаг проступают карандашные линии с обратной стороны, длинная крыша, низкая посадка, колёса, которым тесно в арках.

Он смотрел, как они просвечивают. Потом перевернул лист рисунком вверх.

Сначала он попробовал как было, на сломанном днище. Кузов сидит, пока его держит палец, а стоит убрать руку, съезжает набок, и трещина на крыле расходится шире. Белый излом под ним проседает от малейшего нажима.

В чёрной рамке среди деталей лежит днище второй машины, плоское, широкое, длинное, целое. Эванс выломал его, и перемычки щёлкнули одна за другой. Новое днище легло под красный кузов не в двух точках, а по всей длине, и кузов сел на него, как в ладонь.

Крышка с чёрной машиной всё так же лежит на кровати картинкой вверх, а в рамке на столе, на месте днища, торчат одни обломанные перемычки.

Остаётся крыло. Стоит поддеть трещину ногтем, и края расходятся. Эванс перебрал всё, что осталось в рамках. Одно слишком толстое, другое кривое, третье нужно в другом месте.

Под лампой на салфетке лежит серебряная панель.

Он поднёс её к боковому окну, туда, где ей полагалось стоять. Каждый крошечный циферблат поймал под лампой по искре. Эванс пригнулся к самой столешнице и заглянул в окно сбоку, снизу, как заглянул бы кто-нибудь чужой. Перед рулём горело серебро.

Он приложил панель к трещине изнутри. Она закрыла трещину всю, от арки до двери, будто её отливали для этого места.

Эванс подержал её там и вернул на салфетку. Циферблаты снова ловят лампу и блестят оттуда, мелко и ровно, а он сидит и смотрит на них.

Потом взял снова. Клей лёг на гладкую сторону тонким блестящим слоем, и панель ушла внутрь крыла, к трещине. Циферблаты смотрят теперь в темноту под крылом, куда никто никогда не заглянет. Снаружи осталось одно красное. Он держит панель, пока клей не схватится, и всё это время видит через боковое окно пустое место перед рулём.

Ночь идёт кусками. Внизу выключили телевизор, потом долго шумела вода в ванной, потом дом затих совсем, и осталась одна лампа над столом. Руки липнут от клея и слушаются всё хуже. Задняя арка встала, тут же поползла и потянула за собой нитку клея. Эванс подпёр её ластиком и спичечным коробком и отнял ладони. Рука ещё дважды потянулась к арке и оба раза повисла над крышей, не коснувшись.

Он лёг на пол, на холодный линолеум, и смотрел на круг от лампы на потолке, пока не перестали дрожать пальцы.

Когда он сел обратно, окно уже не чёрное, а серое, и в нём проступили крыши соседних домов.

Эванс вынул ластик. Потом коробок.

Машина не шелохнулась.

Он поставил её на край стола и толкнул. Она прошла весь стол, длинная, низкая, на широких чёрных колёсах, которым тесно в арках, и он поймал её ладонью у самого края.

Эванс положил её на рисунок. Линия крыши совпала. Посадка совпала. Ни на одной из трёх крышек, разбросанных по комнате, такой машины нет. За боковым окном пусто, а серебро держит крыло изнутри, циферблатами в темноту.

Он засмеялся беззвучно, в кулак, чтобы не разбудить дом.

Машину он отнёс на подоконник. Первый свет лёг на красный бок, и на левом крыле, от арки к двери, проступила тонкая светлая линия. Эванс провёл по ней ногтем.

Шов не разошёлся.

Красную линию на стекле переговорной провели в середине августа, за девятнадцать дней до того понедельника, когда она упрётся в незакрытую приёмку. В тот день стекло ещё чистое, а на столе перед женщиной из «Люк Консолидейтед» лежит тетрадь в клетку.

Тетрадь толстая, разбухшая, с загнутыми углами. Почти каждую страницу занимают номера заявок. Одни зачёркнуты, другие переписаны ниже, у некоторых стоят фамилия и

время звонка. Сама женщина сидит прямо, очки на цепочке лежат на груди, и ноутбук она развернула к остальным, как показывают врачу больное место.

— Вот вчерашняя, — сказала она. — Исправили и вернули на проверку.

В одном окне заявка значится исправленной и готовой к проверке. В другом, в журнале передачи, она всё ещё висит возвращённой исполнителю.

Женщина с коротко стриженными тёмными волосами стоит у панели приёмки с закрытым маркером в руке, на груди бейдж «Меган».

— Какая из двух настоящая?

— Обе. Смотря кто первым откроет. Проверяющий видит «готово», берёт старую версию и проверяет её полдня. Потом звонит. Потом я пишу сюда.

Она постучала дужкой очков по тетради. В ту же секунду на столе зажужжал её телефон. Ответ вышел коротким, «Журнал смотри, не очередь». Трубка ещё прижата к плечу, а ручка уже выводит в тетради ещё один номер.

Эванс сидит сбоку, у торца, и молчит. Ноутбук развёрнут так, чтобы видеть оба окна сразу, и по экрану медленно уходит вверх история переходов.

— Покажите возврат, который уходит не исполнителю, — сказал он. — Любое исключение.

— Например?

— Когда дальше нельзя, и заявку надо отдать не тому, кто её делал, а тому, кто назначал маршрут.

Она поискала и открыла другой случай. Здесь всё называется иначе, другой отдел, другие поля, вместо «возврата» стоит «отказ с переадресацией». Но дальше всё то же. Решение меняют в одном месте, статус руками догоняют в другом, а потом кто-то заново отправляет уведомление.

Рядом легли две распечатки. Карандаш Эванса прошёлся по обеим, и короткие засечки встали в одних и тех же местах.

Адам в серой рубашке подтянул листы к себе. На правом запястье чёрный тканевый браслет, вытертый на сгибе.

— Снаружи похоже. Внутри маршруты разные.

— Маршруты разные. — Эванс провёл ногтем от засечки к засечке. — А решение одно. Вернули, свели состояние, отправили дальше. Они это делают руками в обоих местах.

Адам смотрел на распечатки дольше, чем требовалось для вежливости. Потом перевернул одну обратной стороной вверх и что-то прикинул на чистом поле.

— На двух маршрутах это может быть один механизм, — сказал он. — На выборке. Больше не обещаю.

Женщина из «Люка» надела очки.

— Мне всё равно, один там механизм или десять. — Она положила ладонь на тетрадь. — Я хочу, чтобы вот это кончилось.

— На согласованных маршрутах кончится, — сказала Меган. — Это мы и сдаём в конце месяца.

— А на остальных? — спросил Эванс.

— На остальных не в этот раз.

Женщина из «Люка» сдвинула очки на кончик носа и посмотрела поверх них сначала на Эванса, потом на Меган.

— Если то, что он рисует, уберёт сверку везде, я только за. Но сначала мне нужны маршруты, которые уже приняли в работу. У нас с марта и так ночные обмены по новому графику, люди путаются. Ещё одной неразберихи я не выдержу.

Эванс уже рисует на чистом листе. Две стрелки сходятся в один прямоугольник, и из прямоугольника выходят три.

Меган взяла рисунок за угол и повернула к себе.

— Красиво. В приёмку это не входит.

— Пока не входит.

— И не войдёт, пока хоть один обещанный сценарий его ждёт.

Адам постучал карандашом по пометкам на обороте распечатки.

— Можно поднять копию стенда и прогнать на ней один маршрут. Один возврат, без общей обработки ошибок.

— Копию? — Женщина из «Люка» прищурилась.

— Ваши люди как работали, так и работают. Ломаем мы только копию. Не заработает, у вас ничего не изменится.

Женщина из «Люка» посмотрела на тетрадь, потом на часы над дверью.

— Надолго?

— До обеда, — сказал Адам.

Меган сдёрнула с маркера колпачок. Красная черта легла по стеклу между зелёной колонной основы и пустым местом справа, и маркер тонко взвизгнул на последнем сантиметре. Справа от черты она завела карточку «Проба общего возврата» и протянула Эвансу планшет.

— Условие напиши сам.

Экран планшета успел погаснуть у Эванса в руках. Он разбудил его касанием и только тогда набрал одну строку.

«Отдельно от основы. Если начнёт забирать у основы людей, сроки или тесты, останавливаем».

Она прочитала строку дважды и только потом сохранила карточку.

К обеду через копию прошёл первый маршрут. Статус вернулся исполнителю, обновился в журнале передачи и лишь после этого появился в следующей очереди, один и тот же везде. Женщина из «Люка» проверила обе вкладки, потом ещё раз первую. Ладонь легла на тетрадь, но открывать её она не стала.

— Вот так бы каждый день.

Эванс уже открыл рядом второй случай, с отказом.

— Договаривались про один маршрут, — сказала Меган.

— Один, чтобы посмотреть, работает ли. Второй, чтобы понять, что это правда общее, а не совпадение.

Адам наклонился к его экрану.

— Для проверки он прав. Только не в то, чем люди работают каждый день.

— Не в то, — согласился Эванс.

Через две недели черта на стекле всё там же, а справа от неё тесно.

Слева колонна основы движется ровно. Два согласованных маршрута прошли повторные проверки, несколько ручных сверок исчезли после обычных, ничем не примечательных исправлений. Справа под карточкой пробы выросли два тестовых сценария, и на распечатке у Эванса появилась третья карандашная стрелка, к ещё одному маршруту, где люди вручную повторяли ту же последовательность под другими названиями. Пробу он доводит по вечерам, когда основа уже стоит в очереди на прогон. Строка в карточке всё та же.

В пятницу, двадцать восьмого, Эванс с Адамом с утра поехали в «Люк». Пробу показывают не в переговорной, а там, где с заявками работают каждый день, в длинной комнате с жалюзи, опущенными от солнца до половины.

Женщина с очками на цепочке посадила к ноутбуку молодую сотрудницу и сама встала за спиной. Тетрадь лежит тут же, на углу стола.

— Возьми вчерашнюю, на исправление, — сказала она. — И верни, как обычно.

Сотрудница вернула. На копии статус сменился сразу в обоих окнах, журнал передачи показал одну запись, и заявка сама вернулась к исполнителю. Рука сотрудницы по привычке дёрнулась к телефону, зависла над трубкой и медленно вернулась на стол.

Женщина с очками открыла тетрадь на чистой строке. Ручку она держит над строкой минуту, может больше. Потом закрыла тетрадь, так ничего и не записав.

— А если отказ?

Адам прогнал отказ. Тот прошёл тем же путём и сам ушёл к тому, кто назначал маршрут.

— На этих двух маршрутах, — сказал он. — Про остальные пока ничего не скажу.

— На складе у нас то же самое, — сказала сотрудница, не отрываясь от экрана. — Только там это называется «возврат на доукомплектование». И ещё в цех звонят.

Эванс развернулся к ней всем корпусом.

— Покажете?

Она показала. Другие слова, другой отдел, третий маршрут, и та же петля внутри. Вернули, свели, отправили заново, руками. Адам заглянул Эвансу через плечо и негромко сказал, что по возврату ложится.

В коридоре, у окна, Эванс набрал ту, что вела приёмку. Говорит он быстро и сам слышит, как разгоняется.

— У них есть третий маршрут. Склад. Петля та же. Если мы оставим его отдельно, через месяц у «Люка» будут два разных куска на одну задачу, и всё вокруг придётся проверять второй раз.

В трубке слышно, как она что-то переключает на панели.

— Склада нет в поставке.

— Знаю.

— У меня шесть сценариев на понедельник. Четыре зелёные. Два ждут полного прогона, и для прогона мне нужны те же двое, что сидят у тебя на пробе. Предлагаю так. Снимок пробы сейчас, людей ко мне, склад после приёмки.

Через стекло двери Эвансу видна длинная комната. Молодая сотрудница что-то объясняет соседке, палец у неё на экране, и обе смеются.

— До вечера, — сказал он. — Только возврат на складе. Не сойдётся, замораживаю, и все к тебе.

— Все?

— Все, до одного.

— Записываю.

Когда они вернулись в офис, под его строкой в карточке пробы уже стоит новая. «28.08, до 18.00».

Вечером, чтобы не гонять один и тот же возврат двумя дорогами, Эванс завёл через общий блок и второй сценарий основы. Адам посмотрел на изменение и сказал «Это привязка». Эванс ответил «Временная», и оба вернулись к экранам.

К шести складской маршрут прошёл основную цепочку. Не до конца. Одно исключение висит незакрытым, под нагрузкой никто ничего не гонял, но общий блок впервые принял три разных пути и разложил заявки по нужным очередям. Эванс смотрит, как на схеме три ручные петли сходятся в одну. Улыбку он заметил, только когда она отразилась в стеклянной стене.

Меган встала в дверях переговорной.

— Шесть.

— Исключение почти здесь. Если сейчас снять тестировщиков, утром мы полдня будем поднимать стенд заново. До обеда, и я сам отдам тебе всех.

— Утром суббота.

Эванс знал, какой завтра день. Вслух это прозвучало иначе.

— Тогда суббота уже не твоя проба, — сказала она. — Это суббота людей, которые будут вытаскивать основу к понедельнику. И выйдут они не по графику, а из-за тебя.

За стеклом тестировщик застёгивает куртку. У его стола стоит рюкзак, сверху к нему привязана свёрнутая пенка.

— Я скажу им сам, — сказал Эванс раньше, чем она успела этого потребовать.

Тестировщик выслушал, не перебивая, и посмотрел на рюкзак. Молния куртки с треском разошлась сверху донизу, и куртка снова повисла на спинке стула.

В карточке появилась ещё одна строка. «29.08, до обеда».

В субботу на этаже горит половина ламп, и кофемашина прогревается так долго, что её щелчки слышно из переговорной. Тестировщик пришёл без рюкзака, зато с большим термосом.

К обеду общий блок так и не закрылся. Лог упёрся в старый адаптер на складском маршруте.

Меган положила на стол распечатку. Одна страница, два столбца. В левом стоят снимок пробы, сделанный утром, разработчик и тестировщик на основе с часу дня, склад после приёмки, а в самом низу её почерком цена, «повторная интеграция, день-два». Правый столбец пуст.

— Левый я посчитала, — сказала она. — Правый посчитай ты.

— Снимок настоящий, я проверял, — сказал Адам. — Остановиться можно хоть сейчас, код не пропадёт.

— Адаптер сломан не из-за нас, — сказал Эванс. — Он старый и сломан сам по себе. Это не расширение, это починка.

— Починка маршрута, которого нет в поставке.

Эванс взял ручку и в правом столбце написал «до 14.00». Больше ничего.

Меган прочитала и стала считать вслух, не заглядывая в карточку. Пальцы отстукивают счёт по краю стола.

— Пятница, шесть. Суббота, обед. Теперь два.

— Это последний.

— В пятницу ты тоже так говорил.

— В пятницу я так думал.

Она поверила. Пальцы на краю стола остановились, но распечатку она так и не убрала.

— В два я забираю людей. Без разговоров, как бы ни вышло.

Адаптер починили без десяти два. Тестировщик молча развернул экран с зелёной строкой, и кто-то в углу потянулся так, что хрустнули плечи. Но рядом с тремя зелёными маршрутами общий блок разбирает ошибки только наполовину, и Эванс уже смотрит туда.

Ровно в два она забрала одного разработчика и одного тестировщика на основу. Адам остался сохранять ветку и выписывать остаток отдельным списком. К вечеру слева сдвинулся один серый сценарий, второй остался серым. Уходя, она дописала в карточку «29.08, до 14.00» и ниже ещё одну строку. «30.08, с утра основа».

В воскресенье тестировщик поставил термос на другой край стола, ближе к колонне основы.

С утра прогнали повторную отправку на основу. Первая операция прошла. На второй строка замерла на полпути, ни в старом статусе, ни в новом, а соседняя запись уже считается завершённой.

— Не дошла, — сказал тестировщик. — Повисла посередине.

Разработчик, который накануне вернулся на основу, долго читал лог.

— Это наше. Основа.

— С каких пор? — спросил Эванс.

— На повторе раньше не гоняли. Некому было.

Меган уже стоит у стекла.

— План такой. Разработчик и тестировщик на повтор. Второй разработчик добывает последний основной сценарий. Пробу фиксируем снимком и отцепляем от второго сценария.

Адам вывел второй сценарий на экран.

— Отцепить можно. Пустим его через свой адаптер, как и было по договору. Один участок придётся разрезать, потом сшивать заново и перепроверять. Это не бесплатно. Но к утру основа может стать зелёной.

— Второй сценарий сидит на общем блоке, — сказал Эванс.

— Ты посадил его туда в пятницу, — сказала она.

— Да. Чтобы не гонять возврат дважды.

Телефон на столе загорелся. Женщина из «Люка» прислала фотографию. Страница тетради в клетку, сверху сегодняшнее число, ниже три номера со складского маршрута. Подпись короткая. «Воскресенье. Скажите, чем мы работаем в понедельник».

Эванс увеличил снимок. Почерк тот же, что двенадцатого августа, только номеров меньше.

— Если сейчас отцепим, — сказал он, — в понедельник на складе будет вот это. Тетрадь.

— Склада нет в приёмке.

— Они на нём работают каждый день.

— И поработают ещё неделю. Им я хотя бы могу сказать, сколько ждать. А про основу мне в понедельник сказать нечего.

Адам развернул к Эвансу экран. Под зелёными строками общего блока стоят два пункта, ошибка после сбоя и нагрузка.

— Вот что у тебя на самом деле. Не решение, а две трети решения. Снимок сохранит его целиком, со сцепкой, с тремя маршрутами. Ты ничего не выбрасываешь. Ты откладываешь на неделю.

— А через неделю мы снова полезем в то же место и снова будем перепроверять уже проверенное.

— Будем. Когда основа будет сдана.

Напарник тестировщика снял гарнитуру. Разработчик, которого ждут на основе, стоит у двери с кружкой и смотрит то на один стол, то на другой.

Эванс видит их всех. И видит справа общий блок, которому не хватает двух пунктов. Пятница, суббота, теперь воскресенье. Каждый кусок меньше предыдущего. Этот тоже выглядел последним.

— Ошибка после сбоя, — сказал он. — Старое состояние не сбрасывается, я вижу место. Это сорок минут.

— Ты видишь место, — сказал Адам. — Что за ним, ты не видишь.

Меган протянула Эвансу планшет с таблицей распределения. Второй разработчик стоит в строке «Основа».

— Распределение твоё. Двигай сам.

Эванс посмотрел на карточку пробы. Сверху его строка от двенадцатого августа, «если начнёт забирать у основы людей, сроки или тесты, останавливаем». Под ней ещё четыре. Последняя, вчерашняя, велела начинать с основы.

Он перетаскил фамилию разработчика из «Основы» в «Пробу».

— Садись ко мне, — сказал он в сторону двери.

Разработчик поставил кружку на край стола и сел.

— Я хочу, чтобы это было записано, — сказал Адам. — Ты сейчас снимаешь человека с основы.

— Снимаю.

— Значит, приёмку сегодня не закроем, — сказала Меган. — И утром я скажу «Люку», что обещанное готово не целиком.

— Понимаю.

Под строкой «30.08, с утра основа» она вписала последнюю. «30.08, без срока».

Голоса она не повысила и ничего не добавила. Отошла к стеклу и встала к Эвансу спиной, лицом к своей зелёной колонне.

К вечеру ошибка после сбоя в общем блоке ушла. Под нагрузкой его так никто и не прогнал. Слева горят зелёным четыре сценария из шести. Пятый спотыкается на повторной отправке там же, где утром. Шестой держится за участок, который так и не успели отрезать от пробы.

Тестировщик стянул гарнитуру на шею и потёр уши.

— Всё.

Его напарник ещё немного посидел над таблицей. Две строки так и не сменили цвет.

— Если бы я в пятницу прогнал повтор на основе... — начал тот, что был с термосом.

— Ты был там, куда я тебя поставил, — ответил Эванс. — Всё, что я тебе дал, ты сделал.

Меган открыла черновик отчёта на понедельник. Утром его ждёт Шон. В первой строке стоит «Приёмка не завершена». Строка с причиной пустая. Она развернула ноутбук к Эвансу.

— Причину напишешь сам?

Он писал недолго. «Людей с основы на общий блок перевёл я. Продолжал после того, как основа начала отставать, и после того, как мне не раз предлагали остановиться. Команда работала по моему решению».

Она прочитала, ничего не исправила и сохранила.

Через полчаса переговорная опустела. Последним уходит Адам. Дверь у него в руке остановилась на полпути, взгляд ушёл на панель, но слов за ним не последовало, и доводчик сам дотянул дверь до щелчка.

Эванс открыл карточку пробы. Его строка от двенадцатого августа стоит на месте, ровная, без единой опечатки. Под ней идут пять строк с датами.

Он ничего не стал в ней менять. Сохранил карточку и погасил панель.

В тёмном стекле осталась только красная линия, которая упирается в незакрытый этап приёмки.

Глава 3

До августовского понедельника, когда Сюзан будет ждать у стеклянной двери Шона с планшетом в руке, ещё два с половиной месяца. Пока июнь, вечер пятницы, и форма отклика на вакансию секретаря заполнена до конца. Имя, телефон, почта, прикреплённое резюме, галочка согласия на обработку данных. Остаётся синяя кнопка внизу, и курсор висит над ней уже минут двадцать.

Экран уже дважды начинал гаснуть. Оба раза Сюзан трогала тачпад, и страница разгоралась снова, всё та же. «Бест Солюшен». Секретарь. Документы, расписание руководителя, входящие запросы, организация встреч. Всё понятно, всё выполнимо, ни одного слова, от которого холодеет в животе.

Рядом висит вторая вкладка, и за весь вечер Сюзан ни разу её не открыла.

Лиллиан сидит на полу, привалившись спиной к дивану, босиком, с миской черешни на коленях. У бедра стоит блюдо, и косточек в нём набралось уже с горкой.

— Ты её не нажмёшь, — сказала Лиллиан, не оборачиваясь.

— Я проверяю.

— Что?

— Что ничего не забыла.

Лиллиан покосилась на экран через плечо.

— Там пять полей.

— Шесть.

Лиллиан запрокинула голову на сиденье дивана, и её перевёрнутое лицо смотрит на Сюзан снизу.

— И что в шестом?

— Согласие на обработку данных.

— Серьёзный пункт.

Резинка для волос перекочевала с запястья Сюзан на пальцы и натянулась тугим треугольником. Пальцы разжались, щелчок пришёлся по коже.

— Это нормальная работа, Лил.

— Разве я спорю?

— Ты сказала «серьёзный пункт».

— Про галочку.

Сюзан вернула резинку на запястье.

— Секретаря возьмут быстрее. Там требования, которые я закрываю все до одного. Я буду внутри. Посмотрю, как у них всё устроено, кто чем занимается. А потом посмотрю.

— Два раза «посмотрю».

— Потому что я не знаю, что будет потом.

Косточка звонко упала в блюдо. Лиллиан дотянулась через край столика, и ноготь постучал по экрану, прямо по второй вкладке.

— А это что?

Сюзан помедлила и открыла её сама.

«Менеджер проектов». Требований здесь вдвое больше, и на экран они не помещаются. Планирование работ и сроков. Координация команды. Работа с клиентом. Учёт изменений и рисков. Опыт управления проектами.

— Вот, — сказала Сюзан. — Последняя строка.

— Опыт управления проектами.

— У меня его нет.

Ответ вылетел сразу, гладкий, как давно отрепетированный.

— Совсем нет?

— В такой должности нет.

— Я спрашивала не про должность.

Сьюзан потёрла запястье там, где щёлкнула резинка.

— Я знала, что ты так скажешь.

— Тогда ответь, раз знала.

— Половину того, что тут написано, я делала. Только называлось это по-другому, и отвечала за весь проект не я. Я не знаю, засчитают ли они это. Вот и всё.

Лиллиан взяла из миски черешню за хвостик и покрутила.

— То есть ты не знаешь, засчитают ли. И поэтому решила, что не засчитают.

Сьюзан промолчала.

— Ты им уже отказала, — сказала Лиллиан. — От их имени. Они даже не узнали, что ты была.

— Я не отказывала. Я просто подаюсь туда, где меня возьмут.

— Туда, где ты каждый день будешь ходить мимо кабинета Шона.

У Сьюзан вспыхнули уши. Она придвинула ноутбук к себе, будто его могли отнять.

— Я не из-за этого.

— Конечно.

— Не только из-за этого.

— Вот, уже честнее. — Лиллиан наконец съела черешню. — Просто я проверяла. Кабинет Шона в требованиях не значится. Ни в одной из двух вакансий.

Смешок вырвался у Сьюзан коротко и сразу оборвался. Смотрит она уже не на Лиллиан, а на длинный список во второй вкладке.

— Если меня не возьмут секретарём, — сказала она тихо, — значит, просто не взяли. Одна вакансия. Бывает.

— А если менеджером?

Сьюзан не отвечает. На кухне вздрогнул и завёлся холодильник.

— Тогда получится, что я пять лет что-то не так про себя понимала.

Миска отправилась на ковёр. Лиллиан развернулась к Сьюзан лицом и уселась потурецки, коленями в край дивана.

— Хорошо. Тогда давай без «получится». Какое требование ты точно не закрываешь? Не «боюсь, что не закрываю». Точно.

— Это не экзамен, Лил.

— Жаль. С экзаменом ты бы уже закончила.

Сьюзан открыла чистый документ. Страница долго белеет пустая, и только потом пальцы набрали два заголовка.

«Что просят».

«Чем я могу это подтвердить».

— Всё, — сказала Лиллиан и подняла обе ладони. — Я молчу.

— Это будет впервые.

Лиллиан поднялась и унесла на кухню пустой стакан. Оттуда слышно, как шумит кран, а потом её голос читает вслух бумагу, прижатую магнитом к холодильнику.

— «В связи с изменением суточного графика после мартовских событий вывоз отходов переносится на время до семи утра». — Она вернулась со стаканом. — Они что, теперь в шесть приезжают?

— В половине седьмого.

— Откуда ты знаешь?

— Они гремят.

Стакан встал у ножки столика. Лиллиан снова сидит на полу и молчит, только косточки изредка стучат о блюде.

Первой строкой в левую колонку Сюзан перенесла из вакансии координацию работ. Рядом, в старом резюме, это место занимает фраза «Участвовала в координации проектных работ». Сюзан смотрит на слово «участвовала» и не может сказать, что за ним стоит. Участвовать можно и стулом в переговорной.

Она открыла папку прошлогоднего проекта. Название и клиента Сюзан в новый документ переносить не стала. Внутри лежат план работ, журнал изменений и четыре версии списка задач. В плане у каждой строки стоят дата и фамилия, а отдельная колонка отмечает, кто кого ждёт. Колонку ответственных заполняла она. Колонку зависимостей она придумала сама, на второй неделе, когда два человека одновременно ждали друг друга и каждый считал, что задержка не у него.

Сюзан стёрла «участвовала» вместе со всей строкой и набрала новую.

«Сводила сроки и зависимости по проектным задачам, фиксировала владельцев и изменения».

Потом проверила её по таблице, слово за словом. Сроки есть. Зависимости есть. Владельцы есть. Изменения лежат в журнале, все до одного её рукой.

Строку она оставила.

Следующей идёт работа с требованиями. В старом резюме значится «Работа с требованиями проекта», и звучит это так, будто требования лежали где-то рядом, а она проходила мимо. В журнале изменений нашлась запись, где одно требование менялось три раза. Под последней версией стоит пометка «уточнено на примере».

— Они две недели спорили о словах, — сказала Сюзан. — А думали о разных случаях. Я попросила каждого показать пример. Оказалось, примеры разные.

Лиллиан не обернулась.

— Это ты сделала или ты стояла рядом, когда кто-то сделал?

Сюзан проверила автора записи.

— Я.

Новая строка легла на место старой.

«Уточняла спорные условия на конкретных примерах и фиксировала согласованный следующий шаг».

Сюзан напечатала «Управляла рисками проекта». Фраза легла в резюме ровно и уверенно, точно под требование из вакансии. Оставалось найти, чем её подкрепить, и Сюзан полезла в журнал.

Запись про сдвиг сроков нашлась быстро. Дата этапа уехала на неделю, потому что входные данные пришли позже. Выше, в плане, эта дата стоит как согласованная. Поставила её туда Сюзан, и никакой пометки, что она держится на чужом подтверждении, рядом нет.

Экран начал тускнеть, а Сюзан всё не трогает тачпад, и строка с датой гаснет вместе со всем остальным.

Потом она вернулась в резюме и стёрла «Управляла рисками проекта» целиком.

— Ты же только что её написала, — сказала Лиллиан.

— Она неправда.

— Почему?

— Потому что здесь видно, как один раз я риск как раз не увидела.

Лиллиан ничего не ответила. Сюзан напротив требования о рисках, в правой колонке, написала «Нечем. Пока» и пошла дальше.

Работа с клиентом. Встречи с заказчиком у неё были. Вопросы к ним готовила она, ответы записывала она, и рассылка после встречи, кто что делает и к какому числу, тоже уходила от неё. Но одна она клиента не вела ни разу, и говорил на этих встречах в основном руководитель.

Сюзан написала в правой колонке «Частично».

Лиллиан читает с пола, вывернув шею.

— Тебе это слово не нравится.

— Нет.

— Сотрёшь?

— Нет.

В открытое окно на свет экрана налетела мошкара. Лиллиан прикрыла створку, и в углу зажёгся торшер, жёлтый и тёплый после голубого экрана. За стеклом уже синее. Таблица получилась короче, чем Сюзан рассчитывала, когда начинала. Против каждой строки вакансии что-то стоит. Где-то подтверждение, где-то «частично», против рисков «нечем». В резюме не осталось ни одной фразы, которую нельзя показать пальцем в папке.

Она перечитала всё сверху вниз и закрыла таблицу.

— Ну? — спросила Лиллиан. — Подходишь?

— Могу податься.

— Есть разница?

— Есть, — сказала Сюзан и приготовилась отбиваться.

Лиллиан спорить не стала.

Сюзан вернулась на первую вкладку. Форма секретаря стоит заполненная, такая же, какой её оставили. Синяя кнопка, прикреплённое старое резюме с тем самым словом «участвовала».

— Здесь я бы уже сегодня отправила, — сказала Сюзан. — И почти наверняка была бы внутри.

— Наверное.

— И могла бы понять, как там всё устроено. А потом уже решать.

— Могла бы.

Сюзан повернулась к ней от экрана.

— Ты весь вечер говорила обратное.

— Я весь вечер спрашивала одно. Почему ты решила за них. — Лиллиан подобрала с ковра миску. — Если тебе нужна эта работа, эта, а не дверь в здание, отправляй. Я серьёзно.

Сюзан положила руку на тачпад. Резинка на запястье съехала к косточке.

Она закрыла вкладку. Браузер спросил, точно ли она хочет покинуть страницу, изменения не сохранятся. Сюзан подтвердила. Заполненная форма исчезла вместе со старым резюме, и на экране остаётся одна вкладка.

Лиллиан перестала жевать.

Форма отклика на менеджера проектов оказалась длиннее. Имя, контакты, файл. Сюзан прикрепила новое резюме. Внизу поле для сопроводительного письма, необязательное, и над ним она сидит дольше, чем над всем остальным.

— Что там? — спросила Лиллиан.

— Можно написать несколько строк.

— И что ты напишешь?

— Не знаю.

Курсор мигает в пустом поле.

— Тогда не пиши того, чего не знаешь.

Сюзан глянула на неё поверх экрана. Лиллиан только подняла черешню за хвостик, мол, сама же так живёшь.

Она написала три предложения. Что её опыт не совпадает с названием должности полностью. Что она вела сроки, зависимости, изменения и передавала команде актуальное состояние работы. Что на собеседовании готова разобрать конкретные примеры, включая те, где получилось не всё. Последние слова исчезли под клавишей и через минуту вернулись на место.

В резюме, в самой нижней строке, ещё сидит слово «эффективно», уцелевшее от старой версии. Доказать оно ничего не может. Сьюзан его убрала.

Курсор встал на кнопку отправки. Экран не успел погаснуть.

Сьюзан нажала.

Страница подумала секунду и сменилась белой. «Спасибо. Ваш отклик получен».

В комнате слышно, как гудит холодильник и как Лиллиан катает во рту косточку.

— Теперь решают они, — сказала Сьюзан.

— Теперь они.

Сьюзан снова открыла таблицу. Под словом «Частично» она набрала новую строку, короткую, для себя. «Если спросят, объяснить, что именно делала. Не больше».

— Ты готовишься к вопросу, которого ещё никто не задал, — сказала Лиллиан.

— Кто-нибудь задаст.

Файл сохранён, крышка ноутбука закрылась с мягким щелчком. На запястье от резинки осталась тонкая красная полоска. Лиллиан протянула миску, и Сьюзан взяла одну черешню. Ягода тёплая, нагрелась за вечер, и Сьюзан ест её, глядя на тёмную крышку.

За пять лет до той вакансии, в такой же июньский вечер, в комнате у Сьюзан жарко, как на чердаке. Окно открыто настежь, но воздух за ним стоит, и всю работу делает маленький вентилятор на столе. Он поворачивает голову то к кровати, то к стене и каждый раз проходит по раскрытой тетради. Листы приподнимаются с шорохом и ложатся обратно.

Лиллиан лежит на кровати поперёк, закинув босые ноги на стену, и читает вслух объявления о летней подработке, чтобы было не так скучно жариться.

— «Требуется промоутер. Улыбчивость обязательна». Ты улыбчивая?

— Нет, — сказала Сьюзан, не отрываясь от ноутбука.

— Я тоже. Вычёркиваем.

Сьюзан сидит за столом третий час. На экране открыты страницы учебных программ, рядом лежит тетрадь, в которой она с утра чертила таблицу. Таблица аккуратная, по линейке. Название программы. Срок. И последняя колонка, узкая, подписанная сокращением, которое Сьюзан предпочла бы никому не объяснять.

Она встала налить воды. Вентилятор дошёл до края стола, дунул в тетрадь, и та перелистнулась на две страницы назад, на разворот, который Сьюзан заполняла не по линейке.

Лиллиан спустила ноги со стены.

— Что там у тебя упало?

— Ничего не упало.

Но Лиллиан уже сидит на краю кровати, и тетрадь лежит прямо под носом, раскрытая на неправильной странице.

На левом листе сверху стоит «Бест Солюшен». Ниже, разным нажимом, будто писали в разные дни, идут строчки. «Попасть туда». «Узнать, кого они берут без опыта». «Любая работа рядом, хоть на ресепшен». На правом листе заголовок «Какой он» и короткий столбик.

Сьюзан вернулась со стаканом. Взгляд Лиллиан упирается в разворот, и стакан опустился на стол так резко, что вода плеснула через край.

— Отдай.

— Я не брала. Её вентилятор открыл.

— Лил.

Лиллиан подняла обе руки, но от тетради не отодвинулась.

— Это про Шона Деккера?

Сьюзан закрыла тетрадь и прижала её ладонью. Уши горят так, что это наверняка видно с кровати.

— Про компанию.

— «Какой он» про компанию?

Сьюзан ничего не сказала. Вентилятор дошёл до неё, поднял волосы со лба и отвернулся.

— Ладно, — сказала Лиллиан мягче. — Я не смеюсь. Видишь, не смеюсь. Мне просто интересно, давно это у тебя так серьёзно.

— Это не серьёзно.

— У тебя на этом таблица по линейке.

Сьюзан медленно села на стул. Ладонь с тетради она так и не убирает.

— С зимы, — сказала она наконец. — Может, раньше. Я не знаю, как это объяснить, чтобы не звучало глупо.

— Попробуй глупо. Я никому не скажу.

Сьюзан повозила пальцем по мокрому кругу от стакана.

— Мне нравится, как он делает дело. Что у него получилось. Что там люди работают по-настоящему, а не делают вид. Мне хочется в такое место. И, да, — она быстро глянула на Лиллиан и опять в стол, — и он мне нравится. Вот. Глупо.

— Не глупо. — Лиллиан подтянула колени к подбородку. — Покажи «Какой он».

— Нет.

— Тогда скажи сама. Что там?

Сьюзан молчит. Потом тетрадь под её ладонью раскрылась на правом листе и поехала по столу к Лиллиан. Столбик короткий. «Решительный». «Не боится ответственности». «Держит слово». «Знает, чего хочет». «Создал компанию с нуля».

Лиллиан прочитала, не улыбнувшись ни разу.

— Можно один вопрос?

— Ты всё равно спросишь.

— Поставь галочки там, где ты знаешь. А там, где думаешь, что знаешь, поставь вопрос.

Сьюзан перевела взгляд с Лиллиан на столбик. Карандаш тут же, у края таблицы, и сам ложится в пальцы.

На полях её школьных конспектов стоят такие же галочки и вопросы, ими она перед каждым экзаменом отделяет выученное от того, что только кажется знакомым. Лиллиан вернула ей её же способ.

Возле «Создал компанию с нуля» встала галочка. Возле «Решительный» карандаш завис и поставил вопрос. Возле «Не боится ответственности» тоже. «Держит слово». Вопрос. «Знает, чего хочет». Вопрос, жирнее остальных, потому что карандаш надавил сильнее, чем хотелось.

Одна галочка и четыре вопроса.

— Ну вот, — сказала Сьюзан. — Довольна?

— Нет, — честно сказала Лиллиан. — Я думала, будет хотя бы две.

Сьюзан фыркнула, хотя смеяться не собиралась, и плечи, поднятые весь разговор чуть не до ушей, опустились.

— Я видела его только на фотографиях, — сказала она. — Читала, что про компанию пишут. Этого мало, я понимаю. Но это не значит, что я всё придумала.

— Не значит. — Лиллиан показала подбородком на галочку. — Компания настоящая. А остальное ты пока сама к нему пристроила.

— Может быть, правильно пристроила.

— Может быть. Только ты не узнаешь, пока не узнаешь его. А строишь уже сейчас.

Палец Лиллиан перешёл на соседний лист, где идут «Попасть туда» и «Любая работа рядом, хоть на ресепшен».

Сьюзан перелистнула тетрадь обратно, на таблицу, как уходят с солнца в тень. Ровные строки по линейке, названия программ, сроки. И узкая последняя колонка с сокращением «До БС».

Лиллиан наклонилась над заголовком колонки.

— «До БС».

— Сколько лет до того, как я смогу туда подаваться. Примерно.

— Ты посчитала, через сколько лет окажешься рядом с человеком, которого видела на фотографиях.

Сюзан выпрямилась на стуле.

— Я посчитала, через сколько лет у меня будет диплом, с которым можно куда-то подаваться.

— Куда-то или туда?

Сюзан промолчала. В колонке «До БС» цифры. Напротив короткой программы «2», напротив двух длинных по «4». Короткая обведена кружком.

Стакан ненадолго ушёл к Лиллиан и вернулся на мокрый круг уже наполовину пустым.

— Ладно. Тогда другой вопрос. Ты сказала, что тебе нравится, как там работают. По-настоящему. Что значит по-настоящему?

Сюзан начала было и замолчала. Вентилятор снова прошёлся по столу, и она придержала тетрадь двумя пальцами.

— Когда результат должен работать, — сказала она. — Не просто сдать и забыть. Когда от того, что ты сделала, зависит кто-то ещё, и это видно. Когда тебя проверяют не по тому, как ты красиво сказала, а по тому, что получилось.

— Вот это ты знаешь или думаешь, что знаешь?

— Это знаю. — Голос у Сюзан вышел твёрже, чем весь вечер до того. — Это про меня, не про него.

Лиллиан ничего не сказала. Она смотрит в тетрадь, и Сюзан смотрит туда же, на колонку «До БС».

Карандаш прошёл вдоль цифр сверху вниз, как проверяют сумму. Двойка, четвёрка, четвёрка. Ни одна не отвечает на то, что Сюзан сейчас сказала вслух.

Между колонкой «Срок» и колонкой «До БС» места нет. Линейка легла прямо поверх старой сетки, слева от «До БС», и новая узкая черта отрезала щель, куда мелкими буквами встало «Что я там буду делать».

Потом Сюзан развернула к себе ноутбук.

Короткая программа обещает квалификацию за два года. Лекции, тесты, итоговый экзамен. Практика один раз, в конце, «по желанию». Сюзан прочитала описание целиком, медленно, и в новой колонке написала «Слушать и сдавать».

Первая длинная программа почти такая же, только растянута на четыре года, с большим числом предметов. Рядом Сюзан написала «Слушать и сдавать, дольше».

Вторую длинную она до этого открывала один раз и закрывала, потому что там было слишком много всего. Теперь Сюзан читает её строку за строкой. Проектная работа с первого курса. Командные задания, где оценивают не каждого отдельно, а то, что получилось у группы. Практика на реальных задачах, каждый год. Защита результата перед людьми, которые будут задавать вопросы. Отбор строже, чем в двух других, и не все поступившие доходят до конца.

Строка в новой колонке выходит длиннее остальных. «Делать вместе с другими. Доводить до результата. Защищать. Могут не взять».

— Сложная, — сказала Лиллиан, читая через плечо.

— Да.

— И четыре года.

— Да.

Лиллиан провела пальцем по строке до самого конца, до узкой колонки.

— А до БС тоже четыре.

— Тоже.

— А короткая два.

— Два.

Лиллиан села обратно на кровать.

— Тогда почему ты обвела короткую?

Сьюзан положила карандаш. Он скатился к краю стола, и она поймала его, не глядя.

— Потому что через два года я бы уже могла туда подаваться. Хоть кем-нибудь. Хоть на ресепшен. — Она услышала, как это звучит, и не стала смягчать. — И тогда было бы понятно, получается у меня или нет.

— Что получается?

— Ну... всё.

— Быть рядом с ним?

Ответа нет, пока вентилятор поворачивается к ней, держит прохладу на лице и уходит к стене.

— Да.

— А через два года ты что будешь уметь?

Глаза Сьюзан сами нашли в новой колонке «Слушать и сдавать».

— Сдавать, — сказала она. — Хорошо сдавать. Я это и так умею.

Лиллиан больше ничего не спрашивает. Босые ноги снова ушли на стену, взгляд упёрся в потолок, и дышит она так тихо, что слышно один вентилятор.

Сьюзан сидит над таблицей. Вторая длинная программа труднее и дальше. В неё могут не взять. Через четыре года Шон Деккер может уйти из своей компании, переехать на другой конец страны или просто никогда её не заметить. Ни одна строка в таблице не обещает, что она когда-нибудь окажется рядом.

Палец Сьюзан лежит на новой колонке, на самой длинной её строке.

— Если я туда так и не попаду, — сказала она в стол, — у меня всё равно будет то, что я умею.

Лиллиан не повернула головы.

— Будет.

— Но я хочу попасть.

— Я знаю.

За стеной у соседей зашумела вода.

— И чтобы он однажды... — Сьюзан не договорила и махнула рукой. — Всё. Не слушай.

— Я уже не слушаю.

Сьюзан стёрла карандашный кружок вокруг короткой программы. Ластик протёр бумагу почти до дыры, и на месте кружка осталось серое пятно. Вокруг второй длинной программы новый она рисовать не стала. Просто открыла на сайте страницу подачи.

Форма оказалась длинной. Имя, адрес, оценки, документы. Сьюзан заполняет её не торопясь, каждую цифру сверяя с бумагами в прозрачной папке. Внизу обязательное поле. «Опишите случай, когда вы работали над общим результатом в группе».

Над ним она сидит долго. Красивого случая у неё нет. Есть школьный проект, где их было четверо, а к последней неделе работали двое, и Сьюзан однажды вечером расписала, кто что делает до пятницы, и разослала остальным. Проект они сдали. Хорошо, но не блестяще, и одну часть пришлось доделывать в последнюю ночь, потому что Сьюзан не проверила, поняли ли её четвертый участник.

Она так и написала. Без «успешно» и без «я руководила». Что сделала, что получилось, что не получилось и почему.

Лиллиан, оказывается, всё-таки смотрит. С кровати виден экран.

— Ты пишешь им, где ошиблась.

— Они же спрашивают, как было.

— Обычно пишут, как надо было.

— Как надо было, я пока не знаю. Вот за этим и иду.

Лиллиан хмыкнула и вернулась к своему потолку.

Сьюзан перечитала поле ещё раз, и одно «очень» из него исчезло. Курсор подъехал к кнопке внизу и висит там, пока вентилятор доходит до стены и возвращается обратно.

Потом она нажала.

Страница ушла в белое и через секунду вернулась с одной строкой. «Ваше заявление принято. Решение будет направлено по почте».

Крышка ноутбука опустилась наполовину, и свет экрана лёг на тетрадь узкой полосой. Таблица стоит как прежде, только колонок в ней на одну больше, и новая идёт раньше старой. Колонка «До БС» не стёрта. Двойка и две четвёрки так и остались на местах, мелкие, в самом конце строки.

Лиллиан села на кровати и заглянула в тетрадь.

— Колонку не убрала.

— Нет.

— Почему?

Сьюзан подумала.

— Потому что это правда.

За перевёрнутой страницей нашёлся чистый лист. Сверху на нём встало завтрашнее число, под ним одна строка. «Найти, что они дают читать на первом курсе». Чуть погодя рядом добавилось «библиотека, к десяти».

Вентилятор доходит до стола, поднимает край страницы и опускает его на место.

Двадцать девятого июня Сьюзан вошла в лифт за девять минут до назначенного. Девять минут она рассчитала ещё дома. Меньше было бы впритык, а больше выглядело бы так, будто ей некуда себя деть.

Лифт ползёт вверх, а на экране телефона снова открыто письмо. Переговорная четыре, половина одиннадцатого. Номер переговорной Сьюзан знает наизусть с того вечера, когда письмо пришло, и всё равно перечитывает строчку до самого звонка этажа. Отклик на менеджера проектов ушёл семнадцать дней назад.

У администратора «Бест Солюшен» фамилия нашлась в распечатанном списке, ручка поставила рядом галочку и тем же концом показала на кресла у стены. Под стеклом на стойке лежит листок об изменённом режиме работы здания, напечатанный ещё весной, уголок отогнут.

Кресло оказалось ниже, чем выглядело. Папка и блокнот легли на колени, а карандаш Сьюзан пристроила сверху, вдоль корешка, где ему вроде бы не с чего скатиться.

Стена напротив стеклянная, и за ней идёт обычный понедельник. Девушка в наушниках пишет что-то на доске и тут же стирает ребром ладони. Двое сидят над одним ноутбуком. Один тянется к чужой кружке, не отрывая глаз от экрана, второй, тоже не глядя, отодвигает кружку подальше. У крайнего стола притормозил мужчина в клетчатой рубашке. Палец стукнул по чужому монитору, фраза осталась за стеклом без звука, и клетчатая спина уходит по проходу раньше, чем сидящий успел поднять голову.

На фотографиях этот офис всегда пустой и светлый, по снимкам Сьюзан изучила его до последнего кресла в холле. Здесь пахнет кофе и тёплым пластиком принтера, в глубине кто-то коротко засмеялся, и ни одна голова за стеклом не повернулась к креслам у стены.

— Сьюзан Тетчер?

Она встала, и карандаш съехал с блокнота. Сьюзан поймала его коленом и прижала ладонью.

В дверях стоит женщина её лет с бейджем на шнурке и планшетом под мышкой.

— Пойдёмте. У нас сорок минут. Сначала рабочий кейс, потом вопросы по опыту. Шон подойдёт.

Имя прозвучало между делом, тем же голосом, что «сорок минут». Сьюзан пошла следом, и шаги по ковровину сами собой складываются в счёт. Восемь, девять, десять.

Переговорная оказалась маленькой. Стол на четверых, экран на стене, жалюзи со стороны коридора приопущены до половины. На столе лежит один лист текстом вниз и стоит графин с водой, нетронутый.

— Садитесь где хотите, — сказала женщина и села сама, к экрану поближе.

Сьюзан выбрала стул лицом к двери и тут же сообразила, как это выглядит со стороны. Пересаживаться было бы ещё заметнее.

Блокнот ещё не лёг ровно, когда щёлкнул замок. Сьюзан встала слишком рано, на один этот щелчок, и оказалась на ногах перед пустым проёмом.

Потом проём заполнился.

— Сидите, — сказал Шон Деккер.

Фраза, которую она приготовила для этой секунды, куда-то делась. Сьюзан села.

На фотографиях не было видно, сколько места он занимает в комнате. Он прошёл к торцу стола, и маленькая переговорная стала ещё меньше. Голос ниже, чем она представляла, и негромкий, но после него в комнате ничего уже не скажешь вполголоса.

Он перевернул лист и придвинул его к Сьюзан ладонью, которая накрыла бумагу почти целиком.

«Поставка клиенту запланирована на начало следующей недели. Основную работу команда считает законченной. Перед сдачей нужна финальная проверка, а для неё внешний доступ. Доступа пока нет, и никто не отвечает за то, чтобы он появился. Команда уже строит работу под эту дату. Клиент хочет сегодня услышать, остаётся ли она в силе».

— Что вы скажете клиенту? — спросил Шон.

Сьюзан прочитала текст до конца и начала сначала. Строчки простые и гладкие, и на втором круге глаза так же соскальзывают с них, ни за что не цепляясь.

— На листе можно писать?

— Пишите.

Она провела карандашом черту поперёк листа, под словами «команда считает законченной». Над чертой осталось то, что известно. Под ней всё остальное.

— «Команда считает» значит, что работу ещё никто не принимал?

— Никто.

— А без проверки клиент её примет? Или проверка нужна нам самим, для спокойствия?

— Не примет.

Женщина у экрана что-то быстро набрала на планшете.

— Тогда дату я подтвердить не могу, — сказала Сьюзан. — Можно сказать клиенту, в каком состоянии работа. Что основная часть готова у нас, но ещё не проверена. Что для проверки нужен доступ, и он пока не подтверждён. Дальше надо найти, кто вообще может этот доступ подтвердить. Не назначить кого-нибудь, а выяснить, у кого на это есть право, у нас или у клиента. И договориться, к какому сроку нам нужен его ответ.

— Клиент не спрашивал про процесс, — сказал Шон. — Он спросил, будет ли результат. Женщина перестала печатать.

— Я знаю.

— Вы пришли управлять проектами. Иногда это значит дать человеку ответ, который ему нужен.

— Да.

— Тогда дайте.

«Да» лежит на языке, почти готовое. Основная работа сделана. Доступы обычно подтверждают. Можно сказать «ожидаем, что да», и это даже не будет враньём, если повезёт. Шон ждёт. Большая ладонь лежит на столе неподвижно, и «ожидаем, что да» звучит у Сьюзан в голове чужим голосом, голосом любого другого кандидата на этом стуле.

Она опустила глаза на лист. Карандашная черта идёт через всю страницу, ровно, и под ней ничего не изменилось.

— Я бы сказала ему так. — Сьюзан взяла лист в руки, будто читала с него. — «Основная работа готова. Финальная проверка требует доступа, который пока не подтверждён, поэтому дату сегодня подтвердить не можем. Окончательный ответ по дате дадим завтра до двенадцати. Если доступа к этому времени не будет, в тот же момент покажем, что предлагаем вместо этого».

Шон дослушал до конца.

— Кто это «мы»?

— Тот, кто к завтрашнему дню будет владеть подтверждением. Если до двенадцати его так и не найдут, я. С тем, что будет известно.

— И что вы предложите вместо?

— Из этого листа не видно. Тут нет ни объёма, ни того, можно ли проверить по-другому. Если я выберу вариант сейчас, я выберу его за команду.

Шон посмотрел на женщину.

— Дальше.

Палец сотрудницы коснулся планшета, и на экране вместо пустой заставки появилось резюме Сьюзан. Одна строка выделена жёлтым.

«Сводила сроки и зависимости по проектным задачам, фиксировала владельцев и изменения».

Эту строку Сьюзан переписывала в июне столько раз, что знала, сколько в ней букв.

— Это ваша строчка, — сказала женщина. — Теперь расскажите про раз, когда так не вышло.

Тянет начать издалека. Сначала обстоятельства, кто что обещал, как всё сложилось, и только потом, когда ошибка станет маленькой и понятной, сама ошибка. Карандаш Сьюзан положила на стол, чтобы пальцам не с чем было возиться.

— Был проект, где я разослала дату как согласованную. А под ней лежало условие, которое никто не подтвердил. Прежде чем начинать следующий этап, нам нужно было получить результат со стороны. Я про это знала. Но в общем плане дата уже стояла, и я молча считала, что результат к ней успеет.

— Кто отвечал за то, чтобы он пришёл? — спросил Шон.

— Я знала, кто должен его прислать. А кто получает подтверждение и говорит остальным, что можно начинать, я нигде не записала. Получилось, что никто.

Последнее слово вышло тише остального.

— Что произошло?

— Коллега начал готовить следующую часть к этой дате. Результат пришёл позже и не в том виде, которого ждали. Что-то пришлось делать заново, что-то сдвигать.

— Насколько позже?

— Это у меня записано. На память цифру не назову, а угадывать не хочу.

Шон молчит, сотрудница тоже, и паузу никто не спешит забрать у Сьюзан.

— Сначала я злилась на тех, кто опоздал с результатом, — сказала она. — Потом посмотрела на это со стороны остальных. Для них задержка была ни при чём. Они видели в плане дату и работали под неё. Я не пометила, что она условная.

— И вы это исправили.

Это прозвучало без вопроса, и Сьюзан могла бы просто согласиться.

— Процесс исправила, — сказала она. — Тот кусок работы переделывали другие люди. Его уже не исправишь.

Сотрудница оторвалась от планшета.

— А что вы делаете теперь?

— Неподтверждённое условие в общий план как факт больше не ставлю. Если дата зависит от чужого решения, рядом пишу, кто вправе его подтвердить, кому он сообщает и к какому числу все обновляют состояние.

— Назначаете владельца? — спросил Шон.

— Если это в моих полномочиях. Если нет, иду к тому, кто назначает. Вписать человека в чужую ответственность, чтобы в таблице не было пустой клетки, я могу. Только тогда пустая клетка просто перестанет быть видна.

Шон смотрит на неё дольше, чем требует ответ. Взгляд ложится на лицо, как тепло от лампы, и экран сбоку так и манит, но Сьюзан глаз не отвела.

— Это вы рассказываете, как работаете? Или как правильно отвечать на собеседовании?

Она чуть не улыбнулась.

— Надеюсь, что это совпадает.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

— Откуда я знаю, что вы сейчас не говорите то, что я, по-вашему, хочу услышать?

Улыбаться расхотелось. Сьюзан посмотрела на жёлтую строку на экране.

— Из этой строки никак. Её я тоже писала, зная, что вы её прочтёте. — Она помолчала.

— Можете дать мне другой случай. Расспросить про тот подробнее. Или решить, что одного мало.

— А вы что можете?

— Не рассказывать вам версию получше.

Где-то над потолком щёлкнул и загудел кондиционер.

Шон закрыл резюме сам, дотянувшись до планшета через стол.

— На сегодня достаточно.

Сьюзан не сразу поняла, что это конец. Сорок минут ещё не прошли.

— Хорошо.

Что в этом хорошего, Сьюзан не знала.

— Завтра к десяти получится? — спросила женщина, уже вставая.

— Получится.

Шон открыл на планшете другой документ, длинную таблицу, и на Сьюзан больше не смотрит. Блокнот, папка и карандаш вернулись к ней в руки, а лист с кейсом остался на столе, чужой, с её чертой поперёк. У двери её догнал голос.

— Сьюзан.

Она обернулась.

— Завтра приходите без подготовленного ответа.

— На какой вопрос?

— Если я скажу, вы подготовитесь.

Тридцатого июня Сьюзан приехала за сорок минут и тридцать из них просидела в кофейне через дорогу над стаканом воды.

Блокнот лежит раскрытым на вчерашней странице. Ниже три строчки, начатые ночью и вычеркнутые. «Если спросит про». «Возможный вопрос». Третья зачёркнута так густо, что Сьюзан сама уже не помнит, что в ней было. Ответ на вопрос, которого никто не задавал, полночи складывался в голове сам, и каждый раз на полужелезном карандаш шёл поперёк строки.

Без пяти десять она перешла улицу.

Женщины с планшетом в этот раз нет. Шон сидит в той же переговорной один, у торца стола, перед ним ручка и лист с кейсом. Карандашную черту Сюзан узнала сразу. Внизу, под последней строкой условия, появилась ещё одна, от руки, крупными буквами, которым на листе тесно.

«Клиент говорит. Если вы не обещаете дату сейчас, мы выберем другой вариант».

Он развернул лист к ней.

— Доступ по-прежнему не подтверждён. Вы обещаете?

Сюзан прочитала его строчку. Вчера она начала бы с вопросов, с того, что известно, с того, что надо выяснить. Сегодня в его вопросе два слова, и выяснять в нём нечего.

— Нет.

На лице у Шона ничего не сдвинулось.

— То есть вы готовы потерять клиента?

— Нет. Я готова показать ему, что мы можем обещать на самом деле. Если ему этого мало, он может уйти и после «да». Только позже и злее.

— Скажите «да», а с доступом разберётесь потом. Чем плохо?

У Сюзан сильно и не вовремя ударило сердце, так что она на секунду услышала его в ушах.

Вчера ещё можно было думать, что это упражнение. Сегодня он спрашивает ровно то, чего она боится с того дня, как отправила отклик. Не слишком ли она осторожна. Не окажется ли человек, который скажет «да», нужнее, чем человек, который скажет «нет».

— Тем, что клиент получит наш риск, а думать будет, что получил дату.

— Хорошо. Решаю я. Риск беру на себя. Теперь обещаете?

Сюзан ответила не сразу. Взгляд прошёл по листу сверху вниз, через её черту, до его строчки, и вернулся обратно.

— Если вы как владелец решения принимаете риск и мы записываем, что именно может сорваться, тогда я передаю клиенту обязательство компании. Но доступ подтверждённым я не назову. И команде не скажу, что риска нет.

— Значит, спрячетесь за меня.

— Нет. Я скажу, кто принял решение. И сама буду следить, чтобы все, кто работает под это обещание, видели условие и точку, где оно может сорваться.

Собственный голос показался Сюзан ровнее, чем она ожидала.

— И клиенту выложите всю нашу кухню?

— Клиенту нужно понятное обещание, без кухни. Только стоять оно должно на вашем решении. А не на том, что мне было страшно сказать при вас «не знаю».

Последние слова выскочили сами. Сюзан услышала их уже снаружи, целиком, вместе с «при вас».

Шон положил ручку на стол.

— При мне?

Щекам стало горячо.

— Да.

— Сейчас тоже?

— Сейчас меньше. Вчера больше.

— Почему?

Правдивый ответ занял бы больше времени, чем всё собеседование, и половина его вообще не касается работы. Эту половину она перед ним выкладывать не собирается. Не из гордости. Просто тогда снова смешается то, что она с таким трудом развела.

— Потому что я очень хочу эту работу.

— Это мешает?

— Мешает, если я начну отвечать то, что вы, по-моему, хотите услышать, а не то, что считаю правильным.

— А сейчас?

Она посмотрела на него, а не на лист.

— Сейчас я сказала «нет».

Шон взял ручку и одной чертой перечеркнул собственную строчку внизу листа. Что это значит, Сюзан не знала и гадать не стала.

— Последнее. Риска я на себя не беру. Доступа нет, клиент уходит. Ваши действия?

— Иду с вариантами к тому, кто решает коммерческие вопросы. Подтверждённый объём без той части, которой нужен доступ. Другая дата. Другой способ проверки, если специалист скажет, что так можно. Какой из них реальный, отсюда не видно.

— Опять не знаете.

— Не знаю. Но теперь понятно, чего именно не хватает и у кого спросить. С этим уже можно работать.

Шон что-то записал на полях, коротко, в две строки. Ручка почти пропадает в кулаке.

— Что бы вы спросили у меня?

К этому вопросу она готова не была. И не готовилась, как он и велел. Сюзан посмотрела на пустой экран, где вчера висела её строка.

— По вакансии?

— По работе.

— Как вы через три месяца поймёте, что ошиблись со мной?

Шон поднял голову.

— Почему не наоборот?

— Если я спрошу, что значит справиться, вы опишете, что хотите видеть. А мне нужно знать, где граница.

Он отложил ручку.

— Если через три месяца вы будете приносить мне проблему, про которую непонятно, в каком она состоянии, кто решает следующий шаг и при каком условии план меняется. Это плохой знак. И если начнёте путать осторожность с тем, что решения нет, тоже.

Сюзан записала оба условия, не сокращая.

— Вчера я была слишком осторожна?

— Вчера вы дважды собирались уйти в процесс.

— И?

— Не ушли.

Он сказал это ровно, без одобрения в голосе, как отмечают пункт в списке. Похвалу Сюзан стала бы проверять. Эти два слова она просто дописала в блокнот под его двумя условиями.

Шон встал, и Сюзан поднялась следом. Блокнот остался в руке раскрытым, потому что непонятно, кончилось ли собеседование и можно ли его уже закрыть. У двери Шон остановился, так и не открыв её.

— Мы предлагаем вам позицию менеджера проектов.

Всё вспыхнуло сразу. Тетрадь. Лиллиан. Пять лет. Вчерашний лист с карандашной чертой. Его голос, когда он сказал «сидите». Сюзан заставила себя оставить из всего этого одну последнюю фразу.

Позицию менеджера проектов.

— Условия и документы пришлют обычным порядком, — сказал Шон. — Больше проверок не будет.

Сюзан поняла, что молчит слишком долго.

— Я принимаю.

— Хорошо.

Про документы он говорил тем же тоном, каким вчера бросил сотруднице «дальше». Воздуха в груди сразу стало больше, чем нужно. А следом, тише, кольнуло другое, оттого что в этом тоне больше ничего нет. Глупо, и Сьюзан это знает, но делать вид, что не кольнуло, не стала.

Шон открыл дверь.

— Мистер Деккер.

Он обернулся.

— Спасибо.

— Посмотрим через три месяца.

Он вышел. Из коридора ещё раз донёлся его голос, коротко и неразборчиво, уже кому-то другому.

Сьюзан постояла у стола. Лист с кейсом лежит на месте, с её чертой посередине и его перечёркнутой строчкой внизу. Блокнот она перелистнула на чистую страницу и сверху написала «30 сентября».

Оставила место.

Глава 4

Двадцать один год назад, четвёртого июля, Шон проиграл в карты разговор с незнакомой девушкой.

Играют на широком каменном краю фонтана. Ветер то и дело сносит на них водяную пыль, и к пятой партии карты отсырели и размякли по углам. Счёт ведут крышками от газировки. У Шона их две, у приятеля напротив целая горсть.

Шон бросил последние карты на камень лицом вверх. Тройка, пятёрка, ни одной картинки.

— Дэвид, давай деньгами.

— Мы играли не на деньги.

— Я помню, на что мы играли. Я предлагаю передоговориться.

Крышки со стуком ушли в ладонь Дэвида, оттуда в карман выцветших шорт, а сам он не торопясь оглядывает парк, словно меню, по которому заплатит кто-то другой.

Праздник ходит вокруг фонтана кругами. Дети тащат бумажные флажки на палочках и роняют их в воду. За деревьями настраивается оркестр, и барабан время от времени пробует один удар и замолкает. По дорожке тянутся семьи с хот-догами, коляски, собаки в звёздно-полосатых банданах.

— Вон та, — сказал Дэвид.

Через дорожку, в тени старого клёна, на отдельной скамье сидит девушка с книгой. Рыжие волосы собраны кое-как, и одна прядь всё время выбивается и липнет к щеке. Книгу девушка держит высоко, у самого лица, а когда ветер пытается перелистнуть страницу, прижимает её одним пальцем, не отрываясь от строчки. Вокруг гремит праздник, а она сидит посреди него, будто его выключила.

Шон посмотрел и сразу отвёл глаза.

— Нет. Выбери кого-нибудь другого.

— Почему?

— Она читает.

Дэвид довольно хлопнул ладонью по мокрому камню.

— Значит, ей не скучно. Тебе повезло.

— Мне не повезло. Я проиграл.

— Вот именно.

Шон вытер ладони о джинсы. Пальцы всё равно липнут от сырого картона.

— Что конкретно я должен сделать?

— Подойти. Поговорить.

— Сколько?

— Пока не будет видно, что ты честно попытался. Телефон не проси, на свидание не зови. Просто разговор.

Шон посмотрел на скамью ещё раз. Девушка перевернула страницу.

— А если она меня сразу пошлёт?

— Значит, пошлёт. Долг закрыт.

— А если она меня ударит?

Дэвид оглядел его плечи и старые ссадины на костяшках.

— Тогда я впервые в жизни в тебя поверю.

Шон встал.

На ринге напротив стоит человек, который сам этого хочет, и оба знают, чем всё может кончиться. Здесь у Шона нет даже первого слова. Дорожка шагов в шесть шириной. Он прошёл её за четыре и пожалел, что не за двенадцать.

Девушка дочитала строчку до конца. Только потом книга опустилась на два пальца, и поверх страницы на Шона посмотрели светло-голубые глаза, очень спокойные.

— Простите, — сказал Шон.

— За что?

Нормальных вариантов у него было три, и все три исчезли одновременно. Вместо них откуда-то из глубины вылезло то, чего Шон никогда в жизни не говорил вслух.

— Волосы ваши как пламя, а глаза...

Он замолчал. К слову «глаза» в голове рифмовалось только одно, и это было «тормоза».

Девушка опустила книгу на колени, заложив страницу пальцем.

— А глаза?

— Дальше у меня была только рифма «тормоза». Я решил её не использовать.

Она посмотрела на него секунду, другую. Потом рассмеялась, коротко запрокинув голову, так что прядь опять упала ей на щеку, и смеётся она громче, чем позволила бы себе из вежливости. Шон стоит перед ней, большой и глупый, и почему-то совсем не хочет уходить.

— Это была заготовка? — спросила она.

— Хуже. Импровизация.

— Тогда понятно.

Она перестала смеяться, но смех ещё держался в углах рта.

— Если вам нужно было просто это сказать, вы сказали. Можно идти.

Шон мог уйти. Долг, наверное, уже отдан. Он посмотрел на неё и ответил, как было.

— Я знал только первую половину фразы. Что делать дальше, понятия не имею.

На этот раз девушка смотрела дольше и без улыбки. Потом холщовая сумка переехала с края скамьи ей под ноги.

— Садись. Только вторую половину не надо.

— Второй половины нет.

— Тем более.

Он сел на освободившийся край. Доски под ним подались, и девушка придержала книгу, чтобы та не съехала с колен. Между ними сантиметров тридцать нагретого солнцем дерева.

— Шон.

— Чарли.

Она протянула руку первой. Пальцы тонкие, с аккуратно подстриженными ногтями, и почти пропали у него в ладони, но сжала она неожиданно крепко, коротко, по-деловому, и тут же вернула руку на книгу.

— Ты всегда так знакомишься, Шон?

— Сегодня первый раз.

— Это видно.

Голос без насмешки, и смотрит она на него, чуть подавшись вперёд.

— Настолько?

— Ты начал со стихов и закончил тормозами.

Шон засмеялся, и смех вышел легче, чем вся дорога от фонтана. Взгляд Чарли опустился на его руки, лежащие на коленях.

— А это что?

Он перевернул правую кисть, показал костяшки.

— Бокс.

— Всерьёз?

— Тренируюсь. Иногда выхожу на ринг. Всерьёз или нет, сам ещё не понял.

Чарли перевела взгляд с его кулака на дорожку, по которой он только что шёл.

— И ринга ты, значит, не боишься.

— Нет.

Она чуть прищурилась, и Шон заранее понял, что сейчас будет.

— А к скамейке шёл, как к стоматологу.

— На ринге хотя бы ясно, кто напротив и чего он от тебя хочет.

— А здесь?

— А здесь сидит человек, который читает и никого не звал.

Она промолчала, но книгу не подняла.

— Чем ещё занимаешься? Кроме ринга и стихов.

— Проигрываю в карты.

Слова вышли сами, раньше, чем Шон успел их остановить. Через дорожку, у фонтана, Дэвид громко и очень старательно закашлялся. Чарли обернулась на звук. Дэвид сидит на камне и разглядывает струю с таким вниманием, с каким не разглядывал ни одной карты за всю игру.

— Твой? — спросила Чарли.

— Мой.

— Тот, что изо всех сил на нас не смотрит?

— Именно этот.

Она перевела взгляд обратно на Шона.

— Хороший друг?

— Сейчас спорный.

— Из-за карт?

Ответ готов целиком. Он проиграл, поэтому и оказался здесь. Пара фраз, и всё. Шон потёр большим пальцем подушечки остальных, они всё ещё липнут от сырого картона. Через дорожку ударил барабан.

— Он слишком радуется победам.

Чарли хмыкнула и спрашивать дальше не стала. Шон отвернулся от фонтана.

— А ты что читаешь? — спросил он, показав на книгу.

Чарли тут же перевернула книгу обложкой вниз и прижала ладонью.

— Нет.

— Я ещё ничего не сказал.

— Ты собирался.

Ладонь с обложки она не убрала.

— После моих стихов мне уже ничего не страшно.

— Твоя смелость пока под наблюдением.

Она подумала и всё-таки убрала руку. На обложке маяк на скале, внизу море, а на переднем плане двое стоят друг к другу так близко, что между ними не прошёл бы и лист бумаги.

Шон ничего не сказал.

— Ни слова, — предупредила Чарли.

— Я молчу.

— Ты очень громко молчишь.

— Это лицо. Оно у меня плохо воспитано.

Она снова засмеялась, теперь тише, и положила книгу на скамью между ними, обложкой вверх.

Фонтан остался где-то за спиной, и Шон не помнит, когда последний раз туда оглядывался.

— Почему здесь? — спросил он. — Сегодня по всему городу шумно.

— Дома шумнее.

— Много народу?

— Один отец. Он у меня один звучит как целая семья. — Чарли провела пальцем по краю страницы. — У него завод. Сегодня праздник, поэтому про завод он говорит по телефону в саду, чтобы все видели, как он отдыхает.

Шон засмеялся, и у Чарли на лице мелькнуло выражение игрока, которому зашла карта.

— Свой завод?

— Свой.

— И ты потом будешь там работать?

Она посмотрела на него так, словно он без спроса взял у неё что-то из сумки.

— Это его план.

— А твой?

— Мой план сначала понять, какой у меня план.

Сказала она это без вызова, ровным голосом, как прогноз погоды. Шон подумал, что спор с отцом у неё, наверное, давно идёт без слов и она его не проигрывает.

— А у тебя? — спросила Чарли. — Что-то, кроме бокса?

Шон упёрся локтями в колени.

— Хочу своё дело.

— Какое?

— Если бы знал, уже делал бы.

Чарли склонила голову набок и прикидывает, что ему подошло бы.

— Боксёрский зал?

— Нет.

— Издательство? Печатал бы первые половины стихов.

— А вторые продавал бы отдельно, дороже.

Чарли фыркнула, прикрыв рот тыльной стороной ладони.

— Почему своё? — спросила она уже серьёзно.

Красивый ответ для девушки на скамье у него нашёлся бы. Шон сказал другой.

— Не люблю, когда за меня заранее решили, где я окажусь.

Чарли не засмеялась. Палец на краю страницы замер.

— Это я понимаю, — сказала она.

За деревьями оркестр наконец сыграл первые такты чего-то бодрого, сбился и начал заново. С газона поднялась стая голубей и пошла низко над дорожкой. Чарли проводила их глазами, потом посмотрела на часы.

— Мне пора. В четыре у нас гости, и отец хочет, чтобы все были на месте, когда он скажет тост про независимость.

Шон понял, что не хочет, чтобы она уходила, и понял это слишком отчётливо для человека, который полчаса назад отдавал долг.

Книга так и лежит на скамье между ними. В сумке у Чарли звякнули ключи, ремень лёг через плечо, и Шон поднялся вместе с ней.

— А вечером? Тут будет салют.

— Нет.

— Тогда завтра?

Улыбка ушла не сразу, а будто её аккуратно сняли.

— Шон. Я сказала «нет». Остановись.

Голос остался ровным, даже мягким, и мягкость эта закрывает дверь плотнее любого крика.

Шон отступил на шаг, так что между ними легла вся ширина скамьи. Руки он опустил вдоль тела.

— Понял.

Чарли ещё секунду смотрела на него, словно проверяла, правда ли он понял или просто замолчал перед следующей попыткой. Он стоял и молчал.

— Хорошо, — сказала она.

Она повернулась и пошла по дорожке, в сторону ворот, мимо семей с флажками и колясками.

Шон стоит у скамьи и смотрит ей вслед, пока она не становится одной из многих спин на дорожке. Разговор был. Долг, если считать честно, закрыт. У фонтана Дэвид поднял обе ладони, мол, ну что поделаешь.

Шон уже повернулся идти обратно, когда увидел книгу. Она так и лежит на скамье обложкой вверх, и маяк на ней блестит на солнце.

— Чарли!

Она обернулась на полпути, уже между двумя колясками.

Шон поднял книгу за корешок, двумя пальцами, обложкой к себе.

— Это не попытка. Ты забыла.

Чарли вернулась. Шон держал книгу на вытянутой руке и ближе не подходил.

— Я не забываю книги, — сказала она.

— Значит, сегодня у тебя день исключений.

— Не делай выводов.

Чарли забрала книгу и прижала к боку, маяком под ладонь. Уходить она не спешит. Взгляд её прошёл через плечо по скамье, по обложке и снова остановился на нём. Шон молчит. Сказать есть что, но спрашивать ему больше нельзя, и он это помнит.

— По воскресеньям я читаю здесь, — сказала Чарли. — С двух. Как сегодня.

Шон не сразу нашёл, что ответить.

— Я запомню.

— Запомни. — Она сделала шаг назад. — И вторую половину не приноси.

— Её нет.

— Вот и не приноси.

Теперь она ушла по-настоящему. Шон смотрел, пока рыжая голова не исчезла за людьми у ворот, и только потом заметил, что Дэвид уже стоит рядом.

— Ну?

Шон сел на скамью, туда, где только что лежала книга.

— Что «ну»?

— Долг закрыт?

Шон посмотрел на ворота.

— Закрыт.

— И?

— И всё.

Дэвид сел рядом и с интересом заглянул ему в лицо.

— Ты улыбаешься.

Шон перестал.

— Нет.

— Конечно, нет. Как её зовут?

— Чарли.

Имя вышло осторожно, будто его можно было уронить.

— И всё?

— В воскресенье она будет здесь. В два.

Дэвид присвистнул.

— Выходит, я тебе ещё и одолжение сделал. Выгодный был долг.

Шон посмотрел на дорожку. Фонтан, сырые карты, «вон та», шесть шагов через дорожку, которые он прошёл за четыре.

— Не говори ей про карты.

Дэвид повернулся к нему всем корпусом.

— Почему?

— Потому что долг кончился здесь. — Шон положил ладонь на тёплое дерево скамьи.

— В воскресенье я приду сам.

— Она спросит, как вы познакомились.

— Не хочу, чтобы она хоть на минуту подумала, что её проиграли в карты.

Дэвид помолчал. Потом достал из кармана колоду, которую успел собрать с фонтана, и подержал её на ладони.

— Это всё равно половина истории.

Шон не стал спорить.

— Знаю. Но ей не говори.

Дэвид постучал колодой о колено, выравнивая края. Одна отсыревшая карта выскользнула из пальцев, перелетела через край скамьи и упала в траву рубашкой вверх.

Дэвид посмотрел на неё и поднимать не стал.

Горошины стучат о дно эмалированной миски, сначала звонко, потом всё глуше, по мере того как дно скрывается под зеленью. Чарли лушит горох у края стола, поджав под себя одну ногу. Слева от неё тает горка нечищеного гороха, справа растёт горка пустых стручков, а большой палец давно позеленел до самого ногтя.

Почти два года прошло с того воскресенья у фонтана, и за это время Дэвид так и не научился проигрывать молча.

— Ещё одну, — сказал он.

— Ты это говорил две партии назад. — Шон уже тасует колоду. — Я считал.

— Считать ты научился. Играть пока нет.

Окно открыто во двор. Вечер стоит тёплый и неподвижный, снизу тянет чьим-то ужином и нагретым за день асфальтом, и этажом ниже по телевизору идёт бейсбол. Комментатор то и дело взлетает голосом и сразу опускается обратно, ничего так и не случилось.

— На что играете? — спросила Чарли, не поднимая головы.

— Ни на что.

— Он теперь ни на что не играет, — пояснил Дэвид. — Постарел.

Чарли хмыкнула, и в миску со стуком упала очередная горсть.

— Поумнел.

— Одно другому не мешает.

Карты у Шона в пальцах выглядят меньше, чем у других людей. Колода шуршит, половинки с тихим треском входят одна в другую, и большие пальцы снова разводят их в стороны. Дэвид разглядывает потолок, будто там записан следующий расклад.

— Ладно. Если и эту солью, — сказал он потолку, — подойду к первой встречной у фонтана. Как ты тогда.

Колода у Шона в руках застряла посреди перетасовки. Две половины упёрлись друг в друга уголками и так и остались, не сойдясь.

Горох больше не стучит.

Чарли держит в пальцах раскрытый стручок. Три горошины лежат в нём рядком и никуда не падают.

— Как он тогда? — спросила она.

По тому, как медленно Дэвид опустил глаза с потолка, Шон понял, что тот наконец услышал собственную фразу.

— Это так. Старая шутка.

— Тогда Расскажи её. Раз старая.

Дэвид посмотрел на Шона.

— Не у него спрашиваю, — сказала Чарли.

Голос негромкий. Шон знает этот голос, хотя слышал его всего пару раз, и оба раза не на себе.

Дэвид отодвинул от себя пустую чашку, словно она мешала говорить.

— Мы играли на желание. Он проиграл. Желание было моё. Подойти к девушке, которую я покажу, и заговорить с ней.

— И ты показал.

— Показал.

— На кого?

Никто не ответил. Телевизор внизу взревел, кто-то там добежал до базы. Чарли перевела взгляд на Шона.

— На кого, Шон?

— На тебя.

Она положила стручок в миску. Целиком, вместе с горошинами, не раскрыв до конца. Потом отодвинула миску от себя, и та тяжело поползла по клеёнке и сбила горку пустых стручков.

Дэвид встал. Стул проехал по полу.

— Я пойду.

— Иди, Дэвид.

В дверях он остановился, взявшись за косяк.

— Чарли, я правда не думал, что ты...

— Я знаю. Иди.

Через несколько секунд хлопнула входная дверь. Снизу стал слышнее бейсбол. Больше на кухне ничего не звучит.

Чарли смотрит на миску.

— Значит, меня проиграли в карты.

— Нет. Проиграл я. Ты была условием.

Она подняла голову.

— Это должно звучать лучше?

— Нет, — сказал Шон и замолчал.

Половинки колоды так и лежат в ладонях. Он не знает, куда их деть, и не кладёт.

— Если тебе станет легче, — начал он, — проиграл я с треском, Дэвид неделю...

— Не надо.

Он закрыл рот.

Чарли встала. Полотенце висит на крючке у раковины, и она вытирает руки долго, каждый палец по отдельности. Зелень с большого пальца не сходит, его она трёт дольше остальных.

— Что надо было получить? Телефон?

— Нет. Разговор. Только поговорить.

— Свидание?

— Нет.

Каждое «нет» Шон выкладывает перед ней, как карту, и легче от этого не становится никому.

— Значит, разговор. И всё.

— И всё.

— А когда это кончилось? Для тебя.

Шон не стал делать вид, что не понял.

— Быстро. Когда ты засмеялась.

Полотенце вернулось на крючок. Чарли стоит к нему спиной.

— Потом мне уже было всё равно, что там Дэвид, — сказал Шон. — В воскресенье я пришёл сам. Ты сама назвала воскресенье. Всё, что было после, было наше, а не его.

— Я помню, что назвала воскресенье. Я помню, что ты пришёл. — Чарли повернулась к нему, опершись поясицей о край раковины. — Я не спрашиваю, настоящее ли всё остальное.

— Тогда что?

— Почему ты решил, что эту часть можно оставить себе?

Вопрос лёг ровно туда, куда Шон два года старался не смотреть.

— Потому что она уже ничего не меняла.

— Для кого?

Шон открыл рот, и ответ, который был готов, оказался коротким, как обрубок.

— Для меня.

— Вот.

Чарли отошла к окну. Теперь между ними весь стол с миской и колодой, и она стоит к нему боком, глядя во двор, где ничего не происходит.

— Сколько раз мы рассказывали, как познакомились?

— Не считал.

— А я помню. Отцу, в первый же вечер, когда я тебя к нему привела. Он спросил, и я рассказала про книгу, и что ты подошёл. Ты сидел рядом и ел его пирог.

Шон молчит.

— Прошлым летом я рассказывала это при Дэвиде. Он смеялся громче всех. — Она коротко выдохнула через нос. — Теперь понятно почему.

— Чарли...

— И ты меня поправлял. Говорил, что я смягчаю, что на самом деле стих был ещё хуже. Мелочи ты поправлял, Шон. Каждую мелочь.

Колода наконец легла на стол двумя половинами, так и не сведёнными вместе. Рукам Шона деваться некуда. Он держит их на краю стола, на виду, ладонями вниз.

— Ты понимаешь, что ты сделал? Не тогда, у фонтана. Потом.

— Промолчал.

— Нет.

Чарли повернулась к нему от окна, и свет со двора лёг ей на одну щёку.

— Ты решил. За меня. Что мне это знать не нужно. Что я с этим не справлюсь. Или справлюсь, но не так, как тебе хочется.

Комментатор внизу опять взлетел голосом и опять ни до чего не долетел. Шон смотрит на руки. Ответов несколько, и все они про то, как ему было.

— Да, — сказал он.

— Что «да»?

— Я решил. Сначала было стыдно. Потом страшно. Каждый месяц молчания пришлось бы объяснять отдельно, и я молчал дальше, чтобы не объяснять.

Чарли не перебила. Пальцы сжались на подоконнике, и под ними хрустнул сухой лист, упавший с цветка в горшке.

— Когда ты первый раз понял, что надо сказать?

— Там же, на скамейке. Как только ты назвала воскресенье.

— И почему не сказал?

— Боялся, что воскресенья не будет.

Чарли смотрит куда-то мимо него, в окно.

— То есть ты знал, что мне это может быть важно.

Шон помолчал.

— Знал.

— И решил не проверять.

— Да. Это моё. Не Дэвида и не того дня. Моё.

Плечи опустились, едва заметно, будто с них сняли не весь груз, а только верхний слой.

Чарли вернулась к столу, но не села. Стоит, положив ладони на спинку стула.

— Тогда с начала. Всё, с фонтана. И некрасивое тоже.

— Сейчас?

— Сейчас.

Шон сдвинул две половины колоды вместе, так и не перетасовав их, и стал рассказывать.

Рассказывает он не ей, а колоде, и это легче. Про фонтан. Про желание, которое проиграл.

Про то, что предлагал Дэвиду деньги, а потом просил выбрать кого-нибудь другого, потому что девушка читает. Про дорожку, через которую шёл, и как ни одной нормальной фразы в голове не осталось.

— Значит, «а глаза» ты сочинил от страха, — сказала Чарли. — А не от восторга.

— От страха. Восторг пришёл позже.

Она не улыбнулась.

— Дальше.

— Когда ты засмеялась, я забыл, зачем пришёл.

— Забыл?

Шон остановился.

— Нет. Не забыл. Перестал хотеть уходить.

Чарли сощурилась, проверяя эту поправку на прочность, и промолчала. Шон продолжает.

Про её отца и завод, про то, как она сказала, что сначала хочет понять, какой у неё план. Про то, как она спросила, что он сам собирается делать, а он не знал.

— Ты и сейчас не всегда знаешь.

— Я над этим работаю, — сказал Шон. Под её взглядом он сразу поправился. — Прости.

Рано.

— Рано. Дальше. Где ты мог сказать?

Он знал, о чём она.

— Когда ты спросила, хороший ли Дэвид друг. Я сказал «спорный». Ты спросила, не из-за карт ли. А я сказал, что он слишком радуется победам.

— Я спросила прямо.

Голоса она не повысила, и от этого фраза легла на стол тяжелее.

— Да.

— И ты ответил так, чтобы это было правдой.

— Почти.

— Правдой, из которой вынули середину.

Шон не стал спорить.

— Дальше я помню сама, — сказала Чарли. — Ты спросил про вечер, потом про завтра.

Я сказала тебе остановиться. Ты остановился. Это было правдой?

— Да.

Здесь Шону не нужно было думать ни секунды.

— Книгу ты вернул только ради книги?

— Только ради книги.

— Воскресенье назвала я.

— Ты.

Чарли загнула палец, будто вела счёт.

— Эта часть моя. Дальше.

— Ты ушла. Дэвид подсел ко мне на скамейку и первым делом спросил про долг. Я сказал, что долг закрыт и что в воскресенье я приду сам.

— Ещё.

— И попросил его не говорить тебе про карты.

Чарли долго выдыхает, до самого дна.

— Теперь всё.

— Теперь всё.

— Есть ещё что-нибудь такое же? Подумай, прежде чем отвечать.

Шон думает. Он идёт по этим двум годам месяц за месяцем, и пауза выходит длинной, неловкой, честной. Внизу кончился иннинг, заиграла реклама.

— Нет, — сказал он.

Чарли выдвинула стул и наконец села напротив.

— Я злюсь. И ещё долго буду злиться.

— Имеешь право.

— Мне не нужно твоё разрешение, чтобы злиться.

Шон принял и это молча.

— Я не ухожу, — сказала Чарли. — Слушай, почему. Не потому, что это ерунда. И не потому, что всё прошло. Я теперь знаю, как было на самом деле. С фонтаном, с картами, с Дэвидом, который смеялся. И я всё равно хочу быть здесь. Это я решила. Сейчас. Сама.

Он не сказал «спасибо». Чарли это заметила, и что-то в её лице на полтона отпустило.

— И с сегодняшнего дня так, — сказала она. — Если ты знаешь что-то, от чего я могу решить по-другому, остаться, уйти, простить, поверить тебе или рискнуть, ты говоришь мне сам. Не Дэвид за картами. Не случайно. Сам. И до того, как решишь, что мне это не нужно.

— Хорошо.

Шон не торгуется, не переспрашивает и ждёт продолжения.

— Это не значит отчитываться, что ты доел мой йогурт.

— Понял.

— Это значит, что важное решаю я. Скажи своими словами. Чтобы я слышала, что ты понял, а не запомнил.

Шон помолчал, подбирая не красивые слова, а точные.

— Если я знаю правду, которая может изменить, как ты решишь про нас, я говорю её тебе сам. Даже если мне кажется, что она ничего не меняет.

Он остановился, будто дошёл до края, и всё-таки шагнул дальше.

— Особенно тогда.

Чарли долго смотрит на него через стол.

— Особенно тогда, — повторила она.

Колода лежит на краю стола, сдвинутая, но так и не перетасованная. Миска вернулась на место. Брошенный стручок Чарли раскрыла до конца, и три горошины наконец упали на дно. Горка нечищеного гороха разошлась под её ладонью надвое, и одна половина поехала по клеёнке к Шону.

— Чисти.

— Я не умею.

— Научишься. — Она уже не смотрит на него, пальцы у неё снова заняты. — Я всё ещё злюсь, если что.

— Я помню.

Горошины снова стучат о дно миски. Теперь вразнобой, в два голоса, и одни падают заметно реже других.

Глава 5

От блока с сухим треском отходит ещё один жёлтый квадратик. Потом ещё один. Шон не поднимает головы от ноутбука, но по звуку знает, что листов в блоке осталось немного.

Почти четыре года прошло после того вечера на кухне. К шести часам офис «Бест Солюшен» почти опустел. За стеклянной перегородкой ещё горит чей-то монитор перед пустым креслом, у стены стоят нераспакованные коробки с бумагой, и на одной из них кто-то оставил кружку с холодным кофе. Солнце съехало к соседней крыше, и через жалюзи на пол ложатся тёплые полосы. Белая доска с утра исписана колонками. Их наполовину стёрли ладонью, и поверх серых разводов, на уровне взрослых глаз, держатся розовые и голубые листки.

Ниже, там, куда достаёт рука почти трёхлетнего человека, идёт своя работа.

Нэнси стоит у доски босиком. Сандалии валяются под столом, одна вверх подошвой. Рыжий хвост на затылке растрепался, и прядь прилипла к щеке, но Нэнси её не замечает. Она отрывает листок, долго примеривается, а потом прижимает его к доске всей ладонью, так что пальцы растопыриваются звездой. Жёлтые листки идут вниз столбиком. Почему вниз, знает только она.

Шону осталось одно письмо. Он пишет его уже двенадцать минут.

За соседним столом Чарли собирает сумку. Бутылка с водой, кофта, коробка с карандашами, которую Нэнси утром велела не трогать. Карандаши Чарли кладёт сверху, отдельно, чтобы было видно, что их никто не трогал.

— Шон.

— Минута.

— Ты сказал «минута», когда я ещё искала её кофту.

Чарли не подняла головы от сумки.

— Кофта нашлась быстро.

— Кофта была у неё на голове.

Шон всё-таки поднял глаза. Нэнси стоит к ним спиной и разглаживает очередной листок, нажимая на него так, будто от этого зависит, удержится ли доска на стене.

Стул отъехал назад. Три шага вокруг стола, и Шон уже сидит на корточках рядом с ней. Даже так голова остаётся выше её макушки.

— Давай я буду отрывать, а ты клеить. Будет быстрее.

Нэнси перевела взгляд с него на блок. Блок тут же перекочевал обратно к ней, прижатый к животу обеими руками.

— Сама.

— Понял. Сама.

С корточек он опустился на пол и вытянул ноги прямо в полосу света от жалюзи. Пол в офисе холодный даже в конце мая, ковролин здесь так и не постелили. Нэнси оценила его новое положение, оторвала жёлтый листок и прилепила ему на колено.

— Это твоё. Не трогай.

Шон замер. Ноутбук остался на столе, в двух шагах, и дотянуться до него с пола было уже нельзя.

Чарли подняла голову от сумки.

— Ты в плену?

— У меня задача.

— Какая?

— Не трогать.

Нэнси у доски сосредоточенно сопит.

— Ответственная должность.

— Меня только что назначили.

Нэнси, не оборачиваясь, погрозила ему пальцем через плечо. Шон перестал разговаривать и сидит неподвижно, с жёлтым квадратиком на колене, огромный, как мебель, которую забыли передвинуть. Колено затекает. Он терпит.

— А что это у тебя? — спросил он, не шевелясь.

— Работа.

— Какая?

Нэнси показала блоком сначала наверх, на розовые и голубые листки, потом вниз, на жёлтый столбик.

— Там большие. Тут мои. Они вниз.

— Это как у вас утром на доске, — предположила Чарли. — Только наоборот.

— Нет, — сказала Нэнси строго. — Это моё.

Чарли подняла ладони, сдаваясь. Нэнси прилепила следующий листок и прихлопнула его сверху.

— Это срочно.

Шон узнал интонацию раньше, чем слова. Чарли повернулась к нему с таким лицом, что отпираться было бесполезно.

— Узнаёшь?

— Понятия не имею, откуда она это взяла.

— Ты говоришь это в телефон сорок раз в день.

— Сорок раз, — с удовольствием повторила Нэнси.

Чарли закрыла сумку и подошла к столу, под которым валяются сандалии. Кольцо на пальце, такое же, как у Шона, тихо стукнуло о пряжку, когда она выудила их по одной.

— Нэнси. Обуваемся.

— Не готово.

— Обуваться можно и до того, как готово.

Нэнси подумала и, видимо, не нашла, к чему придраться. Она плюхнулась на пол рядом с отцом. Сандалии перешли из маминых рук в её, и работа началась всерьёз, с высунутым кончиком языка. Шон смотрит, как левая сандалия уверенно отправляется на правую ногу, и молчит, потому что колено занято.

— Помочь или сама? — спросила Чарли.

— Сама.

Чарли опустилась на корточки напротив и не протянула рук. Липучки затрещали. Нэнси встала, сделала два шага, и сандалии шлёпнули по полу, как ласты. На третьем шаге она остановилась и посмотрела себе на ноги с подозрением.

— Мама. Чуть-чуть скажи.

— Носики смотрят в разные стороны.

Нэнси посмотрела. Носики и правда смотрят в разные стороны, как будто поссорились. Обратно на пол, обе сандалии долой. Они меняются местами, и липучки трещат ещё раз, уже увереннее.

— Вот, — сказала Нэнси.

— Вот, — согласилась Чарли.

Шон посмотрел на Чарли поверх рыжей макушки. Чарли едва заметно пожала одним плечом, мол, смотри и учись.

Нэнси вернулась к доске. В блоке осталось листков пять, а внизу доски хватило бы места ещё на сто.

— Так, — сказала Чарли. — Договариваемся. У Нэнси три листочка. У папы одно письмо. Потом все обуваются и идём.

— Я обут, — сказал Шон с пола.

— Тогда тебе повезло больше всех.

Нэнси обернулась от доски, прижимая блок к животу обеими руками.

— Пять, — сказала она.

— Три.

— Четыре.

— Три. И кнопку в лифте нажимаешь ты.

Нэнси взвесила это предложение с таким видом, словно речь шла о крупной сделке. Кнопка в лифте весила больше.

— Три, — сказала она. — И кнопка.

— Договорились.

Шон посмотрел на дочь. Нэнси разрешила, коротко махнув рукой, и квадратик переехал с колена на тыльную сторону его ладони, чтобы не потерялся. Встать с пола удалось только с опорой на стол. Стол поехал.

— Папа сломался.

— Папа старый, — сказала Чарли.

— Папа вставал медленно, потому что на нём была задача, — поправил Шон и сел к ноутбуку.

Письмо почти готово. Последняя фраза далась легко, в ней нашлось одно лишнее слово, и под пальцем щёлкнуло «отправить». На экране мелькнула полоса и пропала.

— Отправил. — Он уже потянулся к другому окну. — И ещё одно, там буквально...

— Одно, — сказала Чарли.

— Одно, папа! — подхватила Нэнси от доски, не оборачиваясь.

Шон убрал руку от тачпада и закрыл ноутбук с тихим щелчком.

— Меня здесь не уважают, — сообщил он.

— Тебя здесь знают, — сказала Чарли.

Нэнси клеит последние листки. Первый она прижимает к доске сразу, второй переставляет три раза, пока он не встанет ровно под предыдущим. Третий она зажала в кулаке и смотрит на отца.

— Папино.

Шон отлепил квадратик с руки и протянул ей. Нэнси приклеила его в самый низ столбика, туда, где он чуть заходил на алюминиевую рамку доски, и разгладила.

— А мамино?

— Мамино где? — спросила Чарли.

Листок из кулака перешёл матери в ладонь, а палец Нэнси показал место рядом с отцовским.

— Тут. Ты сама.

Чарли приклеила, куда показали. Нэнси проверила, ровно ли, и осталась довольна.

Под стёртыми утренними колонками жёлтый столбик Нэнси доходит до самой рамки. Внизу три квадратика, её, папин и мамин, на высоте детского плеча.

— Готово, — сказала Нэнси.

— Совсем готово?

— Совсем.

Чарли подхватила сумку, кофту перекинула через руку. Шон сунул ноутбук под мышку и выключил свет. В полутьме доска ещё белеет, и жёлтый столбик на ней светлее всего остального.

В коридоре Нэнси идёт первой и топает, проверяя, как сидят сандалии. У лифта она встала на цыпочки, хотя кнопка и так вровень с носом, и нажала её всей ладонью, звездой, как свои листки. Кнопка вспыхнула.

— Едет, — сообщила Нэнси так, будто вызвала его лично.

Стеклянная дверь за спиной закрылась с долгим вздохом, и улица дохнула теплом. Плиты тротуара за день набрали солнца и к вечеру отдают его обратно, прямо сквозь подошвы. Небо над крышами ещё светлое, окна дома напротив отсвечивают низким солнцем.

Нэнси идёт сама. Её ладошка лежит в левой руке Шона, но ведёт Нэнси. Каждый шов между плитами для неё отдельное препятствие. Сандалия замирает на самом краю шва, Нэнси долго примеривается, и нога переезжает на следующую плиту с таким усилием, будто внизу пропасть.

— Раз, — объявила Нэнси. — Два. Шесть.

— После двух обычно идёт три, — сказал Шон.

— Шесть, — твёрдо повторила она, и ещё один шов остался позади.

Чарли идёт справа, на полшага позади, ближе к стене. Сумка висит на плече, детская кофта перекинута через локоть, и Чарли вслух перебирает, что дома есть на ужин. Пока выходит, что одни макароны.

— Хлеба нет. Молоко вроде есть. Если ты его вчера не допил.

— Я его не допил. Я его доел. С хлопьями.

— Значит, молока нет. Заедем в магазин.

Посреди тротуара лежит круглый чугунный люк, нагретый, с выпуклыми буквами по ободу. Нэнси встала перед ним, и её пальцы крепче вцепились в отцовскую руку.

— Это нельзя наступать.

— Обходим?

— Прыгаем.

Нэнси присела и оттолкнулась изо всех сил, обеими ногами сразу, а Шон, не сбавляя шага, чуть потянул руку вверх. Над люком она пролетела в основном на отцовской руке, и по ту сторону сандалии разом хлопнули о камень.

— Сама, — сообщила Нэнси снизу.

— Сама, — согласился Шон.

Сзади тихонько фыркнула Чарли.

Сигнал ударил по ушам совсем близко, и следом что-то тяжело грохнуло о бордюр.

Шон повернул голову. Белый седан уже на тротуаре, слева и чуть впереди, и идёт наискосок, поперёк плит, прямо на них. Лобовое стекло полыхает низким солнцем, за ним никого не видно. Расстояния почти не осталось.

Левая рука сработала раньше головы и рванула дочь к себе. Нэнси оторвалась от тротуара и впечаталась ему в бедро. Правой рукой он, не глядя, смёл Чарли назад. За спиной стена встретила её глухим стуком.

— Назад!

Белое заполнило всё слева. Удар пришёлся в бок, и мир сорвался с места. Шона развернуло. Пальцы сжались ещё сильнее, маленькая ладонь пока внутри. Второй достал предплечье, и пальцы разлетелись от него в стороны.

В руке стало пусто.

Асфальт у самой щеки. Звон стекла. Чей-то крик. Белое небо.

Потом ничего.

Первым вернулся звук. Короткий ровный писк, пауза, снова писк.

Потом свет. Он давит сквозь веки, а когда Шон открыл глаза, резанул по ним до самого затылка. Шон зажмурился и открыл их снова, медленнее. Потолок. Белые квадраты плитки, один в углу подмок и пожелтел. Не улица.

Голову что-то туго стягивает. Он попробовал повернуть её, и боль прошла от затылка по шее в левое плечо, так что воздух вышел сквозь зубы. Во рту сухо, язык лежит толстый и чужой. В сгибе локтя тянет игла.

— Не двигайтесь.

Над ним наклонился врач, сухощавый, седоватый, в синей форме, с очками, сдвинутыми на лоб.

— Вы в больнице, мистер Деккер. Вы меня слышите?

Слова доходят по одному, и каждое приходится ловить. Больница. Слышите.

— Чарли.

— Она здесь.

Шон попытался подняться. Потолок качнулся и поплыл вбок. Рука врача легла ему на правое плечо и без всякого усилия вернула его на подушку.

— Лежите.

Чарли стоит у окна. Висок заклеен квадратом пластыря, на скуле темнеет ссадина. Веки опухшие, красные. Обеими руками она прижимает к животу скомканную кофту.

— Чарли.

Она пошла к нему. Первый шаг вышел кривым, ладонь сама прижалась к боку, и Чарли переждала, прежде чем сделать второй.

Шон посмотрел мимо неё. Дверь. Пустой стул у стены. Кусок коридора, по которому кто-то прокатил каталку.

— Нэнси?

Чарли сжала губы. Пальцы на кофте побелели.

— Где Нэнси? — спросил Шон у врача.

Врач опустил очки со лба на нос.

— Мистер Деккер, ваша дочь получила очень тяжёлые травмы. Её не смогли спасти. Мне очень жаль.

Шон смотрит на него и ждёт продолжения. Врач молчит.

Шея отозвалась болью, когда Шон повернул голову к Чарли. Чарли стоит у кровати и встречает его взгляд.

— Нет, — сказал Шон.

Он опять оторвал голову от подушки. Боль лопнула под черепом, уши заложило звоном, и писк монитора зачастил.

— Мне надо...

— Лежи.

Чарли надавила ему на грудь, и её саму от этого движения перекосило, но рука осталась на месте.

— Лежи. Тебе нельзя.

— Нэнси.

Голос вышел сиплый, чужой.

— Я знаю.

Чарли отвернулась к окну. За стеклом качается верхушка дерева. Потом Чарли снова повернулась к нему.

Левая рука Шона лежит поверх одеяла. Два пальца в шинах, костяшки заклеены, запястье распухло и потемнело. Он согнул пальцы. Сошлись они только наполовину, и боль отдала в запястье.

— Я держал её.

Клаксон. Белое. Её вес у бедра. Удар. Пусто.

— Она была вот здесь. Я её отпустил.

— Нет.

— Отпустил.

Чарли закрыла глаза. Слеза добралась до ссадины на скуле, и Чарли поморщилась от соли.

— Ты не отпускал, — сказала она медленно, будто проверяла каждое слово на вес. — Тебе разжали руку. Машина.

— Какая разница.

— Есть разница. Ты дёрнул её к себе, я видела. А меня толкнул к стене. Ты нас обоих...

— Тебя вытащил.

Чарли вздрогнула.

— Не говори так.

— Ты здесь.

Взгляд Шона ушёл с её лица на пустой стул у стены.

— А её нет.

Ноги у Чарли подогнулись, и стул у кровати принял её. Кофта легла ей на колени, и лицо ушло в неё целиком. Плечи у Чарли ходят мелко и часто, а звука почти нет.

Шон потянулся к ней правой рукой. До неё не хватает совсем немного, но подняться не пускают ни голова, ни игла в локте. Рука так и повисла над краем кровати. Врач тихо вышел и прикрыл за собой дверь.

Когда Чарли подняла голову, на ткани осталось тёмное мокрое пятно.

— Нэн... — начала она и замолчала.

Пальцы разгладили на коленях маленький рукав, потом ещё раз, хотя он и так лежит ровно.

— Мне сказали сразу. Ты ещё был без сознания.

Она сглотнула.

— Я всё жду, что сейчас войдут и скажут, что перепутали. Что это не она. Я знаю, что не войдут. Всё равно жду.

Шон снова смотрит в потолок, на жёлтый угол.

— Я должен был удержать.

Чарли вскинула голову.

— Не надо.

— Если бы я держал крепче...

— Ты не знаешь, что было бы.

— Рука была моя.

Спинка стула помогла Чарли встать. Два шага до кровати дались ей медленно, и рука снова легла ему на грудь, поверх одеяла.

— Я тоже там была, — сказала она. — Я видела машину. Там была одна секунда.

— Мне её хватило.

Чарли зажмурилась. Пальцы поверх одеяла дрогнули, но остались.

— Должен был удержать, — повторил Шон.

Чарли не ответила. Её ладонь лежит у него на груди, тяжёлая и тёплая, и не уходит. Монитор над кроватью отсчитывает удар за ударом, ровно, без единого пропуска.

Глава 6

Левая рука сжата в кулак так, что ногти ушли в ладонь. Шон проснулся от этого кулака и лежит, не разжимая пальцев, потому что внутри ещё держится вес. Маленький, тёплый, почти никакой.

Потом пальцы разжались. Ладонь пуста, только на коже темнеют четыре полукруглые вмятины от ногтей.

Спальня на месте. Потолок тёмный, кондиционер ровно шумит, на тумбочке тлеет зелёная точка зарядки. Шторы задёрнуты, в доме ночь. Сердце колотится так, будто Шон долго бежал и только что остановился.

Белое, заполнившее всё слева. Рыжая макушка у самого бедра. Удар, после которого в руке стало пусто. Жёлтый подмокший угол больничного потолка. Пластырь на виске у Чарли.

Сны к утру расползаются, едва откроешь глаза. Эти картинки неподвижны, каждая на месте, и их можно пересчитать.

— Нэнси, — сказал он в темноту.

Голос вышел хриплым со сна. Кондиционер шумит дальше. Имя не рассыпалось. Оно осталось в комнате, знакомое, как собственное.

Телефон осветил потолок голубым. Без тринадцати пять, вторник, первое сентября.

В коридоре пол холодит босые ступни. Дверь гостевой в дальнем конце закрыта, и из-за неё слышно тяжёлое ровное дыхание. Пауль остался ночевать. Шон постоял у этой двери, не поднимая руки.

Спросить он успеет. Сначала данные.

Свет в кабинете он включать не стал. Ноутбук проснулся от касания, и экран выложил на стол бледный прямоугольник, в который попали обе его руки. Левая дрожит. Шон положил её плашмя на столешницу и печатает правой.

«Нэнси Деккер авария 30 мая 2005 Нью-Йорк»

Шон нажал клавишу ввода.

Первая страница выдачи вываливает чужих людей. Нэнси Деккер из Огайо с аккаунтом в соцсети, генеалогический каталог, какие-то страницы без дат. Шон взял имя в кавычки и дописал второе имя, которое помнит так же твёрдо, как первое. «Чарли Чарльз».

На второй странице нашёл архив городской газеты. Скан полосы, серый, с широкими полями, мелкий шрифт в три колонки. Сверху стоит дата.

31 мая 2005 года.

Заметка короткая, на пол-колонки. В понедельник вечером белый седан съехал с проезжей части на тротуар и сбил семью, выходящую из офисного здания. Среди пострадавших Шон Деккер и его жена Чарли Чарльз. Их двухлетняя дочь Нэнси Деккер скончалась в больнице.

Ниже, отдельным абзацем, слова продавщицы из киоска напротив.

«Отец дёрнул малышку к себе, я видела. Он почти успел».

Левая рука на столешнице снова сжалась, и четыре вмятины на коже отозвались тупой болью. Дальше в заметке идут абзацы про водителя, перекрытую полосу и полицию. Глаза дважды пытаются по ним спуститься и дважды возвращаются к слову «почти».

Шон скопировал имя дочери в новую строку и дописал «некролог 2005».

Первые две ссылки ведут в пустоту, на страницы, которых давно нет. Третья открыла сохранённую копию мемориальной страницы. Простой фон, крупный шрифт, сверху имя.

Нэнси Деккер.

Под именем две даты. «4 июня 2002 – 30 мая 2005».

Шон пересчитал. До трёх лет ей не хватило пяти дней.

Ниже несколько строк. Любимая дочь Шона Деккера и Чарли Чарльз. Любила лифты и всё жёлтое.

Внизу страницы маленькая фотография, такая мелкая, что лица складываются из крупных квадратов. Трое стоят на улице. Слева он сам, моложе, с короткой стрижкой и теми же плечами, которые каждое утро встречает в зеркале. Справа Чарли. Между ними смеётся рыжая девочка, достаёт обоим едва до пояса, и её ладошка целиком теряется в его руке.

Кресло откатилось от стола. Шон дошёл до окна и упёрся ладонью в штору. Ткань прохладная, за ней улица и темнота, которые дом до утра держит снаружи. Шон стоит так, пока не выравнивается дыхание.

Потом вернулся к столу.

Одной газеты мало. Одной мемориальной страницы тоже. Шон ищет дальше, и поиск отвечает.

Через неделю после аварии та же газета дала заметку о цветах и игрушках, которые соседи несли к стене офисного здания. Там Нэнси снова названа дочерью Шона Деккера, а Чарли названа его партнёршей.

Глубже в выдаче нашлась уцелевшая страница районной библиотеки за 2003 год. От сайта остались несколько строк и фотография с утренника «Читаем малышам». Женщина с книгой на коленях, вокруг дети на ковре, сбоку высокий мужчина держит на руках совсем маленькую рыжую девочку. Подпись под снимком называет их по именам. Шон Деккер и Чарли Чарльз, партнёры, с годовалой дочерью Нэнси.

Жена в одном месте. Партнёр в другом.

Новая строка поиска. «Шон Деккер Чарли Чарльз свидетельство о браке». Потом другой порядок имён, потом годы с девяносто девятого по пятый, потом «регистрация брака Нью-Йорк». Выдача приносит те же заметки об аварии, однофамильцев, рекламу брачного юриста. Записи о браке нет.

Отсутствие записи ничего не доказывает. Её могли не оцифровать, закрыть, потерять.

Он открыл пустой текстовый файл. Курсор мигнул в левом верхнем углу, и строки легли под ним одна за другой.

Нэнси Деккер. 04.06.2002 – 30.05.2005. Дочь. Три источника.

Чарли Чарльз. Мать.

Брак. Записи нет.

Почему я не помню

Знака вопроса Шон не поставил. Курсор мигает после последнего слова и ждёт.

Все найденные страницы он сохранил в новую папку. Поле для имени папки пустое и подсвечено синим, и Шон набрал в нём одно слово.

Нэнси.

Газетный скан он сохраняет последним. Пока идёт сохранение, страница догрузилась, и справа от серой полосы 2005 года выросла колонка «Сегодня читают». Свежая, цветная, с фотографиями. Выборы. Школы открываются в пандемию. Биржа. И между биржей и школами имя, которое этой весной мелькало у всех.

Даниэль Лазборг. «Вращение Земли продолжает замедляться. Что измерено, что посчитано и чего не знает никто».

О замедлении пишут с марта. Шон обычно пролистывает такие заголовки, как прогноз погоды. Этот он открыл.

Первый экран текста ушёл вверх под колёсиком мыши. Шон остановился на графике. Три ряда точек от трёх независимых наблюдателей, они расходятся в мелочах и всё равно ложатся в одну сторону, прочь от серой полосы обычного разброса. Под графиком ссылки на исходные данные. Шон открыл две. За обеими таблицы с подписями и датами, и цифры в них сходятся с графиком.

Он вернулся к статье.

Лазборг раскладывает всё на три стопки. Что уже измерено. Что можно посчитать, если принять определённые допущения. И чего не знает пока никто. Причину замедления он кладёт в третью. Полная остановка вращения у него не в первой стопке. Это крайний сценарий, не прогноз, пишет Лазборг, но отбрасывать его только потому, что он слишком велик, уже нельзя.

Шон перечитал этот абзац.

В другую ночь он сидел бы здесь до утра, разбирая ссылки одну за другой. Рядом, на соседней вкладке, Нэнси.

Статья ушла в закладки. Два длинных файла с расчётами под ней Шон скачал и не открыл. Они легли в общую папку загрузок, отдельно от той, что называется «Нэнси».

Мемориальная страница снова на экране. Рыжая девочка всё так же смеётся между ними.

На секунду под веками мелькнул жёлтый квадратик, прижатый к чему-то белому маленькой растопыренной ладонью. Шон моргнул, и квадратик пропал.

Он перешёл в текстовый файл. Курсор мигает там же, после «не помню». Шон перевёл строку и напечатал имя человека, который спит в конце коридора.

Пауль.

Шон встал. До двери кабинета четыре шага. Коридор уходит в темноту, к гостевой. Позади на столе светится экран, и на нём Нэнси.

Шон остановился на пороге, между тёмным коридором и светом от экрана, и дальше не пошёл.

Телефон лёг в ладонь. Пауль в списке недавних стоит вторым. Палец завис над именем и опустился.

В дальнем конце коридора за дверью гостевой заиграл звонок. Оборвался на третьем гудке.

— Шон? — Голос у Пауля сиплый, сонный. — Что случилось?

— Зайди ко мне. Я в кабинете.

Под дверью гостевой загорелась тонкая полоска света.

В кабинете светится только ноутбук. Дом ещё живёт по ночному расписанию, шторы держат утро снаружи, и всё живое в комнате собралось в прямоугольник мемориальной страницы. С фотографии смеётся рыжая девочка. Она стоит между Шоном и Чарли, достаёт обоим едва до пояса, и её ладошка целиком теряется в его руке.

Пауль пришёл из гостевой минуты через две после звонка, в носках, с телефоном в руке. Рубашка на нём вчерашняя, в ней он и спал, мятая, застёгнутая на одну петлю мимо. Седые волосы с тёмными прядями примяты подушкой и торчат с одной стороны. Экран он увидел с порога.

Шон развернул ноутбук к нему.

— Это моя дочь?

Пауль не спросил, где он это нашёл. Телефон, который он совал в нагрудный карман, ткнулся углом в планку рубашки и скользнул внутрь только со второго раза.

— Да.

— Чарли её мать.

В конце фразы голос не поднялся. Пауль всё равно ответил.

— Да.

— Кем она была мне?

Пауль взялся за спинку свободного стула так, что кожаная обивка собралась под пальцами в складки, но садиться не стал.

— Семей.

— Это я нашёл и без тебя. — Шон открыл соседнюю вкладку, старую газетную полосу с серыми полями по краям. — Здесь она моя жена. Здесь партнёр. Записи о браке нет нигде. Я искал.

— Её и не было. Вы не стали регистрироваться. Решили вдвоём, в две тысячи втором, и никто вас не уговаривал. Обменялись одинаковыми кольцами, жили вместе, растили Нэнси. Люди звали вас мужем и женой. Для государства вы были друг другу никто, и вас это устраивало.

Шон перевёл курсор с «жены» на «партнёра» и обратно.

— Значит, и развода не было.

— Расторгать было нечего.

Вкладка с мемориальной страницей снова вышла вперёд. Под двумя пальцами Шона на тачпаде фотография поползла навстречу, лицо Нэнси выросло на весь экран и распалось на цветные квадраты. Рука осталась рукой, маленькой, в его ладони.

— Я помню, как она выскользнула. Вот это. — Глаз от экрана он не отводит. — Больше ничего. Остальное собираю по чужим архивам.

Пауль опустил на стул.

— Почему я их не помню?

— После того как Нэнси не стало, ты...

— Нет.

Голос у Шона и в обычный день заполняет комнату. Сейчас он ударил в стены, и Пауль осёкся на полуслове.

— Не что со мной было, — сказал Шон тише. — Что вы сделали.

— Чарли нашла человека.

— Какого человека?

— Он сказал, что может попробовать. Не стереть, нет. Сделать так, чтобы до части воспоминаний было трудно дотянуться. Обещать ничего не обещал.

Шон смотрит на него поверх экрана, и в чёрной кромке вокруг фотографии отражаются его плечи.

— И вы согласились.

— Я был против.

— Я не об этом спросил.

— Потом согласился.

Шон встал так резко, что кресло на колёсиках откатилось и ударилось в стеллаж. С полки съехала стопка папок и легла набок.

— Ты знал. Про Нэнси, про Чарли. И знал, что я не знаю.

— Знал.

У окна Шон упёрся взглядом в штору. За ней стоит утро, которое дом ещё не пустил внутрь, и по краю ткани уже проступает бледная полоска.

— Пятнадцать лет.

— Да.

Шон обернулся.

— Ты сидел у меня на кухне. Ездил со мной к клиентам. Орал на меня, когда я лез в каждый проект сам. — Голос пошёл вниз и сел. — И всё это время знал, что у меня была дочь.

— Знал.

— А я нет.

На кухне по утреннему расписанию проснулась кофемашина. Сухой треск помола, шипение, потом запах, который дотянулся до кабинета через коридор. Ступня Пауля в носке упёрлась в пол, плечо подалось к двери. На этот звук он каждое утро в этом доме поднимался первым. Он остался сидеть.

Шон вернулся к столу, но не к креслу. Он упёрся ладонями в столешницу, и ноутбук с Нэнси оказался между ними, лицом к Паулю.

— Вы решили, какую часть моей жизни мне можно знать.

— Да.

— Кто вам дал на это право?

— Никто.

Ответ лёг сразу, без запинки, гладкий, как камень, который годами носили в кармане.

— Ты тогда был...

— Не надо. — Шон сильнее налёг на ладони. — Сейчас ты расскажешь, как мне было плохо, и выйдет, что вы были правы.

— Правы мы не были. Причина у нас была. Права не было.

Пальцы Шона на столешнице подобрались и снова легли плоско.

— Причина, — повторил он, будто пробовал слово на вес. — Ладно. Причину я выслушаю. Потом.

Одна его рука оторвалась от стола, и палец повис над двумя датами под фотографией, в сантиметре от стекла.

— Чья это была идея? Её?

— Её.

— Значит, это она...

— Нет.

В голосе Пауля впервые прорезалось что-то жёсткое, старое, из тех лет, когда весь его завод держался на нём одном.

— Она нашла этого человека и пришла с этим ко мне. Я сказал, что это не наше решение. Спорил с ней. Потом согласился. Не вешай всё на Чарли только потому, что её здесь нет, а я есть.

Над окном тихо загудел мотор, и шторы поползли вверх, как каждое утро. Дом начинает день, ни о чём не спрашивая. Серый уличный свет лёг на стол, на руки Шона, на экран, фотография побледнела, и Нэнси тонет в отсвете. Шон развернул ноутбук от окна, пока её лицо снова не проступило.

— Ты был там? Когда это делали?

— Был.

— Значит, участвовал. А потом молчал. Пятнадцать лет.

Теперь свет падает на Пауля целиком. На мятую рубашку, на тяжёлые руки, сцепленные между колен в тугой замок, и видно, как мелко подрагивает в нём большой палец.

— Да.

Шон отнял руки от стола. На светлом дереве остались два влажных отпечатка ладоней, и они медленно тают.

— Ты собирался мне сказать?

— Собирался. Не раз.

— И что?

— Ты выкарабкался. Работал, построил компанию, собрал вокруг себя людей. Перестал разваливаться у меня на глазах. И каждый раз я говорил себе, что не сегодня.

Из горла у Шона вышел короткий сухой звук, похожий на смех, только без воздуха.

— Сначала вы вдвоём решили, что мне нельзя помнить. Потом ты один решил, что мне лучше не знать.

— Да.

— Опять за меня.

— Да.

Каждое его «да» ложится поверх предыдущего, кирпич на кирпич, без единого оправдания в швах, и зацепиться Шону не за что.

— Ты пятнадцать лет вбивал мне, что нельзя строить систему, которая держится на одном человеке.

Пауль разглядывает сцепленные руки.

— И сам стал этим человеком, — сказал он. — Всё лежало у меня одного. Я знаю, как это называется. Сам тебя учил.

Шон потянулся сдвинуть ноутбук в сторону и на краю увеличенного кадра снова увидел маленькую ладонь в своей.

— Она тебя знала?

— Я был ей дедом.

Ладонь Шона соскользнула со столешницы и задела крышку ноутбука. Экран качнулся, фотография дёрнулась вместе с ним. Шон поймал крышку двумя пальцами и держал, пока она не перестала дрожать.

— Ты был ей дедом, — сказал он, не поднимая головы. — Ты её знал. Ты с ней разговаривал.

— Да.

— И за пятнадцать лет ни разу не сказал при мне её имени.

— Ни разу.

Шон выпрямился.

— Чего ты от меня хочешь? Чтобы я понял? Простил?

— Нет.

— Тогда чего?

Руки Пауля расцепились и легли на колени ладонями вниз.

— Отвечать. На всё, что спросишь. Если захочешь знать всё.

— Я пятнадцать лет хочу того, о чём даже не знаю.

Последнее слово сломалось, ушло в хрип. Шон дождался следующего вдоха и заговорил ниже, ровнее, раскладывая каждое слово отдельно.

— Поэтому теперь ты ничего не решаешь за меня. Ни с чего начать, ни сколько сказать, ни что мне полезно слышать. С самого начала. Без короткой версии. И без той, где вы выглядите лучше.

— Такой у меня нет.

Кресло так и стоит у стеллажа, куда его отбросило. Колёсики протарахтели по полу за рукой Шона, и сиденье развернулось не к ноутбуку, а к Паулю. Шон сел так близко, что колени почти сошлись. Экран за его плечом мигнул и потускнел от бездействия. Шон не обернулся, и Нэнси погасла вместе с экраном.

Солнце уже поднялось над крышами напротив, и в кабинете по-утреннему светло.

— Начинай.

Пауль посмотрел ему в лицо.

— Чарли сказала мне, что ты убьёшь себя. Я ей не поверил. Потом увидел тебя. И поверил.

Глава 7

Пауль открыл своим ключом. Квартира с утра стоит закупоренная, и августовская духота встретила его уже в прихожей вместе с запахом подсохшего хлеба.

Чарли сидит в коридоре на полу, спиной к стене, напротив двери в спальню. Ноги вытянуты поперёк прохода, и Паулю пришлось через них переступить. Между ней и дверью стоит поднос. Суп в тарелке затянулся плёнкой, у ломтя хлеба загнулся край.

Пакет из кулинарии зашуршал и осел у стены. Пауль поднял с подноса стакан. Вода согрелась до комнатной, и изнутри по стенкам сидят мелкие пузырьки.

— Когда он ел?

— Позавчера. Полтарелки.

Чарли не подняла головы. Большой палец поворачивает кольцо на безымянном, и кожа под ним натёрта до красного.

Стакан звякнул о поднос. Пауль стукнул в дверь согнутым пальцем, и крашеное дерево отозвалось глухо.

— Шон. Это я.

Чарли подняла ладонь, не глядя на отца, и он замер с рукой у двери. Она слушает, наклонив голову к самому косяку. За дверью что-то тяжело сдвинулось, будто большое тело перекачилось по матрасу к стене, и снова стало тихо. Только тогда ладонь Чарли опустилась, и плечи у неё отпустило.

— Ночью выходил на кухню, — сказала она. — Я слышала кран. Пока встала, он уже повернул ключ.

Пауль протянул ей руку. Чарли повисла на ней, другой ладонью ведя по стене, пока затёкшие колени не разогнулись.

— Врач?

— После больницы приезжал. Психиатр был два раза. Вчера Шон ему не открыл. Тот постоял вот здесь, где ты сейчас, оставил визитку и уехал.

Пауль отступил с этого места на полшага.

— Что он тебе сказал?

— Не оставлять одного. Если заговорит, что хочет умереть, если попробует уйти или совсем перестанет отвечать, звонить сразу. Не ждать.

Визитка торчит уголком из-за рамы зеркала в прихожей, на виду, рядом с телефоном.

— А он отвечает?

— Иногда. И каждый раз, как ответит, мы с тобой решаем подождать до вечера.

— Подождать до вечера не значит бросить.

— Я не говорю, что бросить. Я говорю, что мы это решаем. Каждый день. Только никто не называет это решением.

Ослабленный галстук Пауля поддался одному рывку и, скатанный в рулон, исчез в кармане пиджака, перекинутого через локоть. Ворот рубашки под ним успел промокнуть.

— Ты ему всё-таки позвонила.

— Он будет через десять минут.

— Нет.

Пауль ответил сразу, не дав ей вдохнуть. Чарли наконец посмотрела на него. Веки покраснели по краю и почти не моргают.

— Ты даже не знаешь, что он скажет.

— Знаю, что ты хочешь от него услышать.

— Я хочу услышать, что можно. И чего нельзя.

За дверью опять тихо, и Чарли повернула голову на эту тишину, как на звук.

— Это не наше решение, Чарли. Стирать человеку память нельзя, и для этого мне никто не нужен.

— Я не говорила «стирать».

— А как это называется?

— Не знаю. Пусть он и назовёт.

Поднос качнулся в руках Пауля, ложка съехала к борту тарелки. На кухне суп вместе с плёнкой тяжело шлёпнулся в раковину, и тарелка осталась лежать там же.

— Два месяца ждали, — сказал он с порога кухни. — Почему сегодня?

Пальцы Чарли опять нашли кольцо.

— Потому что вчера он не открыл врачу. Сегодня не открыл тебе. — Чарли сглотнула. — Я одну уже похоронила, пап.

Звонок в прихожей ударил так резко, что она вздрогнула всем телом. Но к двери пошла сразу.

На площадке стоит мужчина в чёрном костюме, слишком плотном для августа, и держит шляпу в опущенной руке. Короткие волосы на висках уже тронула первая седина. Через порог он не шагнул. Сначала он посмотрел на Чарли, потом мимо неё, в глубину коридора, на закрытую дверь. Туда он смотрит дольше, чем на людей.

— Билл Вальц.

Чарли отступила, пропуская его.

— Пауль Чарльз.

Ладонь у Вальца оказалась сухой, несмотря на костюм. Пауль сжал её крепче, чем требовалось. Вальц не ответил на нажим и руки не отнял.

В гостиной кресло первым делом проехало ножками по полу и развернулось к коридору, к двери спальни, и только тогда Чарли в него села. Вальц опустился на край дивана после неё, шляпа легла рядом на подушку. Пауль остался у окна, и пальцы сами нашли шпингалет.

— Не надо, — сказала Чарли. — Я тогда его не услышу.

Он убрал руку.

— Пока вы не решили, — сказал Вальц, — я уберу одно ожидание. Вырезать из памяти кусок я не умею. И не знаю никого, кто умеет.

— Тогда зачем вы здесь?

— Иногда можно сделать так, что человек реже попадает в одно и то же место. Если укрепить другую дорогу, внимание может пойти по ней. Бывает, это держится. Бывает, к вечеру всё возвращается.

Пауль отвернулся от окна.

— Выборочно?

— Не знаю.

— Надолго?

— Не знаю.

Чарли подалась вперёд в кресле, но смолчала.

— У него была тяжёлая травма головы. Вам это помогает или мешает?

— Делает всё менее предсказуемым. Не больше. И это не вместо врачей. Если станет опасно, звоните в скорую, а не мне. Если ему нужен психиатр, я его не заменяю.

— Но шанс есть, — сказала Чарли.

— Шанс на что?

Чарли не ответила.

— На то, что какое-то время он будет иначе подходить к части воспоминаний, — сказал Вальц. — Возможно. На то, что я уберу у него из головы дочь и вас, а всё остальное оставлю как было, нет.

Пауль отошёл от окна и сел напротив, близко. Локти упёрлись в колени, и лицо Вальца оказалось на расстоянии вытянутой руки.

— Что вы скажете Шону?

— Правду о том, на что он может согласиться сегодня. Короткая сессия, минут двадцать. Снять напряжение, увести мысли с одного круга. Если повезёт, уснёт. Остановить меня он может в любую секунду.

— А про остальное?

Вальц перевёл взгляд на Чарли. Ответила она.

— Он не согласится нас забыть.

— Значит, на двадцать минут он согласится, — сказал Пауль, — а про остальное его никто не спросит.

— Да, — сказал Вальц. — Согласие отдохнуть не даёт мне права делать так, чтобы ему стало труднее помнить семью. Если вы пойдёте дальше, вы пойдёте без его согласия. Я хочу, чтобы это прозвучало сейчас, а не потом.

— Я понимаю, — сказала Чарли.

Пауль повернулся к дочери всем телом.

— Ты сама взяла с него слово, что он никогда не будет решать за тебя, что тебе знать.

— Взяла. — Она не отвела глаз. — Думаешь, я забыла? Я сижу под этой дверью и только об этом и думаю.

Из спальни донёсся кашель, глухой, сорванный, долгий. Чарли оказалась на ногах прежде, чем он кончился. Пауль только повернул голову. Вальц смотрел не на дверь, а на Чарли. Кашель стих. Она постояла и села обратно, на самый край.

— Я не могу доказать тебе, что он что-то с собой сделает, — сказала она. — Ни сегодня, ни завтра. Я вижу, как он уходит из этой квартиры комната за комнатой. В июне ещё сидел на балконе. В июле перестал заходить на кухню, пока там я. Теперь у него одна комната и ключ. Я выбираю между тем, что мы с ним сделаем, и тем, что он может сделать с собой. Третьего я не вижу.

— Если получится, — сказал Пауль, — когда ты ему скажешь?

— Не знаю. Сначала пусть будет кому говорить.

— Ошибиться мы можем в обе стороны. Одну ошибку потом можно будет попробовать исправить. Другую нет. — Он помолчал. — Правыми нас это не сделает.

Он повернулся к Вальцу.

— Скажет вам уйти, вы уходите.

— Сразу.

— Станет хуже, вы останавливаетесь. Не я, не она. Вы сами.

— Да.

За стеной у соседей пустили воду, и в трубах коротко загудело. Чарли метнулась взглядом к спальне. Гул ушёл вниз по стояку, к чужим этажам, и она обмякла.

— Никакой другой жизни вместо этой, — сказал Пауль. — Ничего, чего с ним не было.

— Только то, что у него есть.

— И сегодняшнее его «да» вы не назовёте согласием на остальное. Ни ему, ни нам.

— Не назову.

Пауль встал. Колени хрустнули, и он переждал, пока отпустит. Из гостиной видна дверь спальни, и он смотрел на неё, когда заговорил снова.

— Если мы это сделаем, это будет и моё решение. Не её одной.

Чарли закрыла глаза.

— Я буду в комнате, — сказал Пауль Вальцу.

— Лучше у двери. Пусть видит, что выход открыт.

На этот раз Пауль не стучал.

— Шон. Открой на минуту. Я привёл человека. Он ничего тебе не обещает. Скажешь ему уйти, он уйдёт.

За дверью долго молчали. Потом прошлёпали босые шаги, и ключ повернулся изнутри. Дверь открылась наполовину. Шон остался за ней и ручку не отпустил.

Он по-прежнему занимает собой весь проём, плечами почти от косяка до косяка. Только футболку эти плечи теперь держат, как вешалка. Ткань, которая весной тянулась на груди, висит складкой, и в вырезе остро выступают ключицы. Щетина отросла в неровную бороду. Из комнаты пахнуло застоявшимся воздухом и несвежим бельём. Взгляд скользнул по Вальцу и вернулся к Паулю.

— Кто?

Даже осипший, голос низкий, только веса в нём нет.

— Билл Вальц. — Вальц не сдвинулся с места. — Меня позвала Чарли. Она говорит, вы почти не спите и всё время возвращаетесь к одному и тому же.

Шон нашёл глазами Чарли в конце коридора. Она не подошла.

— И что вы с этим делаете?

— Могу попробовать помочь вам минут двадцать подержать голову в другом месте. Может быть, уснёте. Может быть, не выйдет.

— Гипноз.

— Да.

Шон перехватил ручку, и Пауль увидел его руки. Такие же большие, только костяшки выступают острее.

— В голове копать будете?

— Буду спрашивать. Смотреть, куда у вас уходит внимание. Вынуть оттуда я ничего не могу. Не хотите, я уйду сейчас же.

Пауль слышит за спиной частое дыхание Чарли. Оно оборвалось.

— Ты ему веришь? — спросил Шон.

— Нет. Но он пока не пообещал тебе ничего, чего не может.

— Утешил.

В углу рта у Шона мелькнуло что-то прежнее и пропало. Пальцы на ручке разжались.

— Двадцать минут.

— Можно и меньше, — сказал Вальц. — Скажете, и закончим.

Шон отступил вглубь и оставил дверь открытой.

Вальц вошёл первым. Пауль встал на пороге, привалившись плечом к косяку. Чарли осталась в конце коридора, там, откуда Шон не мог её видеть.

В спальне сумрачно от задёрнутых штор. Воздух стоит такой, что окно здесь, похоже, не открывали неделю. Одна половина кровати смята к стене, простыня скрутилась жгутом. Другая, ближняя к двери, почти гладкая, и на тумбочке с той стороны корешком вверх лежит раскрытая книга Чарли.

Стул от письменного стола переехал в руках Вальца не к изножью, а сбоку от кровати, туда, откуда Шону не придётся смотреть ему в лицо. Вальц сел, ладони легли на колени и больше не двигались.

— Глаза можно не закрывать.

Шон опустил на край матраса, на своей половине.

— Где вы сейчас?

— Дома.

— В какой комнате?

— В спальне.

Вальц спрашивает негромко и после каждого ответа ждёт, пока слово уляжется.

— Кто здесь, кроме вас?

Шон посмотрел на дверь.

— Вы. Пауль.

Пауль не обернулся. За спиной, в коридоре, по обоям коротко прошуршала ладонь и замерла. Вальц не стал поправлять.

— Пол под ногами чувствуете?

Шон пошевелил пальцами босых ног на ковре.

— Тёплый.

— Хорошо. Захотите закончить, скажите. — Вальц подождал, пока пальцы на ковре успокоятся. — Теперь возьмите что-нибудь с работы. До весны. Одну задачу, которую вы довели до конца.

— Зачем?

— Посмотреть, сможете ли вы пройти одну дорожку до конца и никуда не свернуть.

Шон провёл ладонями по джинсам, от колен к бёдрам, и оставил их там.

— Упаковочный цех, — сказал он. — Клиент ставил людей в конец линии, туда, где копились коробки. Добавлял и добавлял.

— Что вы сделали?

— Пошёл посмотреть, где начинается. Начиналось у термоусадки. Одна машина на две линии.

Голос выровнялся и опустился, в нём проступила прежняя тяжесть. Этот цех Пауль помнит. Горячий воздух от туннеля и Шона, который полчаса простоял у машины молча и только смотрел.

— Кто был с вами? — спросил Вальц.

— Пауль.

Шон сказал это, не глядя на дверь.

— Что он делал?

— Мешал. — Шон чуть повёл плечом. — Заставлял объяснять, почему я прав. Три раза подряд. Потом сказал, что начальник цеха такой отчёт читать не станет.

— И?

— Отчёт забрала Чарли.

Пауль невольно оглянулся. Чарли стоит, прижав руку с кольцом к груди.

— Что она сделала?

— Вычеркнула полстраницы. Сказала, у человека на линии нет времени переводить меня на человеческий. — Шон замолчал. Пальцы на бёдрах впились в джинсы. — Она тогда уже носила Нэнси. Живот упирался в край стола, и она писала боком.

Пауль оторвал плечо от косяка.

Вальц заговорил мягче, но не быстрее.

— Вернёмся раньше. До отчёта. Вы в цеху, у машины. Что вы слышите?

— Шипит. — Шон помедлил. — Плёнка трещит, когда садится на коробку.

Правая рука поднялась сама, и подушечки пальцев пошли по воздуху вдоль невидимого шва, туда и обратно, приглаживая плёнку, которой здесь нет.

— Пауль рядом?

— Рядом. Молчит.

— Что вы ему говорите?

— Что чинят не там.

Рука так и осталась на весу.

— Хорошо, — сказал Вальц. — Побудьте там.

Большой палец Шона медленно прошёл по основанию указательного, по мягкому месту у ладони.

— Потом она держалась вот здесь.

Вальц перестал спрашивать. Шон смотрит на ладонь. Пальцы правой руки сомкнулись. В кулаке ничего нет.

— Шон, — сказал Вальц. — Посмотрите на меня.

Шон не поднял головы.

— Мы заканчиваем.

— Если бы я держал...

— Шон. Сегодня восьмое августа. Вы дома, в спальне.

Дыхание у Шона сбилось и пошло рывками сквозь зубы. Пауль шагнул в комнату. Вальц, не оборачиваясь, поднял ладонь, и Пауль остановился посреди шага.

— Ноги на полу, Шон.

— Она выскользнула.

Кулак разжался и тут же сжался снова.

— Я слышу. Смотрите на пол.

— Машина...

— Здесь нет машины. Здесь ковёр и кровать.

Кулак ещё держит пустоту. Потом Шон моргнул, и ещё раз. Пятки упёрлись в пол и сбили ковёр складкой. Взгляд прошёл по комнате и остановился на Вальце.

— Всё, — сказал Вальц. — На сегодня всё.

Шон провёл ладонью по лицу, сверху вниз, и ладонь осталась мокрой.

— Ничего вы не сделали.

— Сделал достаточно, чтобы остановиться.

— Я её всё равно вижу.

— Знаю. Поэтому дальше сегодня не пойдём.

Шон закрыл глаза.

— Воды.

Пауль вышел, не дожидаясь второй просьбы. На кухне он открыл кран и держал пальцы под струёй, пока вода из тёплой не стала холодной. Стакан Шон принял обеими руками. Половина ушла за несколько глотков, тяжело, с остановками, а остаток он держит в ладонях и не отдаёт.

Вальц вышел первым. Чарли отступила к стене, пропуская его. Смотрит она ему в лицо, а не в комнату. Пауль притворил дверь спальни, оставив щель в ладонь.

— Ну? — спросила Чарли.

Вальц ответил только в гостиной, встав так, чтобы видеть щель в двери.

— Он смог уйти в работу. И несколько минут я его там удерживал.

— Значит, получается.

— Значит, иногда направление сдвигается. Больше я пока ничего не знаю.

Пауль сел на диван.

— Семья никуда не делась.

— Никуда.

— Вы увели его в цех, а он оттуда вернулся к ним.

— Дважды. Разными дорогами.

Чарли сидит лицом к щели в двери спальни.

— Через меня, — сказала она.

— Через вас. Потом через его же руку. — Вальц помолчал. — С семьёй у него связано почти всё.

— А если продолжать?

— Можно чаще укреплять дороги, где семьи нет. Работу. То, что было рядом с семьёй, но не про неё. И не заходить туда, куда мы сегодня зашли. Возможно, к части воспоминаний ему станет труднее добираться. Насколько и надолго, не знаю.

Из спальни коротко звякнуло стекло о дерево. Шон поставил стакан на тумбочку.

— И он их забудет? — спросила Чарли.

— Нет, — сказал Пауль раньше Вальца и повернулся к нему. — Правильно?

— Правильно. Они останутся. Попасть к ним станет труднее. Если вообще что-то получится.

Чарли подтянула ноги в кресло и обхватила колени.

— Что их возвращает?

— Всё, что с ними слишком тесно связано. Место. Вещь. Запах. То, что руки делают сами. Человек.

На слове «человек» Чарли накрыла левую руку правой, и кольцо ушло под пальцы.

— Она, — сказал Пауль.

Вальц повернулся к Чарли.

— Судя по тому, что я сегодня видел, вы для него одна из самых сильных живых зацепок, — сказал он. — Но после одного раза я не скажу «точно».

Из спальни, через щель, донёсся голос, низкий и осипший.

— Чарли?

Пауль не заметил, когда она встала. Она уже у двери, и пальцы лежат на ручке. Кольцо тихо стукнуло о металл.

— Ты здесь? — спросил Шон.

Чарли нажала на ручку. Дверь слегка подалась, щель стала шире, и в ней показался гладкий край кровати, с её стороны.

Кольцо снова коснулось металла. Чарли остановилась.

Ручка медленно поднялась под её ладонью и встала на место.

— Я здесь, — сказала она в щель.

И осталась в коридоре.

Шон сидит на кухне и ест.

Чарли остановилась в дверях и дальше не пошла. Яичница на тарелке наполовину съедена, вилка ходит медленно, с долгими остановками, но ходит. Футболка на нём чистая и висит на плечах свободнее, чем весной. Волосы ещё влажные после душа. В июле он перестал заходить на кухню, если там была она. Чарли стоит в двух шагах. Он сидит, и вилка снова опускается к тарелке.

Пауль сидит напротив, с телефоном у самых глаз, и делает вид, что читает.

— Пауль, — сказал Шон, не поднимая головы. — Среда же. Тебе на завод не надо?

— Надо.

— А сидишь.

— Там есть люди. Им за это платят.

Вилка остановилась. Шон смотрит на Пауля, и в лице у него проступает что-то медленное, узнающее.

— Это ты мне говорил. Когда я лез во всё сам.

— Говорил.

— Хоть что-то, значит, запомнил.

Пауль опустил телефон на стол экраном вниз. Пальцы остались лежать на корпусе.

Шон повернулся за солонкой и только тогда увидел Чарли в дверях. Рука с солонкой замерла на полпути.

— Чарли.

Она держится за косяк. Под пальцами краска облупилась, ещё прошлой зимой.

— Привет, — сказала она.

Шон смотрит на неё, и видно, как он подбирает её по частям, неторопливо, как подбирают нужный ключ на большой связке.

— Ты мне когда-то отчёты правила, — сказал он. — Для того цеха, у упаковщиков. Полстраницы вычеркнула.

— Вычеркнула.

— Правильно сделала. Их там никто бы не дочитал.

Он посолил яичницу. Чарли знает, что было дальше в том отчёте и за тем столом. Она писала тогда боком, потому что живот упирался в край. Шон отложил солонку и снова взялся за вилку. До живота и края стола он так и не дошёл.

Ладонь сама легла Чарли на живот, плоский почти три года. Чарли убрала её и сунула в карман.

— И спасибо, — сказал Шон. — Что ты тут эти дни. Пауль один бы со мной не справился.

— Не за что.

Шон вернулся к еде, будто разговор закончился правильно и вовремя. Пауль разглядывает пальцы на телефоне.

Чарли ушла в гостиную.

Дорожная сумка лежит раскрытой на диване. Рядом стоит картонный короб из-под принтера. На дне короба уже лежат два фотоальбома. Третий Чарли сняла с полки и положила сверху, не открывая, ладонью на обложку, как кладут ладонь на голову.

На кухне полилась вода. Шон моет тарелку, сам, долго, как будто вспоминает, как это делается. Потом открылась дверца шкафа.

Чарли выглянула из гостиной.

Шон присел у нижнего шкафчика. Вытирать тарелку он не стал, мокрая так и осталась в одной руке. Другая уже ушла в глубину, вправо, где за кастрюлями стоит большая миска. И по дороге сделала то, что делала сотни раз. Двумя пальцами подцепила маленькую жёлтую миску, стоявшую с краю, и отставила, чтобы не мешала.

Рука остановилась. Маленькая миска осталась у Шона в пальцах.

Он вынул её на свет. Пластик выгорел, край с одной стороны отбит, а на дне нарисован улыбающийся месяц, почти до конца стёртый ложкой.

Пауль поднялся из-за стола.

Шон смотрит в миску, на месяц.

— Нэнси, — сказал он тихо.

Чарли перестала дышать. Шон поднял голову. Лицо растерянное и сосредоточенное сразу, как у человека, который прочитал слово на чужом языке и не знает, откуда понял его смысл.

— Кто такая Нэнси?

Пауль сделал шаг. Чарли подняла ладонь, и он остался на месте.

— Девочка, — сказала она. — Ты её знал.

— Хорошо знал?

Она сжала пальцы на косяке.

— Очень.

Шон медленно выпрямился. Мокрая тарелка легла на стол. Миску он не отпускает и держит её на ладони, как держат что-то горячее, ещё не решив, можно ли так.

— Она всегда стояла с краю, — сказал он. — Я её отодвигал, когда доставал большую. Каждый раз.

Голос сел. Свободной рукой Шон упёрся в столешницу, и под ладонью хрустнула рассыпанная соль.

— Больше ничего нет. Только это.

Чарли ждёт. Пауль ждёт. Холодильник за спиной у Шона включился и загудел.

— Ты знаешь, кто она, — сказал Шон.

— Знаю.

— Скажешь?

— Не сегодня.

Шон долго смотрит на неё. Потом поставил миску на стол, доньшком вниз, месяцем к потолку, и разжал пальцы.

— Ладно, — сказал он. — Пойду оденусь.

Мимо Чарли он прошёл осторожно, боком, как проходят мимо гости, чтобы не задеть.

Когда дверь спальни закрылась, Чарли взяла с крючка у раковины кухонное полотенце. Миску она завернула плотно, в два слоя, как заворачивают в дорогу что-то бьющееся, хотя пластику ничего не будет.

Пауль стоит у стола.

— Может, это случайность, — сказал он.

— Знаем достаточно.

— Одна миска.

— Он её не искал. Рука нашла сама. И имя он сказал сам, папа. Я ему ничего не говорила.

Свёрток лёг в короб поверх альбомов.

— Значит, уберём всё, что можно убрать, — сказал Пауль. — Это не значит, что тебе надо ехать сегодня.

— А когда?

— Через неделю. Хотя бы до выходных. Посмотрим, как он.

— Посмотрим что? — Чарли выпрямилась над коробом. — Вспомнит он меня или нет?

Пауль смотрит на свёрток в коробе.

— Вот этим я и буду здесь заниматься, — сказала она. — Каждое утро. Смотреть, как он берёт солонку. Как здоровается. Посмотрит на меня или мимо. И каждое утро это будет для меня, не для него.

Она пошла по квартире.

На холодильнике под магнитами висят три рисунка, все жёлтым мелком, все почти одинаковые. Солнце, похожее на паука, и что-то большое под ним, с двумя палками вместо ног. Чарли сняла их по одному. Магниты вернулись на место пустыми. Список покупок, написанный её рукой, остался висеть. Молоко, хлеб, батарейки.

На полке в гостиной стояла рамка, которую с дивана было видно лучше всего. Когда рамка ушла в короб, на её месте осталась полоска чистого дерева, светлее соседней пыли.

В ванной Чарли забрала расчёску, флакон духов, зубную щётку и детскую резинку с пластмассовой божьей коровкой, которая всё лето пролежала в стакане со щётками. В стакане осталась одна щётка.

В прихожей на вешалке два крючка. Верхний, обычный, и нижний, который Шон прибил на детской высоте, когда Нэнси начала сама снимать курточку. Чарли сняла с верхнего лёгкую куртку, а с нижнего маленький жёлтый дождевик. Нижний крючок остался торчать из стены пустым. Его Чарли не тронула. Это стена, а не вещь.

Дверь в спальню снова приоткрыта. Шон стоит у шкафа спиной к двери и застёгивает рубашку. Пуговицы идут туго, пальцы ещё не очень слушаются.

Её половина кровати так и лежит гладкой. На тумбочке с её стороны лежит раскрытая книга, корешком вверх, как Чарли оставила её в последний вечер перед аварией.

— Можно? — спросила Чарли с порога. — Я за книгой.

Шон обернулся. Взгляд прошёл по тумбочке, по книге.

— Твоя? Бери, конечно.

Книгу он подал ей сам, через кровать, и палец остался между страниц, на её месте, чтобы не потерялось. Чарли взяла. Корешок тёплый там, где он держал.

— Красивое, — сказал Шон.

Он смотрит на её руку. На кольцо.

— Спасибо.

— Подарок?

Чарли держит книгу обеими руками, и кольцо на безымянном прямо у него перед глазами.

— Да, — сказала она. — Подарок.

Шон улыбнулся ей вежливо, как улыбаются хорошей новости знакомых, и вернулся к пуговицам.

В коридоре Чарли прислонилась к стене, рядом с местом, где два дня назад сидела на полу и слушала, дышит ли он за дверью. Кольцо шло с пальца туго, по натёртому до красного. Она сняла его и зажала в кулаке.

Пауль увидел её кулак из гостиной.

— Не надо, Чарли.

— Я его не выбрасываю.

— Я знаю.

— Пусть он больше не спрашивает, чей это подарок.

Кольцо ушло в маленький карман кошелька, тот, что на молнии. Молния застряла на середине. Чарли дёрнула её дважды, прежде чем та закрылась.

— Можно перевезти его ко мне, — сказал Пауль. — Другие стены. Ничего этого.

— А я останусь здесь и буду ждать, когда мне можно будет ему показаться?

Пауль замолчал.

— Я один раз уже решила за него, — сказала Чарли. — Что ему помнить. Мне за это отвечать. А проверять на нём каждый день, помнит ли он меня, я не буду. Это уже не для него. Это для меня.

Пауль поднял руку, будто хотел взять её за плечо, и опустил.

— Ты говоришь так, словно навсегда.

— Не знаю, навсегда или нет. — Чарли поставила застёгнутую сумку у входной двери. — Сегодня я здесь не ночую.

Из спальни вышел Шон, в рубашке, застёгнутой на все пуговицы, до самого горла, как он никогда не носил. Остановился, увидел сумку у двери и короб на полу.

— Уезжаешь?

— Да.

— Домой?

Пауль отвернулся.

Чарли смотрит на Шона. На нижний пустой крючок у него за спиной, на его руку на косяке спальни.

— Да, — сказала она. — Домой.

— Пауль остаётся?

— Остаётся.

Шон перевёл взгляд на Пауля, и плечи опустились, совсем чуть-чуть, как опускаются, когда наконец ставят на пол тяжёлое.

— Хорошо. — Он снова посмотрел на Чарли. — Спасибо тебе. Правда. Помочь донести?

— Не надо.

— Короб тяжёлый.

— Я донесу.

Он подождал немного, как ждут, не передумает ли человек, и ушёл на кухню. Там снова полилась вода. Шон домывает сковородку.

Пауль наклонился за коробом.

— Я спущу.

— Оставь.

— Чарли, это пять минут. Спущусь и поднимусь.

— А если он выйдет из кухни, а тебя нет?

Пауль выпрямился с пустыми руками и посмотрел в сторону кухни.

— Он знает тебя без всяких объяснений, — сказала Чарли. — Пусть у него хоть это останется целым.

Она подняла короб сама. Пауль положил ладонь на картонную крышку, сверху, и подержал, но отнимать не стал.

— Позвони мне.

— Позвоню.

— Когда угодно. Ночью.

— Я знаю, пап.

Чарли открыла входную дверь. На площадке пахнет чужим обедом и нагретой пылью. За порогом лежит коврик. Его они выбирали с Шоном вместе, вечером в субботу, в магазине у метро, и спорили из-за цвета. Коврик остаётся здесь.

Она вынесла короб на площадку и опустила на пол, чтобы перехватить ремень сумки.

— Пауль? — донеслось из кухни.

Пауль не сводит глаз с дочери.

— Я здесь.

Дверь закрылась изнутри. Щёлкнул замок.

Чарли подняла короб и пошла к лифту. Свободной рукой она нажала кнопку всей ладонью, раскрытой, будто кнопка могла увернуться. Кнопка вспыхнула.

Где-то внизу тронулся лифт и пошёл к ней.

Глава 8

Пауль договорил и замолчал.

Солнце, которое утром едва показалось над крышами напротив, успело пройти через весь кабинет. Полоса света сползла со стола на пол и лежит у их ног, на носках Пауля. Кресла стоят так же, как Шон их поставил, почти колено к колену. Экран за его плечом погас давно.

Шон сидит, положив руки на колени. Только большой палец временами проходит по костяшкам другой руки, одну за другой, по широком, когда-то сбитым и так и не выровнявшимся.

Пауль разглядывает ладони. Рубашка на нём всё та же, вчерашняя, и пуговица по-прежнему застёгнута не в ту петлю.

Шон встал и вышел на кухню.

Чашка, которую машина сварила утром по расписанию, так и стоит на подставке. Кофе в ней остыл и подёрнулся матовой плёнкой. Раковина приняла его целиком. Шон открыл холодную воду и держит под ней запястья, пока холод не дошёл до локтей.

В кабинет он вернулся с мокрыми руками и сел.

— Если бы это была Чарли, — сказал он.

Пауль поднял голову.

— Что?

— Не я. Она. Не ест, не спит, сидит за запертой дверью. И ты знаешь, что однажды утром эта дверь не откроется совсем.

Пауль ждёт. Ладони неподвижны.

— А к тебе приходит человек и говорит, что может попробовать. Ничего не обещает. И делать будет без её согласия, потому что она не согласится.

— Сделал бы я?

— Да.

Пауль долго молчит. Под окном проехала машина, и по потолку прошёл и пропал солнечный блик от её стекла.

— Не знаю, — сказал он.

Ладони медленно сошлись в замок.

— Нет. Знаю. Сделал бы.

Палец Шона остановился на одной костяшке.

— Даже сейчас. Зная, чем кончилось.

— Тем более сейчас. Я знаю, чего это стоит, и всё равно сделал бы. Вот что в этом хуже всего.

— Правыми вас это не делает.

— Не делает.

Пауль потёр большим пальцем ладонь, как стирают с неё что-то налипшее.

— Всю жизнь я знал про себя, чего не сделаю никогда. Оказалось, моё «никогда» держится, пока не страшно.

Шон отвёл взгляд к погасшему экрану. В чёрном стекле сидят двое, маленькие, тёмные, колено к колену.

— А я?

— Что ты?

— Если бы она. Я бы стоял под дверью и ждал, пока она решит сама?

Брови у Пауля медленно сошлись к переносице.

— Ты меня спрашиваешь?

— Тебя. Ты меня знаешь дольше всех.

— Поэтому и не отвечу.

Шон коротко выдохнул носом, без всякой улыбки.

— Ты всегда даёшь людям решать самим, — сказал Пауль. — До той минуты, пока не решишь, что они не успеют.

— Это оправдание?

— Нет. Ты спросил про себя. Я ответил про тебя.

Шон сцепил пальцы, и костяшки побелели одна за другой, как клавиши.

— Я не могу поручиться, что не сделал бы того же.

Пауль молчит.

— Ненавижу это.

— Знаю.

— И голова всё равно была моя.

— Твоя.

Кадык у Пауля дёрнулся.

— Даже если бы я умер.

Пауль смотрит ему прямо в лицо.

— Даже тогда.

Шон закрыл глаза.

Под веками сразу встали на место те немногие кадры, которые у него есть. Брызги фонтана на нагретом камне. Книга у неё на коленях и смех, внезапный, во весь голос. Рыжая макушка у самого бедра. Белое слева. Ладонка, которая была в руке, а потом её не стало.

Он открыл глаза.

— Я помню фонтан, — сказал Шон. — Как она засмеялась. Помню Нэнси. Вот такую.

Ладонь сама показала высоту, где-то у бедра, и замерла.

— Помню машину. Руку её помню. — Пальцы собрались в пустую горсть. — А между этим ничего.

— Шон...

— Ты сказал, мы сами решили не регистрироваться. Вдвоём. Я знаю это от тебя. Колец не помню. Не помню, как она сказала, что ждёт ребёнка. Как мы привезли Нэнси домой. Ты говоришь, я каждый день отодвигал её жёлтую миску, когда лез за большой. Миски не помню.

Он перечисляет ровно, как сверяют опись с полками склада, и на каждой строке полка оказывается пустой.

— Что-то возвращается, — сказал Пауль.

— Кусками. И каждый кусок я сначала сверяю с твоими словами. Как будто это не память, а показания.

Пауль опустил голову.

Шон встал. Свет с пола ушёл, и его тень накрыла Пауля до пояса.

— Мне нужно побыть одному.

Пауль поднялся тоже, медленно, держась за подлокотник.

— Я могу посидеть в гостевой.

— Нет. Езжай домой.

— Шон.

— Я не запрусь и не пропаду.

Пауль снял со спинки стула пиджак.

— Я не это хотел сказать.

— Это.

— Не только это.

У двери он остановился, с пиджаком на руке.

— Только не садись сразу за работу.

— После того, что ты мне сегодня рассказал?

— Именно после этого.

Шон отвернулся к столу, к тёмному экрану.

— Иди, Пауль.

— Позвони, если...

— Позвоню.

— Я всё равно скажу. Позвони.

Хлопнула входная дверь. За окном завелась машина, постояла и ушла вдоль улицы, всё тише. Через полминуты в пустой прихожей сам погас свет. Датчик больше никого там не видит.

Шон вернулся к столу и тронул тачпад.

Экран проснулся там же, где утром его оставили. Папка «Нэнси». Газетная полоса, мемориальная страница, маленькая фотография внизу. Рыжая девочка смеётся между двумя взрослыми, и её ладошка теряется в его руке.

Он открыл первый файл и прочитал две строки. Дальше буквы стоят на месте, а смысл в них не входит. Курсор сам ушёл к чёрточке в углу окна.

Папка свернулась в полоску внизу экрана.

С утра в загрузках лежат два длинных файла Лазборга, нетронутые. Шон открыл первый.

Десятки страниц. Графики, таблицы, сноски. Почти каждая уверенная фраза кончается оговоркой, как дорога кончается шлагбаумом. Шон дошёл до третьей страницы и вернулся к первой, медленнее. Потом встал.

На стене напротив стола висит маркерная доска. С прошлой недели на ней схема чужого склада, клиентского. Красные стрелки, синие прямоугольники, узкое место у погрузочной рампы обведено дважды. Шон смотрит на неё недолго. Губка прошла по доске широкими полосами, и склад исчез, оставив серый туман и запах растворителя.

Маркер в первой же черте пискнул и сдох. Второй пишет.

Наверху доски встали три слова.

Измерено.

Если продолжится.

Неизвестно.

Под первым словом Шон пишет только то, что повторяется в разных источниках. Он открывает ссылки из сносок одну за другой, рядом с файлом Лазборга, и таблицы в них устроены по-разному, форматы разные, единицы разные, но отклонение в них одно и то же. Началось четвёртого марта. Не исчезло. Видно не одному прибору и не одной группе.

Под этим он подписал ещё одну строку. Люди пока живут по обычным суткам. Будильники, школы, поезда.

Вторая колонка растёт быстрее. Дни и ночи могут растянуться. Воздух и океан, потеряв привычную опору, могут перестроить течения. Вода не обязана оставаться там, где лежит сейчас. Жара и холод могут держаться дольше, чем привыкли поля и стены.

Два источника из тех, что попались по дороге, Шон закрыл почти сразу. В обеих линиях на графике уходила в будущее твёрдым карандашом, с датами, как расписание поездов. У Лазборга рядом с похожей линией стоит маленькое «если». Если тенденция сохранится.

Шон обвёл на доске «Если продолжится» второй раз, жирнее.

Третья колонка короткая и самая тяжёлая. Причина. Кривая. Срок. Остановится ли вообще. Карта будущих берегов.

Возле последней строки он сначала нарисовал берег, привычную изогнутую линию, а потом стёр её ребром ладони. Ладонь посерела. Вместо берега он написал два слова. Масштаб неизвестен.

Солнце перебралось с пола на стену. Полоса света переползла через доску, и на минуту колонки стали жёлтыми, как старая бумага. Шон пьёт воду прямо из бутылки, не отрываясь от второго файла, и ставит бутылку на пол, рядом с креслом, к трём пустым.

Телефон на столе загорелся и погас. Потом ещё раз. Шон перевернул его. Три пропущенных из офиса и одно сообщение, начало видно на экране. «Шон, клиент по складу спрашивает...» Телефон снова лёг экраном вниз.

Вторую половину доски Шон начал с одного слова. Города. Подумал и зачеркнул.

Вместо городов на доске появилась насосная станция, кружок с буквой «Н». От неё стрелка к воде. К электричеству от насосной стрелка пошла в обратную сторону, насосы без тока стоят. Потом больница, и к ней сразу три стрелки, от тока, от воды, от дороги. Потом топливо, еда, запчасти. Люди, которые умеют чинить то, что сломалось, и которых надо как-то довести до поломки.

Кружки множатся, стрелки ложатся одна на другую, и через полчаса доска похожа на карту метро огромного города, в которую кто-то врисовал ещё и все водопроводные трубы. Шон отошёл к окну и смотрит на неё оттуда, сощурившись.

В плотном городе на одной трубе висят тысячи людей, и если она лопнет, времени на ошибку почти нет. Но посёлок в поле без собственной воды, без электричества, без врача и без дороги, по которой привезут детали, может оказаться хуже любого города.

Рядом с маленьким кружком на краю доски он успел написать «безопасно». Потом стёр и это. На освободившемся месте встало другое слово. Автономность.

От «автономности» пришлось вести стрелки к воде, к энергии, к ремонту, к связи, и слово, которое должно было всё упростить, оказалось в центре такого же клубка.

Шон сел на пол, спиной к столу, и пишет на листке на колене, потому что доска кончилась.

Что работает без внешней сети.

Что нельзя быстро заменить.

Где одна поломка валит соседние.

Какой признак скажет, что ждать дальше нельзя.

Под последним вопросом пусто. Рука сама дотянулась до телефона на краю стола и повисла над ним. Звонить пока никому и не с чем. Рука вернулась к листку.

Над окном загудел мотор. Шторы поползли вниз, медленно, сами, как каждый вечер. Дом переводит свет в вечерний режим, лампы под потолком загорелись тёплым, приглушённым, и Шон этого не заметил. Окно за шторой стало чёрным.

Он поднялся с пола. Колени отозвались, как после долгой тренировки. Доска перед ним сплошь в стрелках, и нужных среди них не разобрать.

Шон взял губку и начал убирать. Не потому, что связи неверны. Каждая стрелка на доске правда, но, когда правда всё, ничего не видно. Он оставляет только те узлы, после которых падают остальные. Энергия. Вода. Дорога. Связь. Еда. Врачи. Ремонт.

Потом стёр половину и этих слов. Это не отрасли. Это то, что должно продолжать работать.

На чистом верху доски он написал крупно.

Не где болит. Где рвётся.

Маркер остановился на последней букве.

Фраза знакомая. Не слова, а ход. Так он уже думал однажды, вслух, через стол, и кто-то тогда держал лист, чтобы тот не съезжал.

Шон смотрит на руки. Маркер в правой, левая лежит на краю доски, и костяшки на ней широкие, плоские, сбитые давно, ещё до всего.

Чьи-то тонкие пальцы ложатся на край другого листа. Дешёвая бумага, кухонный стол, его кривые колонки, половина перечёркнута. Ноготь стучит под одной строкой, дважды.

— Вот, — говорит Чарли. — Вот это ты и делаешь.
Доска пропала.

Ноготь Чарли стучит под строкой, дважды.

— Вот, — говорит она. — Вот это ты и делаешь.

Лист вырван из блокнота для покупок. Бумага дешёвая, сероватая, в клетку, и всё норovit уехать по клеёнке, поэтому Чарли придерживает её за край двумя пальцами. Половина строк на листе перечёркнута. Под её ногтем осталась одна, почерком Шона, буквы в ней заваливаются назад, будто упираются.

«Мастер знал в среду».

— Что делаю? — спросил Шон.

— Сидишь над папиной историей. Он рассказал её между мясом и чаем и тут же забыл. А ты третий час.

За окном кухни снег летит мелко и косо, пересекает конус фонарного света и пропадает в темноте. В квартире натоплено до духоты. На батарее под окном сохнут перчатки Шона, и по всей кухне от них тянет мокрой кожей. Бинты висят на спинке соседнего стула, длинные, серые от стирок. Сам Шон держит у скулы пакет замороженной фасоли. Фасоль подтаяла и перекатывается под пальцами, холодная капля ползёт по запястью в рукав.

История у Пауля вышла короткая. В пятницу завод отгрузил партию деталей, в понедельник клиент вернул её целиком. Контролёр брал образцы, как положено, в начале смены. Мастер закрыл заказ, как положено. Склад уложился в срок. Пауль досказал и махнул вилкой. Бывает. Никто ничего не нарушил.

На листе четыре фамилии в столбик. От каждой идёт стрелка, и все стрелки сходятся на одном слове, обведённом дважды. «Вернули».

— Никто не нарушил, а вернули всё, — сказал Шон. — Значит, дыра в самом правиле.

— И ты её нашёл.

— Мастер в среду уже видел, что пресс гуляет. А контролёр брал образцы с утра, пока пресс ещё держал размер. Каждый сделал всё как надо. Просто друг другу ничего не сказали.

Чарли убирает пальцы, и лист сразу съезжает к краю клеёнки.

Она садится напротив, отодвинув стул подальше от края, и раскрывает толстую книгу про беременность, всю в загнутых уголках. Книга ложится ей на живот, как на полку. Из-под обложки Чарли достаёт анкету из клиники, разглаживает её ладонью и берёт ручку.

Вверх ногами Шон читает почти так же быстро, как обычный текст. Фамилия «Чарльз». Дата рождения. Адрес. Фамилия врача. Над следующей строкой ручка на секунду зависла и быстро вывела два слова.

«Не замужем».

Шон положил фасоль на стол. На клеёнке под пакетом тут же натекла лужица.

— Нам надо пожениться.

Ручка остановилась на середине следующей строки.

— Надо, — повторила Чарли.

— Оформить. Как положено.

— А сейчас у нас как не положено?

Шон ткнул пальцем в графу. Костяшка рассажена сегодняшним спаррингом, кожа на ней лопнула и подсохла тёмной коркой.

— Вот так не положено.

Чарли разворачивает анкету к себе и перечитывает два слова, будто их написал кто-то другой.

— Из-за графы?

— Из-за ребёнка. Если со мной что-нибудь случится, ты мне по бумагам никто. И он тоже.

— Или она.

— Или она.

Чарли кладёт ручку поперёк анкеты.

— Отцом ты ему будешь, это пишется отдельно. Больница пишется отдельно. Деньги отдельно. Всё это можно оформить хоть на следующей неделе, и свадьба для этого не нужна.

— Это не одно и то же.

— Нет. Поэтому я и спрашиваю.

Ладони легли на книгу, на живот.

— Ты хочешь на мне жениться? Или хочешь, чтобы в графе стояло правильное слово? Батарея щёлкнула под окном. С перчатки на подоконник упала капля.

Шон набрал воздуха для ответа и выпустил его без слов.

— До сегодняшнего вечера я об этом не думал, — сказал он.

— Знаю.

— Это плохо?

— Это честно. Плохо, если мы поженимся из-за ребёнка, который ещё даже не родился. Пусть он будет виноват в чём-нибудь другом.

Шон катает по столу пакет, и фасоль внутри шуршит, как крупный песок.

— В чём?

— В бессонных ночах. В пелёнках на этой батарее вместо твоих перчаток.

— Так все делают. Ребёнок, значит, свадьба.

— Все это кто?

Шон думает так долго, что пакет под ладонью успевает согреться.

— Люди.

— Эти люди придут к нам ночью менять пелёнки?

— Нет.

— Тогда пусть решают про свои пелёнки.

Шон отодвинул пакет и положил ладонь на стол, рядом с её рукой.

— Я хочу быть с тобой. С тобой и с ним. Или с ней.

— Это я знаю. Без всякой графы.

— Тогда что мы такое?

Книга у Чарли сползла с живота на колени.

— Ты живёшь у меня. Сушишь перчатки на моей батарее. Споришь с моим отцом за моим столом, и он тебе отвечает, а он мало кому отвечает. Сейчас держишь у лица мою фасоль.

— Это не ответ.

— Это семья. Мы её уже выбрали. Сами, без всякой мэрии. Пусть так и остаётся.

Шон перевернул ладонь вверх, и Чарли положила в неё пальцы.

— Без регистрации, — сказал Шон.

— Без.

— Но кольца я хочу.

Чарли разглядывает его руку. Пальцы толстые, костяшки широкие, плоские, и одна заметно шире других, дважды сломанная ещё до неё.

— На такой палец кольцо придётся заказывать у кузнеца.

— Найду ювелира.

— Найди. Я посмотрю.

Чарли снова берёт ручку. Строка «Не замужем» остаётся как есть. На следующей, где спрашивают имя отца ребёнка, Чарли пишет полностью и нажимает так, что буквы проступают на обороте.

«Шон Деккер».

Потом она забрала у него фасоль и сама прижала к скуле, чуть сильнее, чем нужно. Шон зашипел сквозь зубы. Чарли держит пакет и разглядывает его лицо, скулу, разбитую губу, корку на костяшке, долго и внимательно, как читают мелкий шрифт. И молчит.

Через два дня между чашками чая лежит развёрнутая бумажная салфетка с синим штампом мастерской, а на ней два кольца. Шон принёс их в нагрудном кармане куртки и выложил на стол, как выкладывают сдачу. Чай ещё парит. Синяк на скуле успел пожелтеть по краям.

Кольца одинаковые, гладкие, матовые. Одно заметно шире другого.

— Всё-таки кузнец, — сказала Чарли.

— Ювелир. Сказал, мерить надо по костяшке, а не по пальцу. Иначе не налезет.

Чарли подцепила меньшее кольцо ногтем и подбросила на ладони, как монету.

— А мой размер откуда?

— Ниткой. Ты спала.

— Это незаконно.

— Мне можно. Я без государства.

Шон берёт её руку. Кольцо идёт по пальцу легко и садится у основания, ровно там, где лежала нитка. Чарли разводит пальцы, сводит, поворачивает руку к лампе.

— Сидит.

— Ещё можешь передумать.

— Насчёт кольца?

— Насчёт всего.

Чарли опустила руку на стол.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Тогда давай свою.

Широкое кольцо на первой фаланге идёт свободно, потом упирается в костяшку и встаёт. Чарли крутит его, давит большим пальцем, крутит снова. Шон терпит. Кольцо переваливает через бугор рывком и садится на место, плотно, у самого основания.

— Снимать будешь с мылом, — сказала Чарли.

— Не собираюсь.

Она не отпускает его руку. Большой палец лежит на костяшке над кольцом, на свежей розовой коже, затянувшейся после понедельника.

— Сколько раз она ломалась?

— Два. Давно.

За стеной у соседей забубнил телевизор, кто-то прибавил звук и тут же убавил.

— Позавчера ты сказал, что если с тобой что-нибудь случится, я тебе по бумагам никто.

— Сказал.

— Бумаги мы напишем. А с этим что?

Палец легко нажал на костяшку.

— С этим всё нормально. Это синяки.

— В вашем зале есть старик. Седой, в синем свитере, сидит у двери с секундомером.

— Ну.

Старика Шон знает. Тридцать лет на ринге. Секундомер висит на шнурке, и он нажимает на кнопку каждые три минуты, даже когда в зале никто не работает.

— Он со мной знакомится каждый раз, когда я прихожу, — сказала Чарли. — Каждый раз спрашивает, как меня зовут, и каждый раз страшно рад.

Шон крутит кольцо большим пальцем, и оно не поддается.

— Я не хочу, чтобы наш ребёнок знакомился с тобой каждый раз.

Где-то внизу хлопнула дверь подъезда, и по трубам прошла дрожь.

— Раньше это было твоё дело, — говорит Чарли. — В основном твоё. Я всё равно сидела в зале и считала раунды. А через три месяца, если ты выпадешь на неделю, на год или совсем, это будет не только твоя неделя.

— Ты хочешь, чтобы я ушёл из бокса.

— Я этого не сказала.

— Звучит именно так.

Чарли отпустила его руку. Ладони легли ей на живот, обе, и пальцы на нём вдруг дрогнули.

— Толкается, — сказала она тем же голосом. — Тоже слушает. Я сказала, сколько это стоит мне. А что с этим делать, решаешь ты.

— А сама ты чего хочешь?

— Чтобы ты был. Целиком. Каждый вечер, вот на этой кухне. Это я хочу. Это не приказ.

— А если я решу неправильно?

Ладони у Чарли на животе лежат спокойно.

— Тогда это будет твоё неправильно. Не моё.

Шон отвернулся к окну. Снег идёт всё так же, наискось, через фонарь. Кольцо на пальце сидит плотно, и костяшка над ним выпирает ещё сильнее.

Ближе к ночи на полу гостиной лежит развёрнутая газета, страница объявлений о работе. Шон стоит над ней на коленях и обводит. Охрана в ночной клуб, рост от метра восьмидесяти пяти. Инструктор в спортивный клуб. Грузчики на склад, ночная смена. Охрана в банк, опыт приветствуется. Ручка тонет в кулаке, и рамки выходят кривыми.

Чарли лежит на диване, ноги на подлокотнике, книга на животе. Страница та же, что десять минут назад.

Шон дотянулся до телефона и набрал номер клуба. Мужчина на том конце спросил рост, вес и судимость, выслушал и сказал, что выходить можно в пятницу. Имя записал в самом конце, по буквам, с ошибкой.

Шон положил трубку и зачеркнул первое объявление. Потом второе. Над третьим ручка зависла.

— Им всем нужно одно и то же, — говорит Чарли с дивана. — Твои плечи.

— Плечи у меня есть.

— А что ещё он спросил?

— Судимость.

Чарли закрыла книгу на пальце.

— Плечи и чистая биография. Везде тот же ринг, только без канатов.

— Другого я не умею.

Чарли поднимается с дивана в два приёма, сначала садится, потом встаёт. Из книги она вынимает закладку. Тот самый лист в клетку, сложенный вдвое. Лист ложится на газету, поверх объявлений, и закрывает их почти целиком.

— Позавчерашний, — сказала она. — Папа рассказал историю и забыл. Ты три часа искал, где двое не сказали друг другу одного слова. На Рождество он ругал поставщика, и ты спросил, в какой день ещё можно было всё спасти. Про кладовщика, который таскал со склада, ты спросил не кто он, а почему таскать было удобно. А когда папа сказал, что на нём держится весь завод, ты ответил, что тогда это плохой завод. Он тебе это неделю припоминал.

Ноготь снова стучит под той же строкой. «Мастер знал в среду».

— Все ищут, кто виноват, — говорит Чарли. — А ты ищешь место, где одна ошибка перестаёт быть одной.

— Это не работа. Это я просто лезу.

— Я не сказала работа.

— А что?

Шон сидит на пятках над газетой, и колени упираются в её край.

— Привычка, — сказала Чарли. — Может, полезная. Я не знаю. И ты не знаешь.

— Тогда надо проверить. Нужна задача, где ответа не знаешь ни ты, ни я. Настоящая. И человек, который не станет подыгрывать.

— Папа подыгрывать не станет.

Шон ведёт пальцем по стрелкам, от фамилий к слову «Вернули».

— Работу я у него просить не буду.

— А ты и не проси работу.

— Задачу.

Шон сложил газету объявлениями внутрь. Лист в клетку он оставил сверху.

Назавтра Пауль слушает его и подписывает бумаги. Кабинет на втором этаже заводоуправления смотрит окнами во двор, где под снегом стоят штабеля поддонов. Дверь в приёмную открыта. Там трещит факс, выползает лист, секретарь отрывает его, и тут же звонит телефон. Стопка бумаг перед Паулем убывает, ручка ходит по ним ровно и ни разу не сбивается.

Шон договорил. Ручка остановилась.

— Это Чарли придумала?

— Чарли сказала, что я лезу в чужие дела. Придумал я.

— Уже похоже на правду.

— Дай мне одну. Настоящую. Такую, где ты сам не знаешь ответа.

Пауль махнул ручкой на открытую дверь, за которой в приёмной на стульях ждут двое с папками.

— Задачи, где я знаю ответ, я раздаю каждый день. Вон той очереди.

Он выдвинул ящик, перебрал папки и вынул тонкую, с жёлтым ярлыком.

— Письмо от поставщика. Пришло в начале февраля. Предупреждают, что с марта у них другой производитель сырья. Секретарь зарегистрировала, отдала в снабжение, снабжение подшило. Ко мне оно попало вчера.

— Кто нарушил?

— Опять никто. Ко мне идёт всё, где сумма больше пяти тысяч. Тут суммы нет. Тут одни слова.

Шон берёт письмо. Полстраницы сухих фраз, подпись, печать, и в середине одна строка про смену производителя исходного материала, без всяких цифр.

— Пусть всё от поставщиков идёт сразу к тебе.

— Сорок писем в день. Я их буду читать, а это кто подпишет? — Пауль хлопнул ладонью по стопке.

— Тогда пусть секретарь помечает важные.

— Она и пометила. По правилу. Важное у нас то, где сумма.

В приёмной снова звонит телефон. Секретарь отвечает, что Пауль занят, и обещает перезвонить.

— Сколько это стоит, тут неважно, — сказал Шон. — Важно, кому из-за этого придётся у себя что-то менять. Такие письма пусть идут не к тебе, а сразу к нему.

Он вынул из кармана лист в клетку, перевернул и записал на обороте, крупно, буквами с наклоном назад. «Не сумма. Кому менять».

— К кому?

— К тому, кто отвечает за сырьё на линии.

Пауль развернул кресло к окну, ко двору с поддонами.

— А кто у меня отвечает за сырьё на линии?

— Не знаю.

— Я тоже не уверен. Трое скажут, что они. А четвёртый скажет, что никто, и будет ближе всех к правде.

Он повернулся обратно.

— Ладно. Допустим, нашёл. А как я узнаю, что твоё правило работает? Читать все сорок писем, чтобы убедиться, что мне не надо их читать?

Шон переводит взгляд со стопки на письмо в руке, с письма на факс за дверью, который снова тянет из себя бумагу.

— Раз в неделю бери пять писем, которые до тебя не дошли. Наугад. Если среди них найдётся такое же, значит, правило дырявое.

Пауль записал что-то на краю листа, коротко, в два слова. Шону их не видно.

— На бумаге складно, — сказал Пауль. — В следующий четверг в шесть утра будь у проходной.

— Зачем?

— Пересменка. Посмотришь, что стало с этим письмом внизу.

В четверг без десяти шесть в цеху ещё горит ночное освещение, редкое и жёлтое. Гул стоит ровный и густой, его чувствуешь подошвами раньше, чем ушами. Пахнет горячим маслом и железной стружкой. У третьей линии мигает жёлтая лампа. Возле железного столика у колонны ночной мастер, небритый, в расстёгнутой куртке, сдаёт смену дневному. Говорят оба сразу, вполголоса, и каждый смотрит в журнал, а не на другого.

— Стой здесь, — сказал Пауль. — Смотри. Не лезь.

Пресс на третьей линии встал. Оператор, парень в наушниках, хлопнул ладонью по кнопке, подкрутил что-то ключом, и пресс пошёл снова. Через двадцать минут он встал опять. Парень опять хлопнул по кнопке.

Шон считает. За час три остановки, каждая минуты на четыре. Механик всё это время пьёт чай в стеклянной будке у ворот, и Шону видно, как он дует на кружку.

— Пусть зовут механика после первой остановки, — сказал Шон.

Дневной мастер обернулся. Лицо помятое, глаза красные с недосыпа.

— А откуда я в первый раз знаю, что их будет три? Может, одна. Может, мальчишка недотянул.

— А во второй?

— Во второй я уже думаю, как это записать.

Шон подошёл к столику. В журнале за ночь четыре короткие остановки, и записаны они по-разному. «Настройка». «Проверка». «Подрегулировал». Четвёртая без слова, только время и прочерк.

— Почему пишете по-разному?

Мастер ткнул карандашом в стену. Там висит график простоев по сменам, и над ночной сменой красная линия уже подбирается к верхнему краю.

— С меня спрашивают минуты. Как я их назову, никому не интересно. А позову механика, это уже простой, настоящий, его в график.

Шон оглянулся на Пауля. Пауль пьёт кофе из бумажного стаканчика и смотрит на пресс.

— Значит, правило звать раньше не работает, — сказал Шон.

— Почему?

— Потому что за ранний звонок он платит минутами. Позвал механика, получил красную линию.

Мастер перестал листать журнал.

— Сначала надо развести две вещи, — сказал Шон. — Сказать, что пресс барахлит, и отвечать за простой. Пока это одно и то же, все будут тянуть до последнего.

— Это решение? — спросил Пауль.

— Это место, где копать.

Шон снова наклонился над журналом и полистал назад. До понедельника страницы чистые, по одной остановке за смену, не больше.

— Сырьё когда поменяли?

— С понедельника новая партия, — сказал мастер. — А что?

— Не знаю.

Пауль допил кофе и смял стаканчик в кулаке.

— Может, сырьё. Может, нож сточился. Может, парень ночью недотянул. Ты не знаешь.

— Не знаю.

— Хорошо. Запомни, как это.

Во дворе ещё темно. Снег под ногами смёрзся и хрустит, над проходной горит одинокая лампа, и пар от дыхания встаёт перед лицом и сразу уходит в сторону, по ветру. Шон вынул из кармана лист в клетку. На обороте почти всё, что он писал в кабинете, перечёркнуто.

— Жалко? — спросил Пауль.

— Чего?

— Красивый был ответ.

— Немного.

Пауль идёт, засунув руки в карманы пальто.

— Я однажды полгода держался за красивое решение. Полцеха под него переставил. Потом три месяца переставлял обратно. Красивое легко защищать. Его и защищаешь вместо дела.

Шон сложил лист пополам и сунул в карман.

— Значит, получилось?

— Нет. Ты научился задавать вопрос на шаг дальше. Для профессии мало.

— Дашь ещё?

— Дам.

У проходной Пауль остановился и полез за пропуском.

— Сколько? — спросил Шон.

— Пока не надоест кому-нибудь из нас.

— Это учёба?

— Это проверка. И Чарли не рассказывай, что получилось. Ещё не получилось.

В первых числах марта Шон пришёл в зал за час до Дэвида.

Там холодно, отопление включают к девяти. Пахнет канифолью, старым потом и кожей. Старик в синем свитере уже сидит на стуле у двери, секундомер на шнурке. Шон поздоровался. Старик ответил ему вежливо, как незнакомому, и нажал на кнопку.

В раздевалке Шон долго мылит палец над раковиной. Кольцо идёт через костяшку туго, обдирая кожу, и сходит рывком. На пальце остаётся красная вмятина. Кольцо легло во внутренний карман сумки, и молния застегнулась до конца.

Бинт ложится восьмёркой, через запястье, через костяшки, ещё раз через запястье. Мешок принял первый удар с глухим выдохом и ушёл назад на цепи. Шон работает ровно и тяжело, без комбинаций, минут десять, пока футболка под рёбрами не прилипает к телу.

Дэвид появился в дверях с сумкой через плечо и шапкой в руке. На шапке тает снег.

— Ты чего без меня разогреваешься? Совесть замучила?

Шон ударил ещё раз. Мешок качнулся и вернулся к нему.

— Сегодня без спарринга.

— Боишься?

— Нет.

— Тогда скучно.

Шон зубами отодрал липучку и стряхнул перчатку на скамью.

— Я уйду с соревнований.

Сумка у Дэвида съехала с плеча на пол. Шапку он так и держит в руке, и с неё капает.

— С каких?

— Со всех. И тяжёлых спаррингов больше не будет. Мешок и лапы.

— Подожди.

Дэвид обогнул ринг и сел на скамью рядом с перчаткой. Между витками бинта, у основания безымянного пальца, у Шона краснеет вмятина.

— Чарли сказала?

— Нет.

— Пауль?

— Нет.

Дэвид бросил шапку рядом с собой.

— Тогда кто тебя так приложил?

— Никто. Сам посчитал.

— Ты три года жил от турнира до турнира.

— Знаю.

Ринг стоит пустой. Канаты в дальнем углу провисли, как провисали всегда. У стены напротив двое работают на лапах, и тренер негромко считает удары. Старик у двери нажимает на кнопку секундомера.

— И что остаётся? — спросил Дэвид.

— Зал. Мешок. Бег.

— Ты ненавидишь бег.

— Буду ненавидеть чаще.

Дэвид засмеялся.

— А жить на что? В охрану пойдёшь?

— Звонил. Взяли бы.

— И?

— Им нужны плечи. Хочу проверить, нужно ли кому-нибудь остальное.

Шон постучал забинтованным пальцем себе по виску.

— Это у тебя как раз самое битое, — сказал Дэвид.

Шон засмеялся первым, Дэвид следом. Смех у Дэвида кончился раньше.

— Ты уверен?

— В одном уверен. Не хочу, чтобы мой ребёнок каждый раз со мной заново знакомился.

Дэвид оглянулся на старика у двери.

— А в остальном?

— Нет. Поэтому и проверяю.

Шон натянул перчатку и протянул Дэвиду лапы.

— Держи.

— Без спарринга, ты сказал.

— Это лапы.

— Уже жалею, что пришёл.

Дэвид надел лапы и поставил их на уровень груди. Первый удар лёг точно в центр, и хлопок обошёл холодный зал по стенам и вернулся.

На следующий вечер Шон выложил на кухонный стол лист, сложенный вчетверо. Адрес, фамилия, время. Почерк Пауля, крупный, прямой, без всякого наклона.

Чарли читает, сидя боком к столу. Лампа над столом горит вполсилы, одна лампочка в ней перегорела ещё в январе. Чай в её кружке давно остыл.

— Кто это?

— Упаковка. Что у них не так, Пауль не сказал. Сказал только, что меня выслушают.

— И всё?

— Остальное сам.

Шон снял куртку и повесил на спинку стула. Снег на плечах куртки тает и темнеет пятнами.

— И что ты им скажешь, кто ты? — спросила Чарли.

— Что посмотрю, где у них течёт. Время, деньги, ошибки. Найду, откуда течёт. Если смогу, заткну.

— Сантехник.

— Примерно.

Чарли смотрит на его руку. Кольцо снова на месте, и кожа вокруг него ещё красная от мыла.

— Боишься?

— Да.

— Наконец-то.

— Что наконец-то?

Чарли подвинула к нему лист с адресом.

— Неделью ты приходил домой и объяснял мне, как устроен папин завод. А сегодня не знаешь.

Шон сел напротив.

— Завтра узнаю, станет ли за это платить человек, который видит меня первый раз, — сказал он.

— Хорошо, что не я. Я бы заплатила.

— Поэтому и не ты.

Шон положил лист с адресом рядом с ключами. На батарее под окном сохнут бинты после утреннего мешка.

Стеклянная дверь с белыми буквами «Софт Пэкинг» ходит туго, и Шон придерживает её плечом, пока она не встанет на место. В приёмной пахнет клеем и мокрым картоном. Снизу, через пол, идёт ровный стук, будто под ногами работает огромная швейная машинка. Вдоль стены стоят образцы, коробки всех размеров, пустые, с чужими логотипами на боках. С ботинок Шона на резиновый коврик уже натекла серая мартовская каша.

Потолок здесь низкий. Шон стоит, слегка пригнув голову, хотя до плафона ещё остаётся ладонь.

Девушка за стойкой дописала строку в журнал, поставила точку и отъехала на стуле назад, чтобы увидеть его лицо целиком.

— Вы от какой фирмы?

— Ни от какой.

Голос у Шона низкий, и в тесной приёмной даже тихие слова ложатся на стойку тяжело. Девушка подобрала ручку, которую только что положила.

— Тогда к кому?

Шон достал из внутреннего кармана лист, сложенный вчетверо. Сгибы на нём протёрлись и побелели. Адрес, время и фамилия «Ланге», почерком Пауля, крупным и прямым.

— К мистеру Ланге. Меня обещали выслушать.

Девушка сняла трубку внутреннего телефона. Пока идут гудки, она разглядывает лужицы под его ботинками.

— Выслушать не значит ждать, — сказала она, прикрыв трубку ладонью.

— Я знаю.

Мистер Ланге вышел через несколько минут из боковой двери, сухой, седой, в вязаной жилетке, с очками на шнурке. Он оглядывает Шона снизу вверх, как оглядывают высокий штабель, прикидывая, устоит ли.

— Деккер? Чарльз предупредил, что вы задаёте неудобные вопросы. Задавайте быстро, в двенадцать у меня машина.

— Тогда первый. Что вас злит?

Ланге придержал для него дверь.

— Пойдёмте. Покажу.

Кабинет у Ланге узкий, окно выходит на погрузочную рампу, где грузчик в оранжевом жилете гоняет тележку между лужами. На столе три папки. Ланге выкладывает их одну за другой и каждую прищёпывает ладонью.

— Это ушло клиенту во вторник. Это клиент вернул в среду. А это вернул вчера.

Копии в папках папиросной тонкости, по краю каждой тянется серая полоса тонера. Заказ, лист комплектации, карточка поставщика, накладная. Шон ведёт пальцем по колонке поставщиков и на трёх страницах подряд читает три разных имени. «Норт-Ист Пэкиджинг». «Нортист». «Н-Э Пак». Код на третьей странице расходится с первой в одной цифре.

— Кто это заполняет?

— Кто свободен.

— А цифры откуда?

— Кто где найдёт. В компьютере, в старых папках, в голове.

Ланге снял очки, и они повисли на шнурке на груди.

— Кто проверяет?

— В конце смотрит тот, кто собирает пакет.

— Смотрит или проверяет?

Ланге покрутил очки за шнурок.

— Вы ко всем словам так цепляетесь?

— К тем, за которыми может ничего не стоять.

Ланге задвинул верхнюю папку под две другие.

— Хотите посмотреть, стоит там что-нибудь или нет?

Стол Веры стоит у стеклянной перегородки, и сквозь стекло внизу виден цех. По ленте ползут плоские листы картона, машина складывает их в коробки и сбрасывает в стопку, ровно, раз в секунду. На краю стола лежит пропуск с именем «Вера». Папки поднимаются вокруг неё в три башни, в горшке на подоконнике растёт кактус, и на его иглы насажены скрепки.

Вере хватило одного взгляда на Шона и одного на Ланге.

— Вы будете меня улучшать?

— Я буду смотреть, — сказал Шон.

— Смотрите. Только руками не трогайте.

Свободного стула нет. Шон садится на коробку с образцами, сначала проверив её ладонью, и колени упираются в край её стола.

Вера раскрыла свежую папку. Клиент прислал три позиции, и под каждую нужен поставщик. Пальцы у Веры бегут по клавишам, и одна и та же строчка кочует из заказа в лист комплектации, из листа в накладную, каждый раз в другом виде. Заказу нужен адрес целиком, листу хватает номера склада, накладная требует код. Палец замирает над клавишей. Вера вытягивает из нижней башни старую папку, не глядя, будто знает её место на ощупь, и ведёт карандашом по строкам. Потом звонит на склад и повторяет в трубку код, по цифре, дважды. Потом кричит через перегородку.

— Норт-Ист у нас сейчас какой? Старый или с Ривер-стрит?

Из-за перегородки отвечают, что вроде новый.

— Вроде, — повторила Вера и вбила новый.

Первые полчаса Шон записывает идеи. Потом идеи кончаются, и он записывает только места, где у Веры останавливается палец.

— Сколько из этого вы держите в голове? — спросил он.

— Всё, чего не держит база.

— Мистер Ланге говорит, что в конце проверяют.

— Проверяю я. Когда успеваю.

Вера захлопнула папку и потянулась за следующей. В блокноте у Шона половина страницы зачёркнута, и почерк на ней заваливается назад сильнее обычного.

— Покажите ещё одну. С начала и до конца.

В кабинете Ланге уже ждёт, постукивая дужкой очков по столу.

— Ну? Во что мне встанет заменить всё это одной программой?

— Не знаю. И не советую.

— Тогда зачем вы пришли?

— Найти, где у вас течёт сильнее всего.

Ланге показал очками на стул. Шон сел, и стул под ним ответил коротким треском.

— Вера трижды набивает одно и то же, — сказал Шон. — Адрес, код, склад. Они не меняются от заказа к заказу. А остальное время она ищет, где они разошлись. Всё прочее я бы пока не трогал. Взять один тип заказа и одну пачку бумаг. Сначала засечь, сколько это занимает сейчас и сколько потом возвращается. Потом сделать так, чтобы постоянное вбивалось один раз.

— А если быстрее не станет?

— Тогда на этом всё.

— Сколько?

Это первый вопрос за день, на который у Шона нет даже плохой заготовки. За окном грузчик загнал тележку на рампу, и колёса громыхнули по железу.

— Скажу завтра. Письменно.

— Одной страницей, — сказал Ланге. — Длинного я не читаю.

Ночью на кухне страниц выходит две. Шон пишет, зачёркивает, пишет снова, и лампа над столом горит вполсилы, одной лампочкой из двух. Чарли сидит напротив, боком к столу, потому что живот уже упирается в край, и читает через его руку.

— Дай сюда.

Она забирает листы и его карандаш. Карандаш ходит по строчкам быстро, без раздумий, и половина второй страницы уходит под косые линии.

— Это обоснование, — сказал Шон.

— Это ты сам себя уговариваешь. Три раза одно и то же, только каждый раз длиннее. Он это не дочитает.

— А цена?

— Цену ты не написал.

Шон взял карандаш обратно и держит его над пустым низом страницы.

— Не знаю, сколько просить.

— Проси столько, чтобы тебе было не стыдно, если не получится.

Шон дописал внизу три строчки. Часть сейчас. Остальное после результата. Нет результата, нет остального.

Утром Ланге читает страницу стоя, за минуту, и вычёркивает в строке одну цифру.

— Две недели, не три. Если Вера не станет делать ту же стопку быстрее и если я не начну видеть ошибки раньше клиента, расходимся. Половину вперёд?

— Треть.

Ланге вписал на полях «1/3» и обвёл.

— Треть. Тогда первым делом засекайте, как у нас сейчас.

До вечера Шон ничего не меняет. Вера берёт обычную стопку заказов, пишет на листе время начала и работает как всегда. Шон сидит рядом на той же коробке и отмечает остановки, возвраты к старым папкам, звонки на склад и места, где уже перенесённое приходится исправ-

лять. Карандаш в его руке выводит тонкую, бледную линию, почти без нажима. Дважды у Шона на языке оказывается нужный код, и дважды он его проглатывает.

Последнюю папку Вера сама отнесла на проверку, вернулась, вписала время окончания, подчеркнула его двумя чертами и отдала лист Шону.

— Это чтобы вы потом не ввали.

— Себе в первую очередь.

Через два дня в дальнем углу офиса, у принтера, появился Пит. Худой, быстрый, с временным пропуском, на котором имя написано маркером. Он грызёт семечки и складывает шелуху в кулёк, свёрнутый из черновика. Пальцы не умеют лежать спокойно и даже в паузах барабают по краю стола. Принтер гудит рядом, и от него тянет горячей бумагой.

— Тут всё просто, — сказал Шон.

Пит перестал печатать.

— Ты третий раз говоришь «просто». Каждое твоё «просто» мне стоит недели.

Шон развернул к нему схему, нарисованную на обороте старой накладной.

— Вера выбирает поставщика. Всё постоянное подставляется само. Вера трогает только то, что в этом заказе новое.

— Подставляется откуда?

— Из карточки поставщика.

Пит ткнул в экран. В списке стоят два одинаковых названия, одно под другим.

— Из какой? У тебя тут два Норт-Иста.

— Из последней.

— Последней по чему?

Шон замолчал. Пит покрутил в пальцах семечку и отправил её в рот.

— Могу по дате правки. Кто последним трогал, тот и прав.

— Давай так.

Вера подошла с кружкой и встала у Пита за плечом.

— Если вы без меня решите, какая карточка правильная, я всё равно потом перепроверю.

Тогда зачем вы мне?

— Найдите заказы, где вы звонили на склад, — сказал Шон.

Они пошли по настоящим папкам, втроём, плечом к плечу над одним столом, и Вера то и дело отводила чужую руку от бумаги. К вечеру форма на экране стала меньше, чем была утром. Два поля, которые Шон хотел заполнять автоматически, исчезли совсем. Одно осталось ручным.

— Ты целый день только убираешь, — сказал Пит. — Мне за удаление не доплачивают.

— Тебе платят за то, чтобы Вера этим пользовалась.

— Вот это запиши. Буду тебе напоминать.

В понедельник Вера включила новую форму сама, в обычное утро, над обычной стопкой. Взяла верхнюю папку, щёлкнула по названию поставщика, и поля заполнились разом, сверху донизу, будто кто-то провёл по ним ладонью.

Листы пошли быстро. Принтер в углу едва успевает вытолкнуть один, как следом ползёт другой.

На третьем листе палец Веры лёг на строку адреса и дальше не двинулся.

— Стоп.

Шон стоит у неё за стулом.

— Что?

— Склад старый. Они в январе переехали на Ривер-стрит.

Пит наклонился к экрану.

— В карточке этот.

— В одной этот. А есть ещё одна.

Пит открыл список. Две карточки, одна под другой. В той, что правили последней, на прошлой неделе кто-то поменял телефон. Адрес в ней остался прежний.

— Программа взяла ту, что новее, — сказал Пит. — Как договаривались.

Лист с неверным адресом лежит на лотке принтера. Шрифт ровный, поля выровнены, код на месте, ни одной помарки. Ошибку от руки видно сразу, по почерку, по нажиму, по зачёркнутой цифре. Эта выглядит так, будто её проверили три человека.

— В карточках бардак, — сказал Пит. — Мы взяли то, что было.

Ланге, стоявший у соседнего стола, сложил руки на груди.

— Это правда.

Фраза у Шона готова. Карточки ваши. Мы только прочитали, что в них написано. Он слышит её целиком, гладкую, обкатанную, как ручка старого чемодана.

Шон положил ладонь на лист в лотке.

— Нет.

Пит развернулся к нему вместе со стулом.

— Что нет?

— Этот адрес выдали мы.

— Но запись...

— Неважно. Вера чуть не отправила эту бумагу клиенту. Нашу бумагу.

Он поднял лист и держит его так, чтобы видели все трое.

— Если у программы два похожих ответа и она молча берёт один, она притворяется. Она не знает. Она выбрала.

— А вот это мне нравится, — сказала Вера.

— И что теперь? — спросил Ланге.

Шон повернулся к Питу.

— Не выбирать.

— В смысле?

— Если карточки спорят, не переносить ни одну как правильную.

Пит перестал барабанить по столу.

— Показать обе.

— И остановить это поле, пока Вера не выберет.

Вера поставила кружку на подоконник, рядом с кактусом.

— А если я выберу старую?

— Тогда ошибётся человек, который хотя бы видел обе. Это лучше, чем машина, которая видела одну.

Пит придвинул клавиатуру и прищурился на часы над дверью.

— Переделывать тут прилично.

— Переделываем.

Ланге надел очки, будто так лучше слышно.

— Это в ваши две недели влезает?

Внутри у Шона всё стянуло в узел, как перед гонгом.

— Да.

— Почему?

— Потому что иначе мы две недели учили бы её быстрее печатать ошибки.

Ланге постоял ещё, глядя на лист в руке у Шона.

— Хорошо. Продолжайте.

Через день форма научилась останавливаться. Если карточки расходятся, поле адреса вспыхивает жёлтым, рядом встают оба варианта, и дальше программа не пускает, пока Вера не ткнёт в один.

Первый спор Вера проверила по телефону, прижав трубку плечом к уху и листая папку свободной рукой. Второй оказался старой карточкой, которую давно пора было пометить. На третьем Вера тихо выругалась.

— Вот такое обычно находят, когда пакет уже уехал.

— Мешает? — спросил Пит.

— Да.

Шон замер у неё за спиной.

— Но сейчас мешает вовремя, — сказала Вера.

Пилот живёт дальше. Пит приходит по утрам, забирает список замечаний и спорит с половиной, пока семечки в кулке не кончатся. Вера работает, а не показывает работу, и поэтому забывает объяснять то, что ей очевидно, ворчит на лишние щелчки и однажды заставляет Пита вернуть поле, которое они выкинули в первый же день.

— Его за неделю никто не заполнил, — сказал Пит.

— Там раз в месяц пишут, что груз не кантовать. Этот раз вы мне потом оплатите?

Шон засмеялся.

— Возвращай.

— Чему ты радуешься?

— Она только что сломала нашу схему. До клиента.

За окном у рампы серый снег оседает в островки, потом островки становятся лужами, и грузчик в оранжевом жилете объезжает их уже по привычке.

В последний день теста на столе Веры лежат рядом два листа с временем. Вера разложила их сама.

— Как было.

Она стукнула пальцем по первому.

— Как стало.

По второму.

Заказы те же, стопка такая же толстая. По первому листу Вера отнесла последнюю папку на проверку, когда над рампой уже зажгли фонари. По второму стопка кончилась к обеду.

Вера перелистнула несколько документов и остановилась на поле, которое программа неделю назад закрасила жёлтым.

— Вот это я раньше нашла бы после печати. Или клиент нашёл бы.

Ланге сгрёб оба листа к себе.

— А ошибки?

— Те, что прятались в карточках, теперь встают здесь, — сказала Вера. — Остальное всё равно на людях.

— Так и должно быть, — сказал Шон.

Ланге оглядел его поверх очков.

— Вы на такое рассчитывали?

— После первой версии я рассчитывал, что вы меня выставите.

У Пита дрогнули плечи, и он отвернулся к экрану. Ланге сложил листы вдвое.

— Не выставил.

Он выдвинул ящик стола, достал конверт и положил перед Шоном.

— Остальные две трети.

Конверт лежит между ними, белый, плотный.

— А дальше?

— Дальше вы мне скажете. Приёмка от поставщиков у нас тоже течёт. Во сколько встанет разобраться с ней так же?

Шон обернулся к Вере. Вера не отрывается от экрана.

— Только сначала посмотрите, как там на самом деле.

— Посмотрю.

— Не посмотрите. Посидите. На коробке.

— Подумайте и приходите с одной страницей, — сказал Ланге и подвинул конверт ближе.

Шон взял его.

На парковке сыро. Снег по краям асфальта осел серыми горбами, и воздух пахнет мокрым железом и выхлопом. Шон сел в машину, закрыл дверь и только тогда вскрыл конверт.

Внутри чек. Сумма, дата, подпись Ланге с длинным хвостом. На строке получателя два слова, его имя, и справа от них остаётся много пустого места.

Шон держит чек на руле и не заводит мотор. Через лобовое стекло видно крайнее окно на втором этаже, за ним стеклянная перегородка и над перегородкой край кактуса. Вера ещё работает.

Потом он убрал чек в конверт, конверт во внутренний карман и повернул ключ.

Дома Чарли сидит за кухонным столом над развёрнутой инструкцией. В прихожей стоят у стены плоские части детской кровати, перетянутые скотчем, а на столе перед Чарли выстроились четыре блюда, и в каждом винты одного размера. Пятое блюдо пустое.

Шон положил конверт поверх инструкции, прямо на рисунок с винтом.

— Это что, ещё одна деталь? — спросила Чарли.

— Остальные две трети. Ланге заплатил.

— Всё?

— Всё. И спросил, во сколько встанет следующее.

Чарли отодвинула инструкцию вместе с конвертом.

— А первое получилось?

Шон бросил куртку на табурет.

— С третьего листа.

— Рассказывай.

Он сел напротив, взял из ближнего блюда винт и катает его в пальцах, пока рассказывает. Про старый склад на Ривер-стрит. Про две карточки, обе похожие на правду. Про лист на лотке принтера, ровный, чистый и неверный. Про Веру, которая остановила его одним словом. Про Пита, который сказал, что данные плохие, и был прав. Про фразу, которая у него уже лежала на языке.

Чарли слушает, и ладонь лежит на животе.

— А ты что?

— Сказал, что адрес выдали мы. И мы научили её останавливаться.

— Её?

— Программу.

Чарли фыркнула в ладонь.

— У тебя программа уже «она». Плохой знак. Скоро имя ей дашь.

Шон вынул чек из конверта и положил перед ней. Чарли перевернула его цифрами вниз.

— А ты сам чего хочешь?

Шон оглядывает кухню. Кольцо на пальце, блюда с винтами, части кровати в прихожей, спортивная сумка под вешалкой. Утром он опять понесёт её в зал.

— Ещё. Находить такие места. Где люди годами живут с поломкой, потому что научились её обходить и перестали замечать.

— Компания?

— Нет.

Чарли постучала пальцем по перевернутому чеку.

— Империя?

— Тоже нет.

— Жаль.

Шон перевернул чек обратно, цифрами вверх.

— Сначала второй раз. Хочу понять, выйдет ли второй раз.

— Тогда спрячь, — сказала Чарли. — А то я на него винты сложу.

Шон сунул чек в нагрудный карман рубашки.

Чарли протянула ему на ладони два винта, почти одинаковых, с одной и той же шляпкой.

— Вот. У меня тоже два похожих. А дырки в кроватке разные.

Шон взял оба.

— Не угадывай. Примерь.

Он сходил в прихожую и вернулся с боковиной кроватки. Первый винт в отверстие не пошёл. Второй сел и пошёл по резьбе с первого оборота. Чарли бросила первый в пустое пятое блюдо, и он звякнул о фарфор.

Шон взял из ближнего блюда следующий. Над столом горит одна лампочка из двух, а из кармана торчит уголок чека.

Глава 9

Стулья в коридоре родильного отделения привинчены к полу по четыре в ряд, и между сиденьями нет ни щели. Шон сидит на крайнем. Через минуту он уже стоит.

От стульев до окна в торце коридора восемнадцать плиток. Шон знает это с полуночи. Плитки бледно-зелёные, у самого окна одна треснула наискось, и нога сама переступает трещину. За стеклом поста дежурная сестра пишет что-то в журнал, и рядом с её локтем вполголоса бормочет радио. Двустворчатая дверь с матовыми стёклами в другом конце коридора стоит такая же, как час назад, как два часа назад. Шон доходит до неё, разворачивается и садится обратно.

Пауль сидит через стул от него, с газетой, сложенной на кроссворде. Колпачок ручки закусен. За последний час в кроссворде прибавилось одно слово.

— Восемнадцать, — сказал Пауль газете.

— Что?

— Плиток. Я тоже считаю.

В руке у Шона пластиковый стаканчик из автомата. Кофе он взял в начале третьего, отхлебнул один раз и обжёг язык. Потом кофе остыл, подёрнулся плёнкой и стал пахнуть мокрым картоном. Стаканчик почти ничего не весит, пальцы про него давно забыли и не отпускают.

Кольцо на пальце сидит туго, как в первый день. Шон давит на него большим пальцем, кольцо не проворачивается, и он давит снова.

— Последний раз когда выходили?

— В пять минут пятого.

— А сейчас?

Пауль сверился с часами над постом.

— Без двадцати шесть.

— Это долго?

— Не знаю, Шон. Знаю, что ты спрашивал это у меня, у неё, — ручка Пауля качнулась в сторону поста, — и у охранника внизу, который вообще не отсюда.

Шон встал. Сестра за стеклом увидела его раньше, чем он дошёл до окошка, и подняла открытую ладонь. Ждите. Шон развернулся на полпути.

Над рядом стульев висит план эвакуации, и он прочитал его уже дважды, оба раза до последней зелёной стрелки. Лестница налево, лестница направо, грузовой лифт в торце. Если бы что-то случилось, он знает, куда бежать. Ничего не случается. Он садится.

Лампа над ними зудит, и раз в несколько секунд свет в ней вздрагивает, будто моргает.

— Ты так же сидел? — спросил Шон. — Когда Чарли.

Пауль закрыл ручку колпачком.

— Хуже. Тогда на лестнице ещё курили. Я выкурил свою пачку и полпачки чужой.

— И когда отпустило?

— Что?

Шон ткнул стаканчиком в сторону матовых дверей.

— Вот это.

Пауль положил газету на свободный стул и сверху ручку.

— Не отпустило.

— Совсем?

— Ей было шестнадцать, она ушла на концерт и обещала позвонить в одиннадцать. Позвонила в час. Я эти два часа просидел у телефона в куртке, как будто собирался куда-то

идти. — Пауль смотрит не на Шона, а на матовые двери. — А сейчас она за этой дверью, и я сижу и считаю за тобой плитки.

Пластик стаканчика хрустнул у Шона в пальцах.

— И что с этим делать?

— Носить. Оно не проходит. Просто через какое-то время перестаёт мешать держать ложку.

Лампа над ними снова вздрогнула.

— Утешил.

— Я не утешаю, — сказал Пауль. — Я предупреждаю. Никогда, Шон. Привыкай.

За окном в торце небо из чёрного стало серым, потом над крышей соседнего корпуса порозовело. Из сестринской пахнет поджаренным хлебом и хлоркой. Лампы под потолком горят, как горели всю ночь, и рядом с утренним светом их свет становится зеленоватым, больничным.

Мимо прокатили прозрачную тележку-люльку. Санитарка катит её одной рукой, во второй папка, и из-под одеяльца в тележке торчит красный кулачок. Шон провожает её глазами до самого поворота.

— Не наш, — сказал Пауль.

— Откуда ты знаешь?

— Наш будет громче.

Шон засмеялся, коротко, носом, и сам этому удивился.

Матовая створка распахнулась, и в коридор вышла акушерка в зелёной форме, с маской, спущенной на подбородок.

— Деккер?

Шон уже стоит перед ней и не помнит, как встал. Газета у Пауля съехала со стула на пол.

— Чарли?

— Всё хорошо. Мама в порядке, девочка в порядке.

Шея, деревянная с вечера, отпустила разом, и голова у Шона качнулась вперёд, как у человека, задремавшего сидя.

— Чарли точно в порядке?

— Устала, — терпеливо сказала акушерка. — Ждёт вас.

Шон опустил глаза на стаканчик в руке, будто видит его впервые, и протянул Паулю. Пауль взял его так, как берут на хранение чужую вещь, и остался с ним стоять.

— А девочка?

— Тоже. И громкая. Через пару минут можно будет зайти.

Палата в конце бокового коридора. На двери висит белая карточка, и на ней от руки написано «Чарльз». Шон остановился перед ней.

Ручка обычная, металлическая, затёртая до блеска там, где за неё берутся. За дверью тихо. Восемь часов он прокручивал в голове, что будет делать, если его позовут не так. Позвали так. На этот случай у него ничего не приготовлено.

Он вытер ладонь о джинсы и нажал на ручку.

Жалюзи в палате опущены не до конца, и низкое солнце лежит на полу косыми полосами. Изголовье кровати поднято. Чарли полусидит, у висков волосы мокрые, тёмные от пота, одна прядь прилипла к щеке, губы сухие. На столике рядом стоит пластиковый стакан с водой и согнутой соломинкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.